

Триллер в его первоначальном значении,
истинный page-turner.
Некогда перевести дыхание

ПАТРИК БАУВЕН

Patrick Bauwen
Soleil à savoir

ЕДИНСТВЕННЫЙ,
КТО ЗНАЕТ

18+

Coffee-In © Strong

Annotation

Марион Марш, студентка медицинского колледжа, влюбляется в блистательного хирурга Натана Чесса. В разгар их романа он внезапно бесследно исчезает. Навсегда.

Прошло пятнадцать лет. Марион давно отказалась от медицины в пользу журналистики, но не забыла доктора Чесса. Однажды на сайте Facebook некий Троянец просит добавить его в друзья.

«Я знаю, что случилось с Натаном. Поиграем?»

Троянец

- [Патрик Бовен](#)
  - [Пролог](#)
  - [Часть I](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
  - [Часть II](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
    - [Глава 19](#)
    - [Глава 20](#)
    - [Глава 21](#)
    - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Часть III](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
  - [Глава 46](#)
- [Часть IV](#)
  - [Глава 47](#)
  - [Глава 48](#)
  - [Глава 49](#)
  - [Глава 50](#)
  - [Глава 51](#)
  - [Глава 52](#)
  - [Глава 53](#)
  - [Глава 54](#)
  - [Глава 55](#)
  - [Глава 56](#)
  - [Глава 57](#)
  - [Глава 58](#)
  - [Глава 59](#)

- [Глава 60](#)
    - [Глава 61](#)
    - [Глава 62](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Музыка](#)
  - [Благодарность автора](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
-

Патрик Бовен

Единственный, кто знает

Посвящается Летиции, Марго и Жоффруа

Хочешь стать моим другом?

Аноним в «Фейсбуке»

*Я чувствую себя таким старым, мне так
нужно во что-то поверить.*

Когда ты позволишь мне вернуться к тебе?

*Я так устал, мне нужно снова с чего-то
начать.*

*Если бы у тебя нашлась минутка, почему бы
нам не поговорить*

*В том месте, о котором знаем только мы
двое —*

И тогда все наконец-то завершится?

Почему бы не отправиться

В то место, о котором знаем только мы?

*Рок-группа Keane, песня «Somewhere Only We
Know»*

Пролог

Удовольствие быть удивленной.

Вот самая сильная эмоция.

Марион сидела на крыше Отель-Дье, одной из самых старых больниц Парижа. Было немного холодно, и она смотрела, как на столицу падает снег.

Внизу поблескивали рождественские огоньки на белом покрывале заснеженной площади перед собором Парижской Богоматери. Наступило четыре часа утра, и автомобили проезжали по улицам лишь изредка. Одиноким редким прохожим возвращались домой. Звуки, доносившиеся снизу, слышались будто сквозь вату. Марион рассматривала эту картину, стараясь сохранить в памяти каждый звук, каждую деталь, малейшее ощущение, вплоть до вкуса снежинок на языке. Она даже не решалась лишний раз моргнуть — из страха нарушить хрупкое равновесие этого мига. Ей было всего двадцать лет, но она уже знала, что такие моменты — уникальные творения некой волшебной алхимии, они никогда не повторяются дважды. Поэтому Марион лишь старалась продлить мгновение насколько возможно.

Тем более что она находилась в объятиях человека, которого безумно любила.

— Что означает эта улыбка?

— Ничего, — ответила она. — Так... грезы наяву.

— Тебе хорошо?

— Лучше не бывало.

— О! Значит, сюрприз удался?

Она слегка погладила его по щеке:

— Ты даже не представляешь, насколько удался.

Натан обнял ее еще крепче:

— Я горжусь тем, что смог тебя удивить.

— Да, это законная гордость.

Он привел ее на крышу после совершенно удивительного дня. Сюда можно было попасть только по крутой винтовой лестнице, расположенной за железной запертой дверью на последнем этаже больницы. Марион даже не спрашивала, каким образом ему удалось раздобыть ключ. С Натаном она уже давно ничему не удивлялась. Когда они пришли, он усадил ее на расстеленное одеяло, достал из рюкзака плеер, бутылку вина, какую-то

еду... Все было припасено заранее.

— Хочешь еще шоколада?

— Нет.

— Вина? Сигарету?

— Нет, ничего.

У нее немного болел живот, уже не первый день, но она не хотела говорить об этом Натану, чтобы не омрачать праздник. Она предпочитала не обращать на это внимания.

Представьте себе, что вы оказались на вершине мира. Вид просто потрясающий. Вам совершенно не хочется думать о том, что рано или поздно придется спускаться.

— Что-то не так?

— Нет-нет, все в порядке.

— Ты вся съежилась...

— Я не могу долго сидеть без движения, ты же знаешь.

— Ты замерзла?

— Да нет же.

Она выпрямилась, внезапно ощутив непонятную тревогу, и обхватила лицо Натана ладонями:

— Скажи, что ты меня любишь.

— Конечно люблю.

— Нет, не так.

— Ну, хорошо.

Он глубоко вздохнул и посмотрел ей прямо в глаза:

— Марион Марш, я тебя люблю. Ты возлюбленная моей души. И я никогда с тобой не расстанусь... Никогда.

— Мы будем вместе до конца своих дней?

— Да.

— У нас будут дети? Дом — полная чаша? Мы проживем прекрасную жизнь?

— Да.

— Ты уверен?

— Без вариантов.

Марион уткнулась лицом ему в грудь.

— Так лучше? — спросил Натан.

— Да, вот так хорошо. — Она чувствовала себя немного смешной. — Извини. Что-то я запаниковала. Так много счастья сразу — это даже пугает.

— Я понимаю. И мне тоже страшно, если честно. Но это несерьезно. Я думаю, что иногда бывает лучше, если все идет как идет.

Она улыбнулась:

— И все-таки, дорогой романтик, это довольно забавно.

— То есть тебе смешно?

— Немножко.

— И это после всех моих сегодняшних стараний!..

— Я пошутила. Ты сделал этот день просто прекрасным.

— М-мм... — недовольно произнес Натан.

— Исключительным. Волшебным.

— М-ммм...

— Фантастическим... Божественным. Ты — бог.

— О, вот это другое дело.

— Теперь, когда твоя мания величия удовлетворена, поцелуй меня.

Он так и сделал. Поцелуй длился долго. Затем Натан слегка отстранился и озабоченно взглянул на нее:

— Ты не слишком замерзла? У тебя губы холодные...

— Со мной все хорошо.

— Да нет же, ты прямо заледенела!

Он поднялся:

— Подожди, я схожу принесу еще одно одеяло. Внизу, у врачей «скорой», их полно.

— Не надо, все в порядке, — попыталась протестовать Марион.

— Это займет пять минут, не больше, — мягко сказал он.

И направился к лестнице.

— Натан!

Он остановился.

Марион пристально взглянула на него:

— Я тебя люблю.

Он улыбнулся:

— До скорого.

И исчез.

Марион повернулась, желая еще раз посмотреть на Нотр-Дам.

Внизу неоновая вывеска, горевшая над отделением скорой помощи, бросала красноватые отсветы на снег. Марион обхватила колени руками, чтобы согреться. Собственное тело казалось ей далеким, почти отсутствующим.

Она закрыла глаза и принялась ждать мужчину своей жизни.

Марион не чувствовала нетерпения. Она думала о множестве волшебных сюрпризов, о всех тех незабываемых моментах, которые он так хорошо умел создавать — только для нее.

Она ждала.

Ждала долго.

Но Натан так и не вернулся.

Часть I

Одно убьет другое

Глава 1

Пятнадцать лет спустя

Марион нетерпеливо ерзала на заднем сиденье такси. Дождь хлестал в стекла, громко барабанил по крыше. В нескольких метрах впереди сквозь сверкающую завесу воды виднелся вход в больницу. Кажется, госпиталь Неккера...

— Марион, вы меня слышите?

Высокие мрачные стены заставляли думать о придонной волне, незаметно растущей под безмятежной гладью моря. Волне, готовой вот-вот тебя поглотить...

— Марион?

Мир внезапно стал сплошь серым и черным, — за исключением красной неоновой вывески над отделением скорой помощи.

— МАРИОН! Вы там оглохли или что?..

Голос, все громче раздающийся из мобильного, вывел ее из оцепенения. Она поднесла телефон к уху:

— Извините, мадам Борман.

— Где вы, черт возьми?

— В такси.

— Я вас жду уже двадцать минут!

— Простите... на улицах такие пробки...

— Мой доклад у вас с собой?

Марион порылась в портфеле, лежащем у нее на коленях. Папки, статьи, сколотые скрепками листки... Часть документов высыпалась на пол. Таксист с подозрением наблюдал за ней в зеркало заднего вида. Марион сделала вид, что этого не замечает, и вытряхнула все остальное содержимое портфеля на сиденье.

— Ну что? — нетерпеливо спросил голос в телефоне.

Наконец она нашла то, что искала:

— Да-да, он у меня.

— Хорошо. Подвезите его ко входу в ресторан.

— Да, мадам. Простите, что я...

Но собеседница уже завершила соединение.

Марион торопливо собрала рассыпанные документы.

Иногда спрашиваешь себя, зачем тебе эта работа ассистента, которая заключается преимущественно в том, чтобы служить громоотводом для

плохого настроения начальницы.

Ответ всегда один и тот же: затем, что она оплачивает тебе жилье.

Вторая причина: ничего лучшего у тебя все равно нет.

Шофер с трудом продвигался к перекрестку в потоке плотного движения, то и дело чертыхаясь вполголоса. Марион наблюдала за скоплением машин и людей. Попытаться проехать через центр Парижа в тот час, когда освобождается большинство офисных работников, — совершенно безумное предприятие. Она совершила большую ошибку, понадеявшись на то, что в этот раз ей удастся добраться до места быстрее, чем обычно, и теперь кусала локти. Гораздо лучше было бы поехать на метро.

Таксист, видимо уже привычный к такому положению дел, продолжал свой опасный слалом вдоль бульвара, выставив локоть в окно и беспрестанно проклиная подростков на скутерах, женщин за рулем, стариков, норовящих попасть под колеса, фургончики, развозящие товары с доставкой на дом, и новые автобусные маршруты — все это, по его мнению, служило причиной растущего количества аварий на дорогах.

Наконец, резко затормозив, он остановил машину в нижней части Елисейских Полей:

— Приехали.

Марион нахмурилась: до ресторана, возле которого у нее назначена встреча, оставалось еще метров сто.

— Вы не довезете меня до места?

— Вся улица забита. С вас девятнадцать евро.

— Но дождь как из ведра...

Таксист резко обернулся к ней:

— Теперь — девятнадцать евро *и двадцать сантимов*. Ну, вы выходите или нет?

Марион швырнула ему в лицо купюру и резко хлопнула дверцей. Теперь еще пришлось стоять на переходе, ожидая, пока загорится зеленый, под проливным дождем... Звук клаксона, поток ледяных брызг из-под колес... Наконец она добралась до противоположного тротуара. Ресторан «Фуке», который был ей нужен, виднелся в ста метрах впереди.

Стараясь идти не слишком быстро, чтобы не поскользнуться и не упасть — только этого не хватало для полного счастья! — она наконец приблизилась к толпе в смокингах и вечерних платьях, собравшейся на террасе у входа в ресторан под целым лесом раскрытых зонтиков.

Марион украдкой взглянула на себя в карманное зеркальце. С намокшими волосами-сосульками и потеками туши на щеках, она

выглядела не лучше бродячей собаки, попавшей под дождь.

Ну что ж, тем хуже. В конце концов, ее ведь не пригласили на праздник.

Она пересекла кордон охраны, прошла мимо собравшихся на красной дорожке гостей и направилась к двери, стараясь придать себе как можно более уверенный вид.

Но тут путь ей преградил швейцар, мощный как скала.

Марион пришлось запрокинуть голову, чтобы его рассмотреть: ливрея пятьдесят шестого размера, черная борода, вьющиеся волосы, взгляд наемного убийцы. Что-то среднее между эстрадным певцом и чемпионом по американской борьбе.

— Что вам угодно? — спросил швейцар.

— Я ассистент Катрин Борман, продюсера «Франс телевизьон», — ответила Марион.

— У вас есть приглашение?

— Это она устраивает вечеринку.

— Мне нужно приглашение.

— У меня его нет.

— Тогда извините.

Швейцар переключил внимание на вновь прибывших гостей, больше в упор не замечая Марион, словно та внезапно растворилась в воздухе.

Она вынула из портфеля распечатку с докладом:

— Я должна передать ей вот это.

Швейцар слегка повернул голову, видимо удивленный тем, что назойливая посетительница еще здесь:

— Простите?

— Это доклад мадам Борман, я должна передать его ей лично в руки.

— Это невозможно.

— Но она меня ждет.

— Я же вам только что сказал: это невозможно.

— Скажите, есть какая-то спецшкола, где учат так разговаривать с людьми?

Он пропустил этот вопрос мимо ушей.

Марион сменила тактику:

— У вас за спиной рекламный плакат. Прочтите его.

— С какой стати?

— Там написано: *Международный аудиовидеофестиваль*. И ниже: *Вступительная конференция*.

— И что?

Марион сунула листки ему под нос:

— Это вступительный доклад мадам Борман. Если я его не передам, она не сможет произнести речь на открытии фестиваля.

Глаза гиганта в ливрее превратились в лазерные лучи.

— Послушайте, мадам. Сюда пытаются проникнуть десятки людей под десятками самых разных предлогов. Но если у вас нет приглашения, я вас не пропущу. Кажется, это не сложно понять?

Марион, взглянув на него в упор, спросила:

— У вас, часом, нет кузена-таксиста?

— Что?

— Так, ничего. Не обращайтесь внимания.

Она вынула из кармана мобильный, набрала номер патронессы. Однако услышала автоответчик.

Черт, что ж за невезение!

Марион сделала глубокий вдох и снова обратилась к церберу:

— Ну, хорошо. Я уже поняла, что мы по разные стороны баррикады. Но любую проблему можно решить. Я прошу у вас о совсем несложной вещи. О крошечном одолжении. Если вы впустите меня буквально на минуту, я...

— Это невозможно.

— ДАЙТЕ МНЕ ПРОЙТИ! Я должна передать этот гребаный доклад!

К ним обернулось несколько человек. Марион покраснела.

Именно этот момент выбрала Катрин Борман для появления в холле.

— Да где вас черти носят?!

Марион буквально открыла рот от изумления.

Начальница выхватила доклад у нее из рук со словами:

— Ничего не говорите.

И начала быстро просматривать листки. Затем предостерегающе подняла указательный палец.

— Не уходите. Я должна убедиться, что ваш перевод выполнен корректно. На конференции много англичан и американцев, я не хочу нести перед ними невесть что.

Продюсер исчезла. Прошло несколько минут, в течение которых швейцар не отрывал от Марион глаз. Она, в свою очередь, прилагала все усилия к тому, чтобы не умереть от стыда прямо на месте.

Наконец швейцар произнес:

— Я всего лишь выполняю свою работу.

— Ну да.

— Я не знал...

— О'кей.

— Можете посидеть на террасе, если хотите.

Он указал на столик под рефлектором обогревателя.

Марион направилась туда и села. Она с удовольствием поставила бы портфель на пол, но все вокруг было мокрым от дождя, так что она продолжала держать портфель на коленях. Потоки дождя стекали с зонтика, образуя вокруг нее сплошной водяной занавес. Она поправила полы плаща и плотнее прижала портфель к себе.

У нее зазвонил мобильник.

— Дорогая?..

— Папа! — Лицо Марион немного оживилось. — Если бы ты знал, как я рада тебя слышать! Старая карга заставила меня сочинять ей доклад, причем в последний момент, на четвертой скорости... на английском, разумеется... а потом сразу вести его на конференцию. Я застряла в пробке. И вот теперь она маринует меня снаружи... Я точно с ума сойду. Так что извини, я, наверно, слегка опоздаю на ужин...

— Марион... — Голос отца звучал неуверенно. — Я как раз по этому поводу... Я не смогу прийти.

Марион, пораженная, обмякла на стуле:

— Что?!

— Мне очень жаль...

— Но папа... это же мой день рождения. Ты обещал!..

Она не смогла продолжать — в горле стоял ком.

— Давай отпразднуем в уик-энд, — предложил отец. — К тому времени в Париж приедут твои кузены, так что можно будет убить одним выстрелом двух зайцев...

Марион закрыла глаза.

— Почему бы тогда уж не встретиться всем вместе на Рождество? — с досадой проговорила она. — Еще лучше: одним выстрелом — сразу трех зайцев...

И, не дожидаясь ответа, она со злостью нажала клавишу «отбой».

И тут же об этом пожалела.

Телефон зазвонил снова.

— Извини, папа, я не хотела...

— Это ваша патронесса, Марион.

— Мадам Борман?

— Да. Кажется, я по-прежнему ношу эту фамилию.

В стекло за ее спиной постучали. Марион обернулась. Катрин Борман наблюдала за ней из холла ресторана, поджав губы.

— Я прочитала ваш доклад. Очень средненько. Ничего другого у вас нет?

— Нет.

— Ну что ж, придется выступать с этим.

Марион опустила глаза.

— Мадемуазель Марш?

— Да?

— Никогда больше не подводите меня так, как сегодня. Иначе окажетесь в черном списке «Асседик»... Вы меня поняли? — добавила Катрин Борман.

И завершила соединение.

Глава 2

Марион поднялась по улице Монторгей, нагруженная магазинными пакетами, и наконец остановилась у своего дома. Набрала код и толкнула плечом входную дверь.

Коридор освещался единственной тусклой лампочкой. Обшарпанные стены, паутина под потолком... Коричневые почтовые ящики, забитые смятыми рекламными проспектами...

Она миновала коридор, вышла во внутренний дворик, покрытый каменными плитами — истинное бедствие для каблуков! — добралась до лестничной площадки и поднялась на второй этаж. Затем поставила пакеты на пол и сунула руку в портфель, пытаясь отыскать ключи.

Соседи опять ссорились. Слышался звон битой посуды — все как всегда... Марион вошла в квартиру, поставила пакеты в небольшой шкафчик для продуктов и закрыла дверь.

Общая площадь ее студии составляла не больше двадцати восьми квадратных метров, но в свое время Марион подпала под обаяние этой квартирki: беленные известкой стены, старые деревянные балки под потолком, старинная плитка на полу... В отведенном под кухню уголке располагались изящная деревянная стойка и два табурета. Она добавила сюда несколько предметов меблировки, цветы, ковер и книги, десятки и сотни книг: английская и американская литература, учебники по медицине, романы в узорчатых обложках, приобретенные у букинистов, и даже ксерокопии факультетских методичек.

Подошел кот и потерял об ее ногу.

Марион сняла плащ, шарф и повесила их на уже перегруженную вешалку. Затем поставила кастрюлю с водой на газовую плиту.

Кот снова свернулся в клубок на сборнике французских стихов.

Марион вошла в ванную. Медленно и аккуратно стерла макияж при мягком свете ламп, окружавших зеркало. Потом собрала волосы в узел и несколько минут пристально разглядывала свое отражение.

Она уже была немолода, но еще не стала старой. И она не знала, что с этим делать.

Просто в один прекрасный день вы смотрите на себя в зеркало и вдруг осознаете: вы уже не та, что на фотографиях. Тех самых, что хранятся в альбомах, которые вы никогда не открываете. И вот вы достаете эти альбомы, желая убедиться в истинности своего недавнего открытия. И эта

истина вас потрясает.

Вы хорошо помните вот этот снимок, сделанный на свадьбе друзей, или вот этот, рождественский, в дурацком колпаке... Ужасная стрижка, слишком круглое лицо, жесткие волосы...

Но не это заставляет вас вздрогнуть, а ощущение молодости и беззаботности, которое так явственно читается на этих фотографиях.

Вы вдруг понимаете, что эти вещи ушли навсегда. Что они уже не вернутся.

«Потерянное время никогда не возвращается». Эту фразу любил повторять ваш отец, и сейчас она вдруг поражает вас в самое сердце.

Что вы совершили в своей жизни? Куда улетучились все ваши мечты? Где эта потрясающая девушка, которая собиралась станцевать на вершине мира?

Почему вы так одиноки?

Марион закрыла глаза.

Она терпеть не могла себя жалеть. Жалость к себе — признак слабости, а она не хотела быть слабой, поскольку знала, к чему это может привести.

Она открыла аптечный шкафчик и проглотила таблетку.

Потом, после некоторого размышления, еще одну.

После этого вернулась в кухню и налила себе чашку чая. Затем вынула из холодильника праздничный торт, отрезала большой кусок и положила на тарелку. Тарелку поставила на пол вместе с праздничной свечой.

Остатки торта она выбросила в мусорное ведро.

— Ну что, Кот, с днем рождения меня!

Час спустя Марион перебралась на диван и закуталась в плед. Это было ее любимым времяпрепровождением — лежа на животе, постукивать по клавиатуре ноутбука. «Чисто для атмосферы» она не стала выключать телевизор — просто убавила звук до минимума.

Она запустила руку в пакет с печеньем из гранолы и подключилась к Интернету. На экране открылась голубая страница с надписью:

Добро пожаловать в «Фейсбук».

Она набрала пароль и зашла на свою страницу, чтобы просмотреть последние сообщения от друзей. Каждый отчитывался о своей недавней деятельности:

«Нико Т. готовится к предстоящей поездке». «Изабель Б. печет булочки». «Алина Л. нашла себе жилье».

Она быстро пробежала продолжение.

«Жан-Поль и Дженни в эти выходные приедут в столицу, чтобы навестить свою малышку Марион».

Те самые кузены, о которых говорил отец...

Но все же это сообщение заставило ее улыбнуться. Проходят годы, вы взрослеете, но для кого-то все равно навсегда остаетесь «малышкой Марион»...

Она отправила им благодарственный комментарий.

«Зло Р. был на концерте группы Keane».

Марион кликнула на кнопку «Мне нравится».

«Лионель сегодня вечером идет в турецкие бани».

Это сообщение она проигнорировала.

Лионель, старый лицейский приятель, разыскал ее в «Фейсбуке». Она внесла его в список друзей и один раз приняла приглашение на чашку кофе, просто из вежливости. Но Лионель неслыханно возбудился и теперь забрасывал ее содержащими массу сексуальных намеков посланиями, попутно жалуясь на то, что с женой у него «не ладится», — в общем, явно стремился «углубить отношения». Когда она читала все это, ей хотелось его придушить. Отношения? Какие к черту отношения? Неужели один тот факт, что вы проводите время в социальных сетях, заставляет сразу видеть в вас доступную женщину? Она больше никогда не вступала с ним в переписку. Липучка Лионель заслуживал только того, чтобы послать его лесом.

Она продолжала чтение:

«Маэлле Р. уже достал этот дождь!», «Ксавье Б. играет в „Камулокс“», «Хауа Х. стоит в пробке»...

Каждый раз Марион оставляла короткий комментарий.

«Кора Шеновиц снова без партнера».

На этом сообщении Марион задержалась. Кора была ее лучшей подругой. Они познакомились на сайте кулинарных рецептов. Шутливые разговоры переросли во все более серьезные, и взаимопонимание двух женщин быстро укрепилось. Кора всегда сообщала о переменах в сфере личных отношений — точнее, статусов было только два, и они периодически менялись: «с партнером» и «без партнера».

До того как сама окунулась в социальные сети, Марион часто спрашивала себя, как люди могут без стеснения сообщать подобную информацию незнакомцам. Потом поняла. Количество ее «друзей» осталось небольшим — что-то около тридцати, — и по-настоящему она их не знала, но они жили, страдали, как-то отзывались на происходящее в ее жизни... В глазах Марион этого было достаточно, чтобы сделать их более реальными, чем ее настоящие знакомые. С тех пор как стала общаться в «Фейсбуке», она не чувствовала себя такой одинокой, как прежде.

Машинально доедая печенье, она некоторое время раздумывала над тем, как лучше всего вкратце сформулировать сегодняшние события, затем напечатала:

У Марион

и спустя некоторое время добавила:

... выдался паршивый вечерок.

Первый комментарий не замедлил появиться:

Добро пожаловать в клуб!

Это написала Кора Шеновиц.

Почти сразу раздался звуковой сигнал, означающий, что подруга хочет продолжить беседу в частном порядке. Марион согласилась. Открылось диалоговое окно.

— *Привет, красотка,* — написала Кора.

— *Привет,* — ответила Марион. — *Все в порядке?*

— *Все как у одинокой старой девы. Я порвала с моим парнем.*

— *Из-за чего?*

— *Он слишком любил своих друзей и видеоигры.*

— *Мужчины все одинаковые, ИМХО.*

— Хочешь сказать, все они живут стаями? Превращают твою квартиру в сквот? Тратят твои деньги и стреляют у тебя сигареты?

— Хм... Это уже серьезнее.

— И заметь, я все же попыталась все это ему объяснить.

— И что?

— Он сказал, что не отречется от своих ценностей. Что он не готов переделать свою жизнь по буржуазному образцу: работа, семья, собака, загородный дом...

Марион фыркнула, потом напечатала:

— Что ты ответила?

— Что если его ценности — это целыми днями валяться на диване, разбрасывать повсюду объедки пиццы и считать меня заботливой мамочкой, то они диаметрально противоположны моим.

— ЛОЛ!

— Этот паразит еще и расхныкался. Сказал, что будет искать работу. Что я должна помочь ему пережить кризис.

— Пытался тебя разжалобить?

— Скорее притворялся самым жалким образом.

— А ты что?

— Отнесла его чемоданы на парковку. Заодно он прихватил с собой телевизор и Playstation. Которые, между прочим, оплачивала я.

Марион вздохнула.

— Ох, эти мужчины...

— Да уж. «Когда целуешься с вором, не забывай пересчитывать свои зубы», — гласит еврейская пословица. Словом, полный разрыв. А что у тебя?

— Пришлось делать срочную работу. Кошмар. Начальница меня ненавидит. Что бы я ни делала, ей все плохо.

— А как твой ужин с отцом?

— Не состоялся.

— Паршиво. Не хочешь куда-нибудь выбраться поужинать?

— Уже. «Набей желудок, и на душе полегчает».

— *Тоже пословица?*

Марион бросила взгляд на лежащий рядом пакет с печеньем.

— *Нет. Слоган «Гранола Чоко».*

— *Хе-хе. Ну, до завтра.*

Статус подруги изменился на «офлайн».

Марион улыбнулась.

Благодаря этому виртуальному разговору ей полегчало. Марион больше не чувствовала себя такой подавленной, как раньше. Она уже собиралась покинуть сайт, как вдруг заметила вверху экрана надпись: *У ВАС ЕСТЬ 1 НОВОЕ СООБЩЕНИЕ*. В почтовый ящик пришло письмо. Марион щелкнула по нему.

Автором послания оказался некий Троянец. В его профиле не было фотографии — только силуэт, в центре которого красовался вопросительный знак.

Интересно...

В «Фейсбуке» нечасто встречались псевдонимы — обычно люди сохраняли свои реальные имена. Марион открыла послание. Оно содержало всего несколько слов:

«Здравствуйте. Хотите быть моим другом?»

Больше ничего.

Марион кусала губы. Ей не слишком нравились такие вещи. Социальные сети — широкое поле для знакомств, в том числе для откровенных приставаний, все это знают. За неизвестным ником мог скрываться кто угодно. Марион ничего не имела против новых впечатлений, но к их числу не относились заигрывания с незнакомцами. Поэтому она не стала выкладывать в открытый доступ личную информацию — адрес, телефон, учебное заведение... А после появления Липучки Лионеля скрыла и дату рождения.

Марион кликнула на профиль Троянца, чтобы узнать о нем больше.

Ничего.

Заглянула в раздел фотографий — ни одного снимка. И, что еще более странно, у него не было друзей. Ни одного. Если верить истории регистраций на главной странице, псевдоним Троянец был создан всего несколько минут назад.

Почтовый ящик Марион снова пополнился.
У ВАС 1 НОВОЕ СООБЩЕНИЕ.
Заинтригованная, она кликнула по нему.

«Хотите быть моим другом?» — повторил Троянец.

Марион поразмышляла немного. Потом медленно напечатала:

*«Я не принимаю приглашения от незнакомых людей.
Извините».*

И нажала кнопку «Отослать».
Прошло некоторое время.

«ОК», — написал Троянец.

Потом прибавил:

«Мне жаль, но это ничего не изменит».

И почти сразу вслед за этим прислал новое сообщение:

«Придется взяться за дело иначе. До скорого, Марион».

Словно чье-то ледяное дыхание коснулось ее затылка. Вздрогнув, Марион перечитала последние слова. Затем напечатала по-английски «роке», что означало требование объяснений, но иконка ее собеседника уже была не активна.

Он отключился.

Троянец исчез.

Глава 3

Марион вышла из дома с первыми лучами солнца.

Крыши столицы покрывала тонкая нежно-розовая вуаль. Марион подняла глаза: крошечные снежинки, казалось, застыли в воздухе, словно не решаясь опуститься на тротуар, чтобы в тот же миг растаять. Она поглубже натянула шапочку, плотнее запахнула пальто и поправила шарф.

И это называется весна...

Марион пересекла улицу Монторгей, где торговцы зеленью уже разгружали свои тележки, и направилась к станции метро «Центральный рынок». Ночь выдалась беспокойной. И незнакомый тип, появившийся вчера в «Фейсбуке», тут совершенно ни при чем. И без него имелось много поводов для бессонницы.

Всегда одно и то же: вы пытаетесь заснуть, думая о своих насущных проблемах, но чем больше над ними размышляете, тем меньше вам хочется спать. Потом вы думаете о незнакомце, который приставал к вам накануне. Скорее всего, какой-то псих. Но по-настоящему злитесь не на него, а на своего отца, который в очередной раз с легкостью пожертвовал теми редкими мгновениями, которые вам так дороги. Потом вы думаете о своей начальнице, которая отравляет вам существование. Потом об этом самом существовании, которое представляется вам безнадежно пустым. Куда исчезла даже надежда на перемены? Какой смысл во всем этом?.. Потом вы переворачиваетесь на другой бок, и все начинается сначала.

— Эй, вы проходите или нет?..

Марион только сейчас осознала, что стоит у входа в метро с картой «Навиго» в руке.

— Пошевеливайтесь! — нетерпеливо произнес у нее за спиной другой голос.

И она влилась в толпу, заполнившую переходы метро.

Цоканье каблучков по каменным плитам. Потоки горячего и холодного воздуха. Затем — платформа, запах каучука. Прибыл поезд, двери с шипением разъехались в стороны. Одни люди вышли, другие вошли, расталкивая друг друга с таким остервенением, словно вагоны — это спасательные шлюпки. Многие пассажиры сжимали в руках мобильные телефоны, набирая сообщения, очевидно, первостепенной важности. Некоторые читали. Другие просто стояли с мрачным видом или дремали, прислонившись к стеклу. Ни одной улыбки. Ни одной попытки бунта

против этой грандиозной человеческой комедии.

Доехав до станции «Сен-Мишель», Марион пересела на линию RER C. Затем вышла на платформе «Андре-Ситроен» и оттуда уже пешком добралась до «Франс телевизон».

Стеклянный турникет. Пост службы безопасности. Два охранника, разыгрывающие из себя, со своими наушниками, «людей в черном». Марион вошла в огромный холл со стеклянным потолком. Справа — портреты дикторов. Она свернула налево, к бюро пропусков, чтобы сообщить о своем прибытии. Молодая женщина протянула ей бейджик.

Еще одно унижение — эти дурацкие бейджики. Они предназначались для посетителей. Вынуждая ее использовать бейджик, Катрин Борман лишней раз напоминала Марион о ее статусе — о том, что она не штатная тележурналистка, а просто ассистентка на птичьих правах.

Марион, прицепляя бейджик, каждый раз вспоминала о традиционной надписи, которую вклеивают в школьный табель: «Должна сдать испытательный экзамен». Годы идут, экзаменаторы меняются, но методы остаются прежними. Может быть, ей стоило бы написать статью о психологическом давлении на работе (одной из ее четырех).

Новый турникет. Во внутреннем дворике сотрудники пили кофе под обогревательными зонтиками. Марион узнала литературного хроникера, прославившегося своим талантом выставлять писателей идиотами. Она поднялась на лифте на свой этаж, прошла по длинному белому коридору и вошла в просторное помещение, разделенное стеклянными перегородками наподобие отдельных кабинетов.

У себя на факультете она всегда работала в абсолютной тишине. Для того чтобы научиться писать тексты среди шума и суеты, ей потребовалось немало времени, но в конце концов она к этому привыкла.

Марион вошла в свой отсек. На столе ее ждал огромный букет роз. Удивленная, она приблизилась, машинально положила на стол сумку и в этот момент заметила открытку, лежавшую рядом с букетом. Перевернув открытку, Марион прочитала:

Извини за вчерашний вечер...
Я тебя люблю!

Папа

Она улыбнулась и поднесла букет к лицу, вдыхая аромат роз, в то время как заинтригованные сотрудницы наблюдали за ней со своих мест,

вытянув шею. Марион загадочно улыбнулась, всем своим видом изображая, что букет прислал поклонник, и сунула открытку в карман.

Что ж, в конце концов, сегодняшний день обещает быть не самым плохим в ее жизни.

Она включила компьютер.

Работа ее заключалась в том, чтобы обрабатывать материалы «настоящих» журналистов и репортеров Катрин Борман, всемогущей телемагнатессы. Марион сортировала полученную от них информацию, обогащала ее новыми подробностями, собирала фактические данные и иногда делала переводы — в тех случаях, когда телепрограммы создавались на основе зарубежных аналогов. От нее требовалось присутствовать на рабочем месте допоздна и трудиться оперативно. В лучшем случае за все старания ее благодарили милостивым кивком головы. В худшем — все плоды ее труда отправлялись в мусорное ведро, а ей объявлялось, что, увы, этот сюжет решено исключить из программы — а разве, милочка, вас никто об этом не предупредил?

Официально она занимала должность ассистентки. Фактически ее обязали делать все, чего бы ни потребовала от нее Катрин Борман.

Экран монитора «аймака» Марион вспыхнул, процессор заурчал, загружая множество программ одновременно. В почтовом ящике оказалось с полдюжины новых писем, в основном от патронессы. Марион быстро пробежала их глазами и вдруг замерла, остановившись на последнем письме в списке непрочитанных входящих сообщений.

Оно пришло не от работодателя.

Марион еще раз прочитала имя отправителя, чувствуя, как внутренности словно скручиваются тугим узлом.

Отправитель: Троянец

Она инстинктивно огляделась по сторонам.

Редакция крупного телеканала представляла собой суматошное, но в целом довольно приятное место. Сотрудники прибегали и убегали, нагруженные рабочими материалами. Никто из них, разумеется, не мог желать ей зла. Так что, скорее всего, это просто чей-то розыгрыш. Она работала ассистенткой всего несколько месяцев. Может быть, здесь так принято подшучивать над новичками?..

Марион кликнула по сообщению. Появился текст:

«Здравствуйте. Я отправил вам два подарка. Первый

прибудет сегодня утром. Потрудитесь его открыть».

И все.

Тон письма вызвал у Марион раздражение. Мало того что этот тип приставал к ней в «Фейсбуке», теперь он еще и отправляет письма на ее рабочий электронный адрес. Кстати, как он его узнал?

Перечитав эти несколько коротких фраз, она некоторое время над ними поразмышляла.

Незнакомец выражался в приказной манере, почти военной.

Единственное, что можно было сделать в такой ситуации, — просто не отвечать, как поступала она в подростковом возрасте, отказываясь продолжать телефонный разговор с каким-нибудь особенно навязчивым мальчишкой по требованию отца.

Разве что... теперь она стала взрослой и научилась самостоятельно справляться с чувствами. Она избавилась от сакральной власти отца вовсе не для того, чтобы поддаться манипулированию какого-то незнакомого психа.

Раздался звуковой сигнал: новое письмо.

Первый подарок.

Марион невольно отшатнулась от экрана монитора.

Уже?!

Вокруг нее кипела привычная редакционная деятельность.

Она открыла письмо.

На этот раз в нем не содержалось ни одной фразы — только прикрепленный видеофайл.

Марион нахмурилась. А что, если это вирус? Так часто бывает — с незнакомого адреса приходит зараженный файл... Кто-то решил повредить ее компьютер?

Ее пальцы нерешительно замерли над клавиатурой.

Открывать, не открывать?..

Наконец она все же кликнула по иконке. Загрузка файла началась.

20 %... 55 %... 95 %...

На экране монитора появилась фотография.

Масштаб был довольно мелкий, и рассмотреть все в подробностях не удавалось. Вдалеке виднелись яхта и стоящий на мостике человек. Из-за удаления было невозможно разглядеть черты его лица. В качестве подписи стояло имя — «Адриан Фог» — и дата — несколько месяцев назад.

Адриан Фог? Кто это?

Марион выбрала опцию «увеличить изображение». Лицо человека приблизилось, заняв почти весь экран монитора.

И тут она испытала настоящий шок.

Когда она узнала этого человека, на нее ледяной волной накатил ужас. Она поняла, что все защитные барьеры, воздвигаемые ею год за годом, оказались бесполезны. Что ее внутренняя плотина вот-вот рухнет.

На его лице не было ни единой морщины.

Его небрежная поза, его всегда немного покровительственная манера держаться, его незыблемая уверенность, что с вами ничего не случится, пока он рядом, его неотразимо обаятельная улыбка — все осталось прежним. Как будто они расстались всего пару минут назад...

Она судорожно вдохнула воздух, преодолевая спазм в горле, и вцепилась в край стола.

Марион не знала, кто такой Адриан Фог.

Но человека на фотографии она очень хорошо знала.

В другой жизни, в сотне световых лет от нынешней, полицейские службы нескольких стран долго разыскивали его, прежде чем наконец официально занести в списки людей, пропавших без вести.

Если быть точной, это произошло пятнадцать лет назад.

Он был человеком всей ее жизни.

Его звали Натан Чесс.

Глава 4

Раньше

— Чесс. Доктор Натан Чесс. Здравствуйте. — Человек протянул ей руку. — Я хирург-ортопед. Отвечаю за неотложную хирургическую помощь, когда начальник этой службы отсутствует. Иными словами — почти все время.

Марион пожала протянутую руку:

— Очень приятно.

— Взаимно.

Но по его лицу это было не слишком заметно.

— Ну что, идем?

Он сунул руки в карманы халата, развернулся и, даже не обернувшись к ней, двинулся по коридору. Высокий, черноволосый, с длинными белыми руками. Одежда его была помята, и он выглядел усталым. Марион заметила, что шнурок на одном из его ботинок развязался. Должно быть, Натан Чесс — сверхисполнительный или фанатично преданный своей работе человек — или и то и другое, — поскольку для заведующего отделением он был еще довольно молод, не старше тридцати лет.

Марион невольно вспомнила вампира Лестата, героя серии книг Энн Райс.

Ей пришлось почти бежать, чтобы успеть за доктором Чессом.

— Вы знаете Отель-Дье? — спросил он.

— Только по названию.

— Это самая старая из парижских больниц. Здесь, в башне, некогда располагалась тюрьма — сюда привозили на лечение заболевших заключенных из других тюрем. Вы об этом знали?

— Нет.

Он распахнул дверь на лестницу, поднялся, поздоровался с кем-то из коллег и вошел в обшарпанную комнату, вдоль стен которой тянулись металлические шкафы.

— Вот ваш шкаф, — сказал он, распахивая один из них.

— А что, он не запирается на ключ?

— Все ценные вещи вам лучше сохранять при себе. Кражи здесь не редкость.

— А кто ими занимается? Персонал?

— Персонал. Бомжи. Наркоманы. Все, кто сюда попадает. Даже ваши

коллеги.

— Студенты-медики?

— Богачи здесь не работают. Если у вас с собой имеются вещи, которые вам дороги, храните их при себе. А лучше оставляйте дома.

Натан Чесс посмотрел на часы и подождал, пока Марион наденет халат. Она собрала волосы в хвост, перетянув их эластичной лентой, затем быстро рассовала по карманам необходимые вещи — записную книжку, ручку, молоточек для проверки рефлексов и стетоскоп.

Затем они снова спустились в приемную — тем же торопливым шагом, почти бегом.

— Я не потребую от вас ездить на вызовы, — сказал доктор Чесс. — Служба скорой помощи состоит из двух отделений: срочная медицинская помощь и срочная хирургическая. Все пострадавшие с травмами, ранами, другими повреждениями в результате несчастных случаев, автокатастроф — словом, все те, кому требуется срочная операция, — доставляются в отделение срочной хирургической помощи, где вам предстоит работать. Скоро вы сами во всем разберетесь. Но, так или иначе, времени у нас нет. На каком вы курсе?

— На втором.

— Это ваша первая стажировка?

— Да.

— Значит, вам еще не доводилось осматривать больного?

Она покраснела:

— Нет.

— Сколько вам лет?

— Двадцать, — ответила Марион.

— Маловато.

— Вполне достаточно.

Не останавливаясь, он бросил взгляд на бейджик, который выдали ей в секретариате:

— Марион Марш. Вы англичанка?

— Мой отец американец.

Он остановился:

— Откуда именно?

— Из Нью-Йорка. Моя мать была француженка.

— Была?

— Она умерла очень давно. Мне тогда было пять лет.

— В Америке вы не бывали?

— Нет. Но я свободно говорю на двух языках.

Натан Чесс снова зашагал — как будто с него сняли тяжелый груз.

— И как вам нравится здесь, во французской столице?

Станный вопрос. Можно подумать, она иностранка.

— Я родом из небольшого городка на юге. Поэтому, когда я приехала в Париж, в первую очередь меня поразили размеры...

— Название.

— Простите?..

— Название города.

— Экс-ан-Прованс.

— Я его знаю.

— Ах, вот как?

— Там есть французско-американский лицей. Приезжает много американских студентов по обмену. Иногда там читает лекции Джон Гришэм, американский писатель. Еще я помню знаменитую тамошнюю улицу — Курс Мирабо, так?

— Да, совершенно верно. — Марион позволила себе легкую улыбку.

В конце концов, этот человек может оказаться вовсе не таким страшным тираном, как о нем говорят. Марион вспомнила студенческую лотерею распределения, состоявшуюся две недели назад. Номером первым в результате розыгрыша оказалась буква «N», а предшествующая ей «M», соответственно, последней, так что на долю Марион, чья фамилия начиналась на эту букву, осталась лишь стажировка в службе скорой помощи, куда никто не жаждал попасть. По десятибалльной шкале студенческих предпочтений это место имело средним баллом «двойку» — иными словами, найти что-то худшее было затруднительно. Старшекурсники, говоря о нем, обычно приводили цитату из «Божественной комедии» Данте: «Оставь надежду, всяк сюда входящий» — надпись над воротами ада. Те, кому доводилось там работать, обычно добавляли: «Чесс — ненормальный!»

Они прошли под сводами внутренней галереи. Одна из ее сторон выходила в сад. В центре возвышалась статуя некоего ученого мужа, к которой было добавлено множество разноцветных гипсовых аксессуаров, включая фаллос огромных размеров.

— Это традиция, — объяснил доктор Чесс, заметив округлившиеся глаза Марион. — Новые интерны каждый семестр меняют облик этой статуи. Но поскольку вы пока лишь студентка-экстерна, можете в этом не участвовать.

Марион искоса взглянула на него, пытаясь понять, не шутит ли он. Нет, кажется, он говорил вполне серьезно...

— Могу я задать вам один личный вопрос? — наконец спросил Натан Чесс.

Ах, вот как, значит, все предшествующие вопросы, с его точки зрения, не были личными?.. У Марион возникло ощущение, будто она на допросе в полиции.

— Я вас слушаю.

— Почему вы решили продолжать учебу?

Марион удивилась.

На данный момент она даже не ставила перед собой такой вопрос. Она выдержала экзамен после первого курса^[1], собиралась стать врачом. Нужно было быть полной идиоткой, чтобы после стольких усилий отказаться от первоначальных намерений.

Она спросила себя, не устраивает ли он ей некий проверочный тест. И решила ответить начистоту:

— На самом деле я колебалась.

— Колебались?

— Вообще-то сначала я хотела стать писательницей или журналисткой. Но отец был против. По его мнению, писательство — это несерьезное занятие.

Она слегка улыбнулась доктору Чессу, заметив при этом, что глаза у него ярко-зеленого цвета.

— Но вообще-то отец просто боялся, как бы я не растратила даром свою жизнь, повторив его собственный путь, как это ему представлялось. Он музыкант, пианист, но ему приходится играть в барах, чтобы заработать на жизнь. Он буквально пинками загонял меня на медицинский факультет. Я выдержала экзамены. И вот я здесь.

Натан Чесс слегка приподнял бровь:

— Ах, вот что. Понимаю.

И снова двинулся вперед по коридору. Марион опять пришлось почти бежать, чтобы успеть за ним.

— Что вы понимаете?

— Ваш тип. Примерная ученица. Ни о каком призвании речи нет. Вы выдержали экзамены, чтобы сделать приятное папочке. Медицина сама по себе ничего для вас не значит.

Марион нахмурилась:

— Послушайте, мы с вами знакомы всего пять минут. Кто дал вам право меня судить?

— Я вас не сужу, мадемуазель. Но мне нужен ученик хирурга, а не... — Натан Чесс помолчал, подбирая определение. — А не туристка.

Возьмем, к примеру, сегодняшнее утро. Нас в отделении всего трое: Азиз — он иностранец и выполняет работу интерна, — вы и я. Мне нужны настоящие интерны или, как минимум, студенты-пятикурсники, а мне присылают дебютантку!

— Но я-то здесь ни при чем!

— Может быть, но у меня нет времени на то, чтобы вас опекать.

С этими словами доктор Чесс толкнул последнюю дверь в конце коридора.

В лицо Марион волной ударил резкий запах крови и спирта.

Большая прямоугольная комната. Плиточный пол. Передвижные носилки у стены.

Громкие крики.

Какой-то грязный всклокоченный человек выскочил из-за двери в смежную комнату и упал на пол плашмя, вопя, что не будет мыться ни за что. Вслед за бомжом из соседней комнаты выбежали двое санитаров в белых халатах, схватили его и поволокли обратно. Марион успела разглядеть ванну. Потом дверь захлопнулась.

Марион все же смогла сохранить хладнокровие при виде этой сцены.

Доктор Чесс кивнул на пятно крови на полу:

— Все еще хотите здесь стажироваться?

— Я не собираюсь идти куда-то еще, — ровным голосом ответила она. — Я хочу научиться.

Натан Чесс провел ее в другую комнату и сунул в руки металлическую коробку:

— Очень хорошо. Это место называется Малый блок. Почините-ка этого типа, которого скоро выпустят из душевой. Он что-то не поделил с бандой Центрального рынка. Результат: рана волосистой части головы, нанесенная осколком разбитой бутылки.

На сей раз Марион широко распахнула глаза.

— Что? — спросил Чесс. — Вам раньше не доводилось накладывать швы?

— Н-нет...

— Ну, тогда сейчас самое время этому научиться.

— Что... прямо вот так?..

— Да. *Вот так*. Все равно он ничего не почувствует — пьян в стельку. Санитары его подержат, если нужно. Если у вас будут вопросы, обращайтесь к Азизу или медсестрам.

— А... а вы?

— Мне нужно идти.

— Вы оставляете меня одну?

Доктор Чесс, подняв глаза к потолку, ответил:

— Да. Предполагалось, что шеф будет на месте, но он в операционном блоке. Предполагалось, что я буду вашим куратором, но я ему ассистирую. Предполагалось, что у вас есть опыт работы, но у вас его нет. Вот так оно здесь всегда и бывает. Господи боже мой, да вы что, не видели, какой средний балл у этого места по оценкам самих студентов? Двойка по десятибалльной шкале. И к тому же у меня репутация психа... Добро пожаловать в службу скорой хирургической помощи Отель-Дье, мадемуазель Марш! — добавил он.

И вышел.

Глава 5

Сейчас

Марион побрызгала холодной водой себе в лицо.

Фотография Натана совершенно потрясла ее, и она, покинув свое рабочее место, скрылась в женской туалетной комнате, расположенной на том же этаже. Несколько минут она простояла неподвижно, вцепившись в бортик раковины.

Бледная как смерть.

За спиной послышался шум спускаемой воды, затем дверь кабинки распахнулась, и оттуда вышла какая-то женщина. Марион сделала вид, что пудрит нос. Женщина искоса бросила на нее подозрительный взгляд и вышла в коридор.

Множество вопросов вихрем кружились в голове Марион. Откуда взялась эта фотография? Почему ее прислали именно сейчас? Кто этот Троянец? Чего он от нее ждал?

Она закрыла глаза.

Вот представьте себе. В один прекрасный день тот человек, который был для вас дороже всех на свете, тот, кому вы безгранично доверяли, исчезает без малейших объяснений. И дальше тишина. С каждым днем, с каждой неделей ваши подозрения усиливаются. Вы прокручиваете мысленно все возможные сценарии — от самых банальных до самых фантастических. Порой вам кажется, что вы напали на след. Но затем выясняется, что он ведет в никуда. Вы возвращаетесь к отправной точке и ищете другой след. Ходите кругами. Проходит время, и постепенно вы возобновляете свое привычное прежнее существование, как обычно происходит со всеми.

Марион вспомнила свое обращение в ассоциацию, оказывающую психологическую помощь родным и близким пропавших без вести людей. Там пожилая дама угостила ее чаем и терпеливо выслушала, машинально крутя ложечкой в своей чашке. Затем рассказала, что ее сын, умственно отсталый, исчез во время прогулки на природе, в возрасте семнадцати лет. Полиция предположила, что он сбежал: ничто не указывало на то, что он стал жертвой преступления. Самое тяжелое, сказала та женщина, это не знать наверняка. Воображение — злейший враг. Если постоянно думать о случившемся, строить самые разные гипотезы, эта попытка не закончится никогда. Чтобы выжить, нужно отказаться от стремления узнать правду.

Это нужно усвоить как Символ веры. Лишь смирившись с тем, что случившееся навсегда останется тайной, можно вновь обрести душевный покой.

И Марион это удалось.

Еще через некоторое время та женщина получила известия о своем сыне. Его нашли. Он был похоронен в безымянной могиле, на кладбище небольшого сельского поселения, расположенного на пути следования поезда. Молодой человек попал под этот поезд в день своего исчезновения. Поскольку документов при нем не оказалось, его похоронили под литерой «Х». Только любопытство местного муниципального чиновника и успехи медицины в проведении ДНК-анализов позволили установить его личность.

Вечером того дня, когда новость сообщили его матери, пожилая дама написала длинное благодарственное письмо властям, затем сделала в доме генеральную уборку, перегладила выстиранное белье и аккуратно разложила все вещи по полкам. После чего покончила с собой.

Марион вышла из туалетной комнаты.

Проблема в том, что иногда тайна раскрывается. И тогда нужно найти в себе силы принять правду.

Но многие ли оказываются на это способными в тот день, когда получают ответы на все свои вопросы?

— Мне нужно взять отгул.

— Что?

Катрин Борман подняла глаза от распечатки. Марион только что переступила порог кабинета патронессы. Стол, диван, два кресла. Меньше десяти квадратных метров в общей сложности. Катрин Борман взглянула на нее поверх очков.

— Я плохо себя чувствую. Мне нужно вернуться домой.

Катрин Борман было пятьдесят лет, двадцать из которых она отдала работе на телевидении. За это же время перенесла два развода и рак груди. Ей не было нужды развешивать по стенам своего кабинета дипломы и фотографии: она сама слыла живой легендой. Среди подчиненных у нее было негласное прозвище Большой Брат: она все видела и слышала.

— Что вы такое говорите, Марион? Я поручила вам собрать информацию для трех передач. И жду ее еще со вчерашнего дня. Вы не выдерживаете такого темпа работы?

— Да, не выдерживаю.

Катрин Борман нахмурилась. Она явно не ожидала такого ответа.

Внезапно она посмотрела на Марион совсем другим взглядом:

— Вы не беременны? Я вас предупреждала, что со мной такие штучки не пройдут. В день вашего приема на работу я спрашивала у вас, не собираетесь ли вы забеременеть в ближайшие несколько месяцев.

— Я не беременна.

— Вы не принимаете стимуляторы, я надеюсь?

— Что?

— Вас видели недавно в женском туалете. Вы выглядели нездоровой. «Большой Брат смотрит на тебя». Кто бы сомневался.

— Вы не первая, кто любит лишний раз попудрить носик.

— Я не понимаю.

— Я говорю о любителях кокаина. Знаете, такой белый порошок. Его нюхают, чтобы получить заряд бодрости на весь день.

— Вы думаете, что я наркоманка?

Катрин Борман подняла глаза к потолку:

— О, только не делайте такое лицо. Среди ваших коллег полно таких, кто нюхает кокаин регулярно. Некоторые — прямо на съемочной площадке, в перерывах между съемками. Порошок им поставляют пресс-атташе, и ни для кого это не секрет.

Марион взглянула патронессе прямо в глаза:

— Я не наркоманка. И не беременна. Я просто заболела. И мне нужен отгул.

Катрин Борман откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди:

— Хорошо.

Марион подумала, что ослышалась.

Патронесса принялась что-то писать.

— Вы все еще здесь? — спросила она, не поднимая головы. И сделала досадливо-небрежный жест рукой, словно отгоняя назойливое насекомое: — Ну, идите же, идите...

Марион вышла, не сказав больше ни слова.

Она собрала свои вещи и покинула здание. В метро было уже меньше людей, чем с утра, и выглядели они гораздо более доброжелательными — весело переговаривались и смеялись. Какой-то старик даже уступил ей место. В воздухе пахло свежестью.

Марион задавалась вопросом, как все вокруг могло до такой степени измениться. Или она изменилась?

Она чувствовала себя опустошенной, измотанной. Она многое отдала бы за то, чтобы этот день снова стал обычным, таким как всегда.

На станции «Сен-Мишель» она вышла, чтобы зайти в аптеку. Фармацевт встретил ее улыбкой:

— Добрый день! Чем могу вам помочь?

Марион вынула из сумочки рецепт.

— Что-то не так? — поинтересовался фармацевт. — Вы плачете?

— Все в порядке.

— Вы уверены?

— Мне соринка в глаз попала.

Она положила рецепт на прилавок.

Фармацевт просмотрел его и снова перевел взгляд на Марион:

— Все вот это?

— Да.

— Вы уверены, что вам не нужна помощь?

— Вы мне продадите эти чертовы лекарства или мне придется идти в другую аптеку?

На мгновение фармацевт застыл, затем положил перед ней несколько коробочек с лекарствами.

Марион расплатилась и вышла.

Ни в чем не повинный человек стал жертвой ее плохого настроения. Это несправедливо. Тем более что он не ошибался: она действительно нуждалась в помощи.

Марион достала из сумочки мобильник и набрала номер отца. Автоответчик... Затем выбрала другой номер.

— Кора?

— Ты где?

Марион объяснила.

— Оставайся на месте. Я сейчас подъеду.

Глава 6

Есть подруги, которых вы выбираете потому, что они похожи на вас. Зачастую — даже внешне. Они предпочитают одежду того же стиля, что и вы, им нравятся мужчины того же типа, что и вам, у них общие с вами интересы: дети, экология, спорт, макраме — что угодно. Любая из них — в какой-то степени отражение вас самих. Вы смеетесь одним и тем же шуткам и делитесь похожими секретами. Порой вы даже немного соперничаете с ними.

А есть такие, с которыми у вас нет практически ничего общего.

Невероятные женщины, с которыми вам никогда не пришло бы в голову заговорить. Но уже спустя несколько секунд после знакомства вы понимаете: здесь все сложится.

Кора Шеновиц относилась к второй категории.

Сейчас она припарковала свой «танк» во втором ряду на бульваре Сен-Мишель, напротив веранды кафе, где ждала ее Марион.

Полицейский заметил это в ту же секунду и вынул из кармана свою книжицу штрафных квитанций. Кора вышла из машины и захлопнула дверцу. Полицейский приблизился. То ли он был слишком маленького роста, то ли дело было в Коре — ее рост составлял метр восемьдесят пять сантиметров, — но рядом с ней он выглядел жалко, несмотря на униформу.

— Вы не можете здесь оставаться, — проскулил он.

Кора, которая работала в частной службе скорой помощи, взялась двумя пальцами за отворот своего белого халата, затем указала пальцем на мигалку на крыше машины:

— Срочный вызов. Я должна забрать отсюда пациента.

— Вы припарковались во втором ряду. Вы должны отъехать на спецстоянку для автомобилей срочных служб.

Кора грозно расправила плечи.

Полицейский, кажется, стал еще ниже ростом.

— Еще чего! Я буду разъезжать с одной стоянки на другую, а пациент тем временем умрет? Этого вы хотите? Тогда сообщите мне ваше имя и номер служебного удостоверения. Я передам эти данные родственникам пациента, которые начнут против вас судебный процесс.

Полицейский в нерешительности застыл на месте. Кора помахала рукой Марион и сделала приглашающий жест, указав на пассажирское сиденье.

— Разве она не должна сесть сзади? — удивился полицейский.

— Нет, по новым правилам безопасности пациент должен быть у меня на виду.

— Ах, вот как?

— Именно так. А вам бы я посоветовала сделать что-нибудь полезное, вместо того чтобы изображать супермена. Остановите ненадолго движение, когда мы будем отъезжать. Здесь какой-то ад.

Полицейский повиновался без единого слова.

Кора не без труда втиснула всю свою массу между водительским сиденьем и рулем, затем обхватила Марион за шею, притянула к себе и звонко чмокнула в щеку.

— Добро пожаловать на борт, дорогая.

Автомобиль влился в поток машин, хотя при таких габаритах вернее было бы сказать, что он возвышался над ними, как военный корабль. Марион указала на защищенную металлическими полосами приборную панель:

— Что за машина?

— «Хаммер». Мой рабочий транспорт. Да, ты ведь его еще не видела. Ну и как тебе?

— Надо же, «хаммеры» теперь переделывают в машины скорой помощи?

Кора пожала плечами:

— Ну да, это и в самом деле необычно, но с тех пор, как такие машины появились в сериалах «Скорая помощь» и «Эксперты», наши пациенты от них в восторге. А поскольку частных служб вроде нашей пруд пруди, маленький плюс не помешает.

Марион подумала, что этот «плюс» весьма немаленький, но решила не спорить.

Кора извлекла откуда-то из завалов на заднем сиденье упаковку сэндвичей.

— Хочешь? — обратилась она к Марион. — Сама их приготовила сегодня утром. Сладко-соленые. Только из натуральных продуктов.

Кулинарные темы, так же как и обмен пословицами, были для них чем-то вроде ритуала.

— Нет, спасибо.

— Ладно, тогда расслабься и приди в себя. По дороге все мне расскажешь.

— Ты не хочешь остановиться? Или у тебя вызов?

— Нет. Но жизнь — как велосипед: если остановишься — упадешь.

Поэтому нужно всегда быть в движении. Кажется, это сказал Эйнштейн. Ну, так что у тебя стряслось?

И Марион начала рассказ.

Она подробно изложила весь вчерашний разговор в «Фейсбуке» с каким-то *психом* — это слово не казалось ей сильным преувеличением. Однако обо всем, что касалось Натана Чесса, и о своем прошлом студентки медицинского факультета предпочла умолчать. К этому она еще была не готова.

Когда она закончила, Кора спросила:

— Как, ты говоришь, называл себя этот тип?

— Троянец.

— Похоже на имя персонажа какой-то компьютерной игры. Мой бывший парень дни и ночи напролет играл в эти игры.

— По-моему, это ужасно.

— По-моему, тоже. Но вдруг этот Троянец на самом деле маленький, лысый, с огромными нелепыми усами? Такое тебе не приходило в голову?

Марион улыбнулась:

— А ты что сделала бы на моем месте? Думаешь, стоит позвонить в полицию?

— Само собой. Хотя, с другой стороны, он ведь тебе не угрожал.

— Что правда, то правда.

— Ты потратишь кучу времени и нервов, оформляя заявление, а потом копы со спокойной совестью уберут его в долгий ящик.

Марион перевела взгляд на дорогу:

— Тогда, по крайней мере, я переведу свой телефонный номер из общего доступа в ограниченный и сменю имейл.

— А еще лучше — как следует подумай, кто бы это мог быть.

Марион повернулась к Коре:

— Ты думаешь, это кто-то из моих знакомых?

— Ну, по крайней мере, это не самая идиотская версия.

— Да?.. Ну и кто бы это мог быть?

— Я не знаю подробностей твоей личной жизни, но, например, незадачливый поклонник, получивший от ворот поворот, или кредитор, или тайный конкурент на работе...

Марион покачала головой:

— Нет, не думаю.

— Почему?

— Мое существование — это абсолютно ровная и гладкая пустыня. У меня нет ни денег, ни долгов, ни поклонников. К концу рабочего дня я

полностью выматываюсь и сразу же еду домой, где меня ждут только кот и пустой холодильник. Я — идеальная Бриджит Джонс. У меня просто нет времени на то, чтобы обзавестись врагами — даже при всем желании.

— И все же не торопись сбрасывать эту версию со счетов. В любом случае, должна быть какая-то причина.

Разговор продолжался до тех пор, пока Кора не остановила машину возле дома Марион.

— Я заканчиваю работу в восемь вечера, — сказала Кора. — Ты как, не боишься остаться одна дома? Могу сегодня у тебя переночевать, если хочешь.

— Даже не знаю... Да, наверно... Так мне будет спокойнее.

На прощание Кора крепко стиснула подругу в объятиях.

— Отлично! — произнесла она бодрым тоном. — К тому же, по правде говоря, мне тоже не очень-то хочется сегодня возвращаться в пустую квартиру и сидеть там в одиночестве... Пока еще это слишком тяжело.

Она разжала руки, благодаря чему Марион смогла перевести дыхание.

— Позаботься о себе. Я скоро вернусь, привезу нам что-нибудь на обед. Только не напивайся в одиночестве!

Марион рассмеялась. Она уже чувствовала себя гораздо лучше.

Она поднялась к себе в квартиру и заперла дверь на задвижку. Недавний разговор заставил ее вспомнить одну важную вещь: на самом деле Троянец оставил след.

Это было имя на фотографии: Адриан Фог.

Нужно было заняться поисками.

Марион открыла бутылку минералки. Часы показывали полдень. Времени впереди достаточно.

Если захотите навести справки о каком-либо человеке, с чего вы начнете? Разумеется, с самого простого.

Она отпила глоток воды и включила компьютер. «Гугл», «Яху!», «Википедия» — три стандартных направления любого интернет-поиска. Затем машинально вытерла губы, ожидая результатов, которые, как она предполагала, придется просматривать не один час.

Однако нужный ответ появился буквально через несколько секунд.

Адриан Фог. Хирург-ортопед, специализирующийся на хирургии кистей рук.

Рабочий адрес: Лагуна-Бич, графство Оранж, Калифорния.

Ниже шел его университетский курс, подробно расписанный. Судя по всему, Адриан Фог работал консультантом в нескольких престижных

больницах, таких как «Седарс-Синай» в Лос-Анджелесе, и одновременно преподавал в Университете Южной Калифорнии.

Марион взглянула на фото.

Это был Натан Чесс.

Она едва не выронила бутылку.

Затем придвинулась ближе к экрану, желая прочитать все имеющиеся данные. Сомнений не оставалось — это действительно Натан. Невероятно...

Итак, все эти годы он жил в Америке под чужим именем? Полный бред.

Марион просмотрела профессиональные сведения. О пребывании во Франции ни разу не упоминалось. Согласно опубликованным данным, доктор Фог никогда не работал за рубежом, только в США. Она запустила другой поисковик. Все те же самые сведения.

Она встала из-за компьютера и прошла по комнате. Самым правильным решением, конечно, было бы передать это досье в полицию. Такой поворот дела наверняка заставил бы полицейские службы возобновить расследование.

Но Марион была еще не готова это сделать.

Она снова позвонила отцу, но опять услышала автоответчик и раздраженно бросила трубку.

В этот момент раздался звуковой компьютерный сигнал.

«У ВАС ЕСТЬ 1 НОВОЕ СООБЩЕНИЕ».

«Фейсбук».

Троянец.

Марион почувствовала, как ее переполняет гнев. Она решила перехватить инициативу и, даже не читая послания, набрала «роке». Открылось диалоговое окно.

— Откуда вы узнали про Натана?!

— Здравствуйте. Очень рад, что мы возобновляем нашу беседу.

— Отвечайте!

— Нет. Сначала выполните мое условие.

— Какое?

— Я вам уже говорил. Я хочу стать вашим другом.

Марион поразмышляла немного.

В конце концов, чем она рискует?

Она внесла Троянца в список друзей.

— Ну вот. Теперь вы довольны?

— Очень.

— И что дальше?

— Мы начинаем игру.

Марион изумленно моргнула.

— Какую игру?

— Мою игру. Она называется «Спасаем жизни».

— Это шутка?

— Нет.

— А если я откажусь?

— Я бы вам не советовал. Потому что иначе...

— Что?

— Я убью вашего кота.

Ей показалось, что температура в комнате упала сразу на несколько градусов.

Нет, разумеется, этот тип блефует!

Он не смог бы сделать подобную вещь никогда. У него нет для этого никаких возможностей.

— Кота? — невольно произнесла она вслух, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди.

С того момента, как она вернулась домой, кот не попадался ей на глаза, но он часто выбирался через форточку погулять.

— Кота?.. — повторила Марион.

Звуковой сигнал уведомил о новом послании. Она впиалась глазами в экран.

— Итак, мы друзья. Теперь я могу присылать вам фотографии, не спрашивая разрешения. Вот, смотрите.

На экране появилась снимок кота Марион.

На этот раз она буквально оледенела.

— Вы лжете, — с трудом напечатала она. — Он не у вас.

— Спорим?

Она не нашлась с ответом.

— *Хорошо. Игра начинается...*

В следующее мгновение раздался резкий дребезжащий звук. Марион едва не упала со стула.

Это был звонок во входную дверь.

Глава 7

Сердце гулко билось в груди, которая, казалось, вот-вот взорвется изнутри.

Марион попыталась встать, но это оказалось невозможно — тело отказывалось ей повиноваться.

Звонок раздался снова.

— О господи!.. Боже мой...

Ценой невероятного усилия ей удалось подняться и удержаться на ногах. Она подошла к двери и осторожно заглянула в глазок.

Ничего.

Коридор был погружен в сумерки.

— Кто там? — громко спросила она.

Никакого ответа.

— Отвечайте!

По-прежнему ничего.

Марион закусила губы с такой силой, что ощутила во рту привкус крови.

Звонок прозвенел еще более настойчиво.

— Черт...

Сердце уже колотилось как бешеное.

Марион глубоко вздохнула, пытаясь вернуть себе хоть немного самообладания и начать соображать.

Какие у нее варианты действий? Первый: позвонить в полицию. Они подъедут минут через пятнадцать. Слишком долго. Второй: вооружиться кухонным ножом и звать на помощь через окно. Третий: поступить как взрослая девочка. Подавить паранойю. Все это невозможно... Надо просто взять себя в руки.

Марион рывком открыла дверь.

На пороге стоял незнакомый человек, жующий жвачку. Пряди всклокоченных волос свешивались на лоб. Он слегка пританцовывал, ритмично переступая с ноги на ногу. В руках держал какой-то сверток.

— Т-твою мать...

— Что вы сказали?

Незнакомец стащил наушники — очевидно, из-за музыки, которая в них звучала, он ее и не слышал — и повторил:

— Что вы сказали, мадам?

Войдя в комнату, она рухнула на диван.

Марион повиновалась. В свертке оказалась картонная коробка; раскрыв ее, Марион вытащила какой-то плоский прямоугольный предмет, обернутый слоем пупырчатого полиэтилена. Это оказалась одна из

новомодных штучек, выпускаемых компанией «Эппл».

— *Айфон. Полностью настроенный. Включайте.*

Марион нажала клавишу включения.

— *Дотроньтесь до иконки F. Синего цвета.*

Запустился «Фейсбук». Теперь диалог шел параллельно на компьютере и айфоне.

— *Превосходно,* — написал Троянец.

Марион прочитала это слово на экране айфона.

— *Итак, отныне вы можете беседовать со мной где угодно.*

— *Я бы предпочла личную встречу.*

— *Но не я. «Кто пойдет наверх, тот спасет жизнь. Кто пойдет вниз, тот найдет смерть. Кто заговорит, тот утратит всё».*

— *Что это значит?*

— *Это загадка.*

— *Мне не нужны загадки. Верните мне кота.*

На экране появился хронометр.

— *Минута на ответ. Если ошибетесь, кот умрет.*

Начался обратный отсчет:

59, 58, 57...

Марион смотрела на экран, не веря своим глазам.

Все это было невозможно. Нереально. Она не могла, сидя у себя дома, вести диалог по айфону с каким-то сумасшедшим, чтобы спасти своего кота.

46, 45...

— *Я жду.*

— *Вы спятили?*

— *Нет.*

Да уж конечно. Она не собиралась выполнять распоряжения психа. Еще чего не хватало. Лучше всего просто отключить айфон.

30, 29...

Нет никакого смысла говорить с незнакомцем. Особенно с психом, способным убить кота.

24, 23...

— Ну что ж. Прощай, Кот.

— Подождите!

Марион лихорадочно обдумывала дурацкую загадку. Черт, что же он хотел сказать?

Спасешь жизнь, если пойдешь наверх.

Найдешь смерть, если спустишься вниз.

13, 12, 11...

Если заговоришь, потеряешь всё.

5, 4, 3, 2...

О, боже мой...

Она напечатала крупными буквами:

— ЧУР-ЧУРА!

— Браво! Правильный ответ. Теперь давайте сюда большой палец^[2].

— Что?

— Прижмите большой палец к центру экрана.

Марион повиновалась.

Раздался щелчок.

— Отлично. Айфон запрограммирован на то, чтобы узнавать вас по отпечатку пальца. Простой тест. На данный момент это всё.

— Что? — произнесла Марион вслух от изумления.

— Ваш кот свободен. Он никогда не подвергался опасности. Оставьте окно открытым, и он вернется.

Пауза. И затем:

— *Я вам не враг. Вы умны. Дисциплинированы. Всё будет хорошо. Как называется игра?*

Она в оцепенении смотрела на экран.

— *Марион?*

Она медленно напечатала:

— *«Спасаем жизни».*

— *Прекрасно, —* написал Троянец. — *Именно этим мы с вами и займемся.*

И отключился.

Глава 8

Раньше

— Лекция окончена, — с улыбкой сказал профессор студентам. — Можете возвращаться к своим почтенным занятиям. Как говорится, идите спасать жизни.

Марион сложила свои вещи в сумку и вышла из лекционного зала-амфитеатра. Сегодня вместе с ней лекции посещали ее подруги Иза и Веро. Они вместе готовились к вступительным экзаменам и все успешно их сдали.

— Эта семиология — просто какой-то кошмар! — пожаловалась Иза.

— Может, устроим себе табачную ингаляцию перед работой? — предложила Марион.

— Хорошая мысль, — кивнула Веро.

Они вышли из Отель-Дье, не снимая белых халатов, и расположились на площади перед собором Парижской Богоматери.

Было довольно холодно, и при дыхании изо рта выходили клубы пара. Слева какой-то человек продавал рождественские елки. Чуть дальше рабочие соорудили эстраду для предстоящих рождественских концертов.

Марион вынула из кармана пачку сигарет, протянула две своим подругам и одну закурила сама. Потом левой рукой обхватила правый локоть и, желая согреться, слегка помассировала плечо, одновременно затягиваясь. Вокруг, то и дело щелкая фотоаппаратами, бродили туристы в зимних куртках, замотанные шарфами до самых глаз.

— Хорошо, когда снег идет, — сказала Марион.

— Почему?

— Потому что в это время люди гораздо реже вызывают «скорую». Я заметила, что, когда холодает или когда транслируется футбольный матч, люди как по волшебству перестают болеть.

Ее подруги переглянулись, словно не решаясь задать ей какой-то вопрос. Веро наконец спросила:

— А как там у тебя... с Чессом?

Марион глубоко затаилась, словно так надеялась согреться.

— М-ммм... По правде говоря, это ужас... — Она выпустила дым из ноздрей. — Завалил меня работой по уши! Вообще-то я должна начинать в девять утра, но он требует, чтобы я являлась в семь тридцать и присутствовала при передаче ночной смены. После этого я работаю без

перерыва до середины дня. Если есть время, успеваю съесть сэндвич где-нибудь на краю стола. Потом занимаюсь послеоперационными пациентами до шести вечера.

— По идее, ты ведь должна заканчивать к полудню?

— Вот именно что *по идее*.

— Разве он имеет право настолько тебя задерживать?

— Можно подумать, его это волнует! Начальник службы скоро уходит на пенсию. Чесс временно займет его место до прихода нового. Через два месяца нам пришлют подкрепление — новых интернов. А пока стажировка в Отель-Дье пользуется такой дурной славой, что никто — ни интерны, ни экстерны — не хочет сюда идти. Поэтому сейчас все валится на меня. Так что я вкалываю как проклятая, чтобы только удержаться на плаву. Я тренируюсь накладывать швы — на куриных эскалопах. На прошлой неделе купила их двадцать семь штук. Кассирша в супермаркете, наверно, решила, что я чокнутая. Я научилась делать все типы стежков. И все виды гипсовых повязок — на плече, предплечье, кисти. Могу накладывать шины, повязки Дюжарье, ремни на лодыжку... У меня вся квартира заляпана гипсом. Целый день работаю, а ночью вижу во сне бесконечную очередь в приемный покой — не успеешь разобраться с одним больным, а тебе подвозят еще троих...

Марион остановилась, чтобы перевести дыхание.

Подруги смотрели на нее округлившимися глазами.

— А как тебе сам Чесс? — наконец спросила Иза.

— Даже не спрашивай! — произнесла Марион почти с ожесточением. — Этот тип — настоящий тиран! Он помыкает нами как хочет. Он перекроил весь служебный распорядок. Теперь мы должны называть божей на «вы», мыть их и кормить. Он нанял ассистентку из социальной службы и платит ей из своего кармана. Он запретил нам курить в помещениях и объявил, что через несколько лет добьется запрета на курение даже на территории больницы. Можете себе представить?

— Говорят, его семья сказочно богата. Если бы захотел, он мог бы вообще не работать.

— Ну да, а пока месье ограничивается тем, что отдает приказы, потом исчезает в операционном блоке, и больше мы его не видим. Если он удостаивает нас визитом, то только затем, чтобы устроить мне разнос или сказать, без намека на тактичность, что я наложила пациенту гипс не на ту ногу...

— А что, ты правда наложила гипс не на ту ногу?

— ...или заявить мне, что женщины не созданы для работы хирурга-

ортопеда, поскольку для того, чтобы отвинтить протез бедра, необходимо иметь мощное телосложение и физическую силу, тогда как я вешу всего каких-то пятьдесят килограмм. Я расшибаюсь в лепешку, выполняя фактически всю работу интерна — и что, он меня хоть раз поблагодарил или хоть как-то отметил? Как же, дождешься от него! Хвалит он только Азиза, даром что тот не бог весть какой специалист, прямо скажем. И все равно постоянно: Азиз то, Азиз се. Что до меня, даже если бы я загнулась прямо на работе, ему было бы наплевать!

— Говорят, он очень хороший специалист в своей области, — заметила Иза. — Специализируется по хирургии кисти.

— Да, — прибавила Веро, — судя по отзывам, он настоящий гений. Он делает невероятные операции, практикует какие-то приемы, которых никто никогда раньше не видел. Что его занесло в Отель-Дье? Там у него почти нет возможностей применять свои навыки.

Марион зажгла новую сигарету от окурка старой:

— Мне кажется, он просто хотел найти себе подходящее владение. Место, где он царь и бог. Где можно раздать подчиненным указания, а самому спокойно заняться своими делами. К тому же, мне кажется, он иностранец.

— Почему ты так решила?

— По некоторым признакам. Например, у него акцент, как у моего отца. Возможно, он тоже американец.

Иза и Веро улыбнулись.

— Все это звучит так загадочно... — проговорила одна подруга Марион.

— И весьма возбуждающе, — прибавила другая. — Мне кажется, тебе бы стоило расспросить его подробнее.

— Я всего лишь экстерн.

— Ну и что?

— Мы с ним существуем в разных вселенных. Он никогда не разрешает мне сопровождать его в операционный блок, хотя бы заглянуть туда одним глазком. Я даже не имею права заходить в помещение для дежурных врачей, если меня туда не приглашали.

— Да при чем здесь работа?

Марион взглянула на подруг — обе хихикали.

— А... что тогда?

— Только не говори, что он ничуть не кажется тебе симпатичным.

— Что?.. Да я даже не обратила особого внимания на внешность...

— А... понятно, — невозмутимым тоном произнесла Иза, нарочито

пристально разглядывая собственные ногти. — Ты, должно быть, получила черепно-мозговую травму, из-за которой лишилась зрения. Какая жалость. Наверно, это создает определенные неудобства при твоей работе.

Веро фыркнула:

— Все медсестры по нему с ума сходят. Но, кажется, ни с одной он не спит.

— Я смотрю, вы хорошо осведомлены, — сказала Марион, слегка поморщившись.

— О, я думаю, мы и половины всего не знаем...

— Тебе стоит попытаться его соблазнить.

— Что?!

— Это благотворно скажется на твоей карьере.

— Да вы с ума сошли обе!

Веро подняла указательный палец:

— Мы просто реалистки. Женщина руководствуется принципом необходимости, мужчина — принципом удовольствия. Поэтому женщина выходит замуж за мужчину, который ей полезен. А мужчина спит с женщиной, которая ему нравится.

— С чего ты это взяла?

— Уж поверь моему богатому опыту, — ответила Веро и, округлив губы, выпустила колечко дыма.

— А если он тебя не захочет, — добавила Иза, — то скажи, что есть еще мы!

Марион, пораженная, переводила взгляд с одной подруги на другую.

— Да вы, оказывается, настоящие нимфоманки! Я не собираюсь спать со своим шефом. И прежде всего — я романтик. Я хочу, чтобы мужчина заботился обо мне, интересовался, как я себя чувствую, что мне нравится... ну, я не знаю... дарил бы мне подсолнухи, потому что я их люблю. А этот тип — настоящий хам. Он только и умеет, что распекать.

— Если он с тобой плохо обращается, это как раз и может означать, что он к тебе неравнодушен, — заметила Иза. — Мужчины все такие.

— Но признай хотя бы, что он красавчик, — сказала Веро, — похож на Джонни Деппа.

Марион пожала плечами:

— С той только разницей, что считает себя богом.

— Может, он и не ошибается.

— Признайся, ты на него поглядываешь, когда он снимает халат, выйдя из операционной?

— Да нет же!

- Врет и не краснеет.
- Ну, хорошо. Немножко.
- И как тебе?

Марион вздохнула:

- Хорош как бог. И ягодицы, как у Джонни Деппа.
- Все трое расхохотались.
- Ну что, отправляемся на галеры?

Марион сказала подругам, чтобы шли вперед, не дожидаясь ее: она решила покрепче зашнуровать кеды. С тех пор как стала работать в больнице, она носила «конверсы», чтобы во время непрестанной беготни по коридорам не так сильно уставали ноги. К тому же она боялась случайно подвернуть ногу, поэтому несколько раз в день заново перевязывала шнурки, чтобы они стягивали щиколотку плотнее: чужие переломы и вывихи, с которыми постоянно приходилось иметь дело, довели ее опасения едва ли не до паранойи.

Когда она опустилась на одно колено, ее взгляд случайно упал на стоявшую неподалеку скамейку. На ней, наполовину скрытый ветками рождественских елок, сидел человек в обычной одежде, он читал учебник анатомии. В следующий миг человек поднял голову, словно почувствовал взгляд Марион.

- Доктор Чесс?..
- Он взглянул ей в лицо:
- Ба! Мадемуазель Марш.
  - Э-э... а давно вы здесь?
  - Да нет, не очень.
  - Значит, вы нас не слышали?..

Он разглядывал ее своими ярко-зелеными глазами. Вид у него был отсутствующий.

— Нет, — ответил он, показывая ей небольшой плоский плеер. — Я слушал музыку. Это новая модель, сюда помещается много записей. Скоро, помяните мое слово, сотни и тысячи альбомов будут помещаться на каком-нибудь носителе размером с зажигалку... А что, вы мне что-то говорили?

- Нет-нет.

Сама не зная почему, Марион почувствовала легкое разочарование. Поистине, этот человек как будто живет в другом измерении. Так обычно вежливо говорят о тех, кого в глубине души считают чокнутыми.

- А скажите, Марион...
- Да?
- Разве вы не должны были навестить послеоперационных пациентов

во второй половине дня?

— Да, конечно.

— Тогда почему вы здесь прохладаетесь?

Марион почувствовала, что краснеет. Она что-то пробормотала, повернулась и почти бегом направилась к больнице.

Вторая часть рабочего дня была такой же, как всегда — изматывающей как морально, так и физически. Пострадавших доставляли в приемный покой непрерывно, и Марион не представилось ни минуты, чтобы передохнуть. У нее сложилось такое ощущение, что это место концентрирует в себе всю мировую скорбь, и в каком-то смысле это было правдой. Ближе к вечеру она почувствовала недомогание — от усталости и постоянного недосыпания. Зайдя в туалет, померила себе давление: 90/50. Она разжевала кусочек сахара и запила глотком воды, чтобы давление хоть немного повысилось, но о своем состоянии решила никому не говорить. Вернувшись в приемный покой, она встала на весы. Сорок восемь килограммов. За две недели она потеряла два килограмма.

Медсестра спросила, все ли с ней в порядке. Марион кивнула и вернулась к работе.

Вот уже несколько дней у нее дрожали руки. Она стала замечать за собой, что может легко расплакаться при просмотре какого-нибудь дурацкого мелодраматичного сериала. Также она стала более обидчивой. Но она скорее умерла бы, чем призналась в этом.

Ее отец на нее рассчитывал. Он пожертвовал всем, лишь бы она добилась успеха.

Она должна выдержать.

В восемь вечера Марион походкой зомби вошла в раздевалку. Там орудовала шваброй уборщица, иммигрантка с Антильских островов. Она что-то резко произнесла, знаками указывая Марион, чтобы та не наступала на вымытый пол.

Марион уже не имела сил на ответ.

Чувствуя себя выжатой как лимон, она открыла свой шкафчик, положила на среднюю полку стетоскоп и молоточек для проверки рефлексов, повесила халат. Она уже собиралась закрыть дверцу, как вдруг какой-то посторонний предмет на верхней полке привлек ее внимание.

Марион смотрела на него, не веря своим глазам.

Это был цветок подсолнуха.

Глава 9

Сейчас

Марион стояла у окна, когда вошла Кора.

— Вот и я! — жизнерадостно воскликнула она, поднимая руки и демонстрируя наполненные продуктами пакеты. — Ну что, устроим праздник?

Марион повернулась к подруге.

Улыбка Кору растаяла почти мгновенно, как снеговик в печи. Она поставила пакеты на пол и сжала руки Марион в своих ладонях:

— Что случилось?

Марион кивнула на кота, вылизывающего свою миску:

— Он вернулся.

— Кто?

— Кот.

Она попыталась продолжить, но вместо этого разрыдалась.

Час спустя она завершила рассказ, упомянув также о прежних отношениях с Натаном, хотя в самых общих чертах.

— Просто безумие какое-то, — выдохнула пораженная Кора. — Итак, ты думаешь, что этот Троянец как-то связан с человеком, в которого ты была влюблена пятнадцать лет назад?

— Не знаю, — ответила Марион, вытирая глаза. — Может быть. Он прислал мне фотографию с подписью «Адриан Фог», я проверила по Интернету и выяснила, что хирург с таким именем действительно существует. Он живет в США. На фотографии Натан, это абсолютно точно.

Кора прошлась по комнате из стороны в сторону.

— Ты уверена, что не ошибаешься? Пятнадцать лет — долгий срок. Кто-то мог подделать фотографию. Или ссылки в Интернете. Возможно, для того чтобы тебя шантажировать — тем или иным образом.

— Нет. Это в самом деле Натан. К тому же я не представляю, зачем кому-то меня шантажировать. Но ты права — кое-что здесь не стыкуется.

— Ты о чем?

Марион поднялась с дивана, в углу которого все это время сидела, сжавшись в комок, словно в последнем прибежище.

— Троянец не предъявлял мне никаких требований. Он просто хочет, чтобы мы, он и я, отправились «спасать жизни». То есть выполнили некую

миссию.

Она ощутила внезапный прилив воодушевления, словно ее мозг наконец-то заработал на полную мощность.

— Ведь если бы все шло как в полицейском сериале, Троянец потребовал бы от меня денег или еще что-нибудь, так?

— Понятия не имею. — Кора пожала плечами. — Я не смотрю полицейские сериалы.

— И потом, обычно преступник говорит нечто вроде «Ни в коем случае не сообщайте в полицию!». Но Троянец ничего такого не сказал.

— И какой вывод следует отсюда?

— Возможно, Троянец не преступник. Может быть, он душевнобольной.

— Какого типа?

— Подожди минутку...

Порывшись среди книг и бумаг, Марион достала старую компьютерную распечатку с лекциями, оставшуюся со студенческих времен, и зашелестела страницами.

— Вот. Психиатрическая семиология, второй курс: «Пациенты, страдающие параноидальным психозом, могут фиксироваться даже на абсолютно незнакомых людях. Они способны совершать немотивированные поступки, опасные для здоровья и жизни окружающих». — Она снова сложила листки. — Один из самых известных примеров — Эрнест Хемингуэй. Ему повсюду мерещились агенты ФБР. Если в данном случае мы имеем дело с чем-то похожим, то этот Троянец точно так же по какой-то причине заиклился на мне и теперь меня преследует. Кто знает, может, это мой сосед по лестничной клетке. Там какая-то жуткая семейка, постоянно скандалят, бьют посуду...

— И что ты собираешься делать?

— Пойти в полицию и все рассказать.

Марион посмотрела на часы.

— Девять вечера, — прибавила она. — В это время, надо полагать, посетителей в комиссариате немного.

Кора обреченно вздохнула:

— Ну что ж, если наша вечеринка не состоялась, сделаем хоть что-то полезное. Может быть, эта история в самом деле прояснится.

Они вышли из дома и пешком отправились в районный комиссариат.

Надежды Марион не оправдались — ей и Коре пришлось ждать в приемной почти два часа, сидя между парой пакистанцев угрожающего вида и пьянчугой, который то и дело норовил заснуть у нее на плече.

Наконец дежурный полицейский впустил их в свой кабинет. Помаргивая затуманенными от усталости глазами, он выслушал историю Марион и спросил:

— Насколько я понимаю, вы не собираетесь подавать на этого человека жалобу?

— Именно так, — ответила Марион, первоначальный энтузиазм которой уже порядком выдохся.

— Послания, которые вы получали, приходили одновременно на ваш домашний компьютер и на айфон?

— Да.

— Значит, угрозы, о которых идет речь — правда, насколько я понял, они касались только кота, — были высказаны в частной беседе? Иначе говоря, они сохранились только в диалоговых окнах, больше нигде?

— Да, — кивнула Марион. — И что?

— Тогда вы наверняка знаете о том, что ничего из написанного в диалоговом окне не сохраняется. «Фейсбук», как и многие другие сайты, не архивирует эти записи. Все отправляется в корзину. Иначе говоря, у вас нет никаких доказательств этого разговора. А поскольку вы даже не можете назвать конкретного подозреваемого... — полицейский поднялся, давая понять, что аудиенция окончена, — то ваша жалоба не имеет никаких реальных оснований. Что касается истории с исчезновением вашего знакомого пятнадцать лет назад, я советовал бы вам обратиться к моим коллегам на Кэ-д'Орсе. Я здесь ничем не могу помочь.

Марион и Кора вышли.

— Черт, — недовольно произнесла Кора. — Когда припаркуешься в неположенном месте, они тут как тут с квитанцией для штрафов. Но когда они действительно нужны...

Марион о чем-то размышляла, не замедляя шагов. Наконец сказала:

— Есть еще один человек, который мог бы мне помочь.

— Кто?

— Мой отец. Только он упорно не отвечает на звонки. Нужно ехать к нему на работу.

— В такое время?

Марион резко обернулась к подруге.

— Хорошо, хорошо, — сказала Кора, подняв руки. — Не надо смотреть на меня такими глазами, как у кота из «Шрека»! Нужно взять машину. Но предупреждаю: за руль сяду я!

Глава 10

Кора припарковала свой «хаммер» на правой стороне Севастопольского бульвара.

Марион вышла:

— Подождешь меня здесь?

— Я буду начеку, — пообещала Кора. — Окно оставляю открытым. Если возникнут проблемы, позови меня.

— Ничего страшного не случится, — успокоила ее Марион. — Я ненадолго.

— И все-таки осторожность не помешает. На всякий случай помни: у меня в бардачке лежит «Тайзер».

— Электрошокер?

— Да. Когда едешь на вызов среди ночи в подозрительный район, эта штука — именно то, что надо иметь под рукой, можешь мне поверить.

Марион пересекла бульвар. Отель-Дье, хранивший часть ее прошлой жизни, находился совсем недалеко отсюда.

Какой-то тип в потрепанной куртке свистнул ей. Чуть дальше она заметила драг-квина^[3], входящего в ночной клуб.

Она остановилась у дома номер 42 — это был джаз-клуб «Герцог Ломбардский».

— Привет, Марион, — кивнул ей вышибала.

— Он внизу?

— Как всегда.

Она спустилась в помещение со сводчатым потолком, напоминающее пещеру. Раньше здесь часто собирались курильщики. Сегодня в клубе было малоллюдно. В прежние времена Марион провела здесь множество вечеров, слушая известных пианистов: в ту эпоху такая вещь, как пиратское распространение музыки в Интернете, казалась совершенно немыслимой.

Ее отец настраивал музыкальное оборудование.

— Папа, ты целый вечер не отвечаешь на телефонные звонки!

— Извини. Тут такой шум, что я ничего не слышу.

Марион обняла его:

— У тебя все в порядке?

— Да, все прекрасно.

Он улыбнулся, хотя сегодня казался еще более старым и изможденным, чем обычно.

— Я получила цветы, — сказала Марион. — Спасибо тебе огромное.

Он сделал извиняющийся жест:

— Еще раз прости, что не приехал к тебе на день рождения. Ты ведь знаешь, как это бывает... На меня свалилась сразу целая куча работы.

— Кто сегодня играет?

— Одна группа...

— А ты? Ты больше не выступаешь?

— Меня вполне устраивает работа звукооператора, — ответил он, указав на музыкальный пульт. И прибавил: — Может быть, перейдем к цели твоего визита?

Марион, глубоко вдохнув, произнесла:

— Я получила известия о нем.

— О ком?

— О Натане.

Молчание.

Спустя несколько секунд отец Марион отодвинул пульт.

— Ты слышишь, что я говорю?

— Да. Ничего, если мы побеседуем снаружи?

Не дожидаясь ответа, он направился к выходу. На улице зажег сигарету. В свете фонарей его лицо казалось еще бледнее.

— Тебе не предлагаю, — сказал он.

— Ты же знаешь, что я больше не курю. И ты тоже мог бы бросить.

— Я тебя слушаю, Марион.

Он пристально вглядывался в вечерний сумрак, словно надеясь проникнуть в некую тайну.

— Я получила его фотографию по электронной почте. Судя по всему, он живет сейчас где-то неподалеку от Лос-Анджелеса. Под именем Адриан Фог.

— В самом деле? Пятнадцать лет спустя — это оригинально... И что ты собираешься делать?

— Я хотела посоветоваться с тобой. Надеюсь, что ты сможешь мне помочь.

— В чем?

— Ты не хочешь узнать, что с ним случилось?

— Нет.

Теперь он смотрел только на мерцающий огонек сигареты.

— Нет — и все? Вот прямо так?

— Натан исчез много лет назад. Для меня он все равно что умер. — Затем отец Марион поднял на нее глаза и прибавил: — Умер и похоронен.

Эта страница перевернута. Я не понимаю, зачем тебе нужно ворошить все это старое дерьмо.

Эта неожиданная и совсем не свойственная отцу грубость поразила Марион — сколько она его помнила, он всегда старался, чтобы его французский был во всех смыслах безупречен.

— Но... что, если он действительно там живет?

— Вот пусть там и остается. Я в свое время уехал из Америки, потому что больше не мог выносить эту страну. Ты даже не представляешь, как тебе повезло родиться и жить во Франции. А там человек без денег может умереть под забором, и всем будет на него плевать. Там ты никогда не смогла бы учиться медицине.

— Но я так и не доучилась, папа.

— Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать. Что до меня, если бы в моем нынешнем возрасте у меня появились проблемы со здоровьем, там я не имел бы возможности лечиться.

Марион помолчала, затем спросила:

— У тебя проблемы со здоровьем?

— Нет.

Она придвинулась ближе, чтобы лучше разглядеть лицо отца:

— Прозвище Троянец тебе о чем-нибудь говорит?

Он нахмурился с неподдельным непониманием:

— Что?

Марион поцеловала его в щеку:

— Мне нужно идти. Береги себя. Увидимся в выходные.

Он ничего не ответил. Марион пересекла бульвар в обратном направлении и снова села в машину Кору.

— Ну что? — спросила та.

— Когда я упомянула Троянца, он никак не отреагировал. Я предпочла не настаивать. Но он что-то скрывает от меня, это очевидно.

— Ты уверена?

— Ну, это же мой отец. Я чувствую, когда он лжет. И знаю, что бесполезно пытаться из него что-то вытянуть, если он сам не хочет говорить. Он упрям как мул. Но я попытаюсь снова.

Кора кивнула.

— Кстати, твой айфон только что звонил. Я хотела посмотреть, чей это вызов, но не смогла войти в систему.

Марион почувствовала, как у нее в одну секунду подскочило давление.

Она приложила большой палец к экрану айфона. Послышался слабый щелчок: система ее опознала.

«Фейсбук».

И тут же — «роке».

— Приветствую, Марион. «Спасать жизни» — помните? Сегодня вы спасли кота. Имя следующей жертвы в списке, я надеюсь, побудит вас действовать немного быстрее...

Марион смотрела на появляющийся на экране текст расширенными от ужаса глазами.

— На этот раз я выбрал целью вашу подругу, Кору Шеновиц, которая сейчас сидит рядом с вами на водительском сиденье. Готовы? Внимание, вот вам загадка...

Глава 11

Вместо того чтобы ответить, Марион быстро нажала клавишу выключения. Экран погас.

— Кора, поехали! Быстрее!

— Что стряслось?

— БЫСТРЕЙ! Жми на газ!

Подруга бросила на нее мгновенный взгляд, затем нажала на педаль акселератора. «Хаммер» понесся вдоль бульвара. Какой-то «смарт» резко затормозил. Пронзительно завизжали шины.

— Быстрее, ради бога!

— Ты уверена, что...

— НЕ СПРАШИВАЙ НИ О ЧЕМ!

— Как скажешь.

Кора с силой надавила на педаль. Марион вжалась в сиденье. Мощный автомобиль мчался вдоль бульвара с ревом самолета, готового оторваться от взлетной полосы.

— Мотор барахлит, — объяснила Кора.

Она включила мигалку. Справа послышался какой-то скрежет, но Кора даже не повернула головы и продолжала лавировать в потоке автомобилей. Один из водителей взглянул на нее сначала с яростью, затем — с откровенным изумлением. Можно было подумать, что по улице скачет какой-то гигантский металлический тарантул.

Кора обгоняла один автомобиль за другим. Визг шин, резкое гудение клаксонов...

— Ну что, достаточно быстро? — ворчливо спросила она. — Прежде чем мы разобьемся, может быть, ты все-таки объяснишь, в чем дело?

Лицо Марион было смертельно бледным.

— Троянец! Он здесь! Он нас видит!

— Что?

— Он преследует нас! Он знает, что за рулем сидишь ты! — Она швырнула айфон на приборную панель. — Он только что написал об этом! И собирался загадать мне какую-то новую загадку!

На очередном перекрестке зажегся красный сигнал светофора. Все машины остановились. Коре пришлось снизить скорость. Она включила сирену, но никто на это не отреагировал.

Кора повернулась к Марион:

— Ты абсолютно уверена в том, что говоришь?

— ДА, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

— О'кей. Сменим маршрут.

Кора резко свернула влево, въехала на тротуар и покатила по пешеходной дорожке. Марион невольно вскрикнула. Затем последовал резкий поворот вправо, и «хаммер» оказался в пешеходной зоне, прилегающей к Центральному рынку. Теперь они ехали по улице Сен-Дени.

— Пристегнись, — посоветовала Кора.

И снова с силой нажала на педаль газа. Марион вцепилась в сиденье. Окружающий пейзаж менялся так быстро, словно они ехали в поезде. «Хаммер» сбивал мусорные баки, задевал фонарные столбы. Два человека, вышедшие их секс-шопа, тут же поспешно скрылись внутри.

Снова резкий поворот влево. Складной рекламный щит, стоявший перед палаткой «сэндвичей по-гречески», разлетелся на куски. «Хаммер» выехал на улицу Этьена Марсея и продолжил путь в запрещенном направлении. Он пулей промчался мимо кафе, заставив оцепенеть всех сидящих на веранде посетителей.

Еще через сто метров слева открылось жерло туннеля, пролегающего под Центральным рынком. Кора свернула туда.

Через несколько минут она сбросила скорость.

— Теперь, я думаю, мы от него оторвались, — проговорила она.

— Ну, ты даешь... — выдохнула пораженная Марион.

— Просто я умею хорошо водить машину.

— Остановись на секунду, — после некоторого колебания попросила Марион.

Кора затормозила возле мусорного контейнера:

— Тебе нехорошо? Что ты делаешь?

Марион, опустив стекло, ответила:

— То, что мне стоило бы сделать с самого начала. — Она выбросила айфон в контейнер. — Я не знаю, может быть, Троянец вмонтировал туда Джи-пи-эс, чтобы отслеживать наши перемещения, но даже если нет, от этой штуки все равно надо было избавиться, — прибавила она. И подняла стекло.

Кора кивнула.

— Ну что, поехали? — спросила она.

И, не дожидаясь ответа, рванула с места.

Они пересекли Сену по широкой автостраде А-15. Днем с нее

открывался роскошный вид на Париж до самого Дефанса^[4]. Но в этот поздний час большинство зданий, в которых уже не горел свет, выглядели мрачными темными громадами.

Марион внимательно разглядывала редкие автомобили, двигавшиеся им навстречу. Дорога у них за спиной оставалась пустынной.

— Куда ты меня везешь? — наконец спросила она у Кору.

— К моим родителям, — отвечала та. — Они живут в Иль-Адам, департамент Валь-д'Уаз, километрах в сорока отсюда. С учетом недавних обстоятельств будет лучше, если ты проведешь эту ночь не у себя. И не у меня тоже.

Марион на это ничего не сказала. Взгляд ее потерялся в сумраке за стеклом. Ей казалось, что, сидя в машине, она одновременно находится где-то очень далеко. Медики называют это ощущение состоянием шока.

Кора слегка шевельнулась на сиденье:

— Значит, ты уверена, что этот человек угрожал именно мне?

— Так он написал.

Кора вполголоса выругалась и снова перевела взгляд на дорогу.

Марион так сильно сцепила руки, что побелели костяшки пальцев.

— Завтра я снова пойду в полицию. Надеюсь, теперь-то уж они от меня так просто не отмахнутся. А если они так и не сдвинутся с места, я расскажу обо всем отцу, и журналистам с моей работы, и... Словом, я найду какое-то решение...

Она опустила голову, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

Затем, помолчав, добавила:

— Мне жаль, что я тебя во все это втянула, Кора. Действительно жаль.

— Да ладно, ничего страшного.

Они выехали на автостраду А-115 и направились в сторону муниципалитета Таверни. Кора включила музыку. Марион нашла в сумочке таблетки и сунула одну из них под язык. Спустя некоторое время она немного расслабилась. Если бы она смогла забыть все, что случилось за последние сутки, то вполне могла бы воспринимать происходящее как ночную автопрогулку.

Вдруг послышался глухой шум. «Хаммер» повело из стороны в сторону.

— Что за... — только и успела произнести Кора.

Машина съехала с шоссе.

Земля и небо поменялись местами.

Первый удар.

Второй.

Глава 12

Раньше

Марион только что закончила накладывать шов в Малом блоке, когда вошел доктор Чесс:

— Ну, как все прошло?

Она подняла голову и взглянула ему в лицо, оно оставалось непроницаемым. Марион сделала над собой усилие, чтобы не думать о цветке подсолнуха, который она заботливо поставила в вазу у себя в кухне.

Только бы не покраснеть...

— Все хорошо, — ответила она.

Затем осторожно взяла пинцетом изогнутую иглу и бросила в специальный лоток, чтобы ни одна из медсестер случайно не укололась, убирая поднос с рабочим материалом.

— Ничего срочного, все спокойно?

— Да, все в порядке.

— Что у нас на данный момент?

Марион стянула резиновые перчатки, бросила их в мусорную корзину для токсических отходов и слегка потерла руки, чтобы стряхнуть тальк.

— Ожоговый пациент в боксе номер один. Я велела ему сунуть руку в холодную воду на полчаса, должно помочь. Во втором — человек, упавший с велосипеда. У него только ссадины, медсестры его перевязывают. В третьем — мальчик, которого укусила собака. Собака привита от бешенства, мальчику ввели противостолбнячную сыворотку. Он ушел сразу. Но у его отца, который его сюда доставил, поражение блуждающего нерва.

— Вы обеспечили ему дорсальный декубитус?

Марион наморщила нос.

Словосочетание «дорсальный декубитус» означает всего-то навсего «положение лежа на спине». Это один из тех научных терминов, которые использовались в разговорах между светилами медицины, а рядовых работников, в том числе Марион, слегка раздражали. Но официальное требование ко всем звучало так: данные термины пришли из латыни, и вы должны знать этот общепринятый научный язык. Неофициальное подразумевало следующее: вы должны общаться между собой так, чтобы пациент вас не понимал. К тому же сами будете иметь менее идиотский вид, рассуждая о болезнях, в которых мало что смыслите.

— Да, — ответила она, — я уложила его на спину и приподняла ему

ноги. Сейчас он чувствует себя хорошо.

Чесс кивнул.

— Могу я пройти с вами в приемный покой, чтобы проверить, не поступили ли другие пациенты?

— Конечно...

Можно подумать, ему для этого нужно ее разрешение...

Он сделал несколько шагов к ней.

— А как недавняя пациентка? — поинтересовался он. — Девушка, которую ударили бейсбольной битой по голове?

Лицо Марион прояснилось.

— Дуня? С ней все прекрасно.

— О, вы уже знаете ее имя?

— Мы с ней подружились. На бедняжку напал какой-то скинхед возле Центрального рынка. — Марион поморщилась. Затем продолжала: — Этот тип попросил у нее сигарету. Она отказала. Тогда он ударил ее битой. Вы можете себе представить? Ударить девушку за то, что она не дала вам сигарету!..

— Как вы узнали, что повреждения не слишком серьезные?

— Она сама мне сказала. Очень милая девушка. Дуня венгерка, вы знаете? Она приехала в Париж на выходные со своим бойфрендом. То есть не то чтобы с бойфрендом... это ее друг, она его очень любит, но пока ничего ему не говорит...

Почему она ему все это рассказывает?..

Марион замолчала и полностью сосредоточилась на разглядывании приемного покоя, как на грех полностью свободного от пациентов.

— Вы провели неврологические тесты?

— Да. Зрачковые рефлексы в норме, костно-сухожильные рефлексы симметричны, синдром Бабинского отсутствует... Я сделала ей очень удачный шов, даже шрама не останется. Для девушки это важно.

— А потом?

— Потом, поскольку у нее еще немного болела голова, отправила ее на сканирование. И в ближайшее время намереваюсь ее осмотреть. Мы решили поужинать вместе... Представляете, оказалось, что мы с ней ровесницы.

Чесс улыбнулся нейтрально-вежливой улыбкой:

— Хорошо.

Пауза.

— Я собирался вам кое-что показать, — прибавил он. — Вы можете ненадолго отлучиться?

Она кивнула:

— Да, конечно. Без проблем.

Сердце ее забилося быстрее.

Они вышли из отделения скорой помощи — Чесс впереди, она за ним — и поднялись по лестнице на второй этаж. В этот сектор больницы Марион еще никогда не заходила.

— Вы были в помещении дежурных врачей? — спросил Чесс.

— Нет.

— Что, никогда туда не заходили?

— Но как бы я могла туда попасть? Для этого нужно приглашение своего интерна или шефа. А у меня даже интерна нет.

— Да, в самом деле. Нужно исправить это упущение. — Он толкнул дверь. — Сейчас здесь не слишком многолюдно, но, так или иначе, на это место стоит посмотреть.

Марион вслед за Чессом вошла в пустое помещение, сунув руки в карманы халата.

Стены сплошь покрывали фрески в античном стиле, изображающие вакханалию: множество пляшущих голых людей, причем некоторые из них сжимали в руках собственный член. Веселые пьяные физиономии были в точности срисованы с бывших начальников отделений. Марион заметила, что соотношение мужчин и женщин — примерно девять к одной на каждый десяток — воплощало настоящий триумф мужского шовинизма. Как-то раз одна женщина-хирург с горечью сказала ей, что мужчина, когда получает повышение, может спокойно почивать на лаврах, в то время как женщинам приходится постоянно доказывать свою профпригодность. Марион тогда задумалась: а сможет ли она сама вписаться в эту мужскую вселенную?

Чесс открыл буфет:

— Хотите чаю? Кажется, тут где-то был и шоколад...

— Нет, спасибо, — ответила Марион.

Выражение его лица по-прежнему было абсолютно нейтральным. Ей все больше становилось не по себе, особенно от вида возбужденных членов на фресках.

Чесс сел за стол и стал крошить в чашку круглую пластинку какао. Затем тоже машинально взглянул на фрески, словно не зная, с чего начать.

— Ну что ж, вы кое-чему научились за время стажировки, — наконец произнес он.

— Да.

— Это было нелегко.

— Да.

— Это потребовало от вас больших усилий.

— Что верно, то верно.

Интересно, какой будет следующая фраза? «Хорошая погода сегодня»?

— Вы верите в бога?

— Э-э... что?

— Извините. Я понимаю, что это очень личный вопрос. Просто хотел узнать — вы верующая?

— Нет.

— Я заговорил об этом, потому что иногда... это помогает.

— Помогает в чем?

Чесс разглядывал последний кусочек пластинки какао, который все еще держал в руке.

— В былые времена, когда что-то не клеилось, я садился в машину и уезжал в лес. Там я выходил и начинал орать во все горло.

Пауза.

— Это были самые первые годы моих занятий медициной, — снова заговорил он. — Иногда, в случае неудачной операции или после того как приходилось сообщать пациенту неутешительный диагноз, я чувствовал, что просто не в силах это выдержать. Некоторые медики загоняют такие переживания как можно глубже внутрь. Другие занимаются спортом до полного изнеможения, или пьют, или бьются о стену головой. А я уезжал подальше в лес, где никто не мог меня услышать, и кричал так, что у меня едва не лопались голосовые связки. Через несколько минут мне становилось лучше. И я мог возвращаться и снова приступать к работе.

Марион ожидала, что в конце рассказа последует какая-то шутка, но Чесс по-прежнему выглядел серьезно.

— Знаете ли, в сущности не так важно, сколько вам осталось жить, — продолжал он. — Важно то, что вы успеете сделать за это время.

— Почему вы мне это говорите?

— Не сердитесь, пожалуйста. Вы столкнулись с этим в первый раз. Вам еще придется через это проходить... но в первый раз это тяжелее всего.

— Что вы имеете в виду?

— Смерть пациента... — Он смотрел на нее с грустью и состраданием. — Дуня, ваша венгерская подружка... У нее начались судороги прямо во время сканирования. Экстрадуральная гематома. Все случилось непредвиденно и очень быстро. Вы тут ни при чем. Вы в любом случае не смогли бы ей помочь. Ее отвезли в операционную, но ничего уже нельзя было сделать. Она умерла.

Глава 13

Сейчас

— Вы живы.

Марион слушала, что говорит врач, стоящий рядом. Это был темноволосый человек лет сорока, на нагрудном кармане его халата она различила инициалы: «П. Б.».

— Вы почти не пострадали, и это просто чудо, если учесть серьезность ДТП.

Он показал ей снимки с результатами сканирования мозга.

— Вы ударились головой о потолок кабины, но подушки безопасности смягчили удар. Внутричерепных кровоизлияний не было. Все результаты осмотра положительные. Вы отделались одними царапинами.

Он убрал снимки в конверт.

Марион колебалась, не решаясь спросить о Коре: она боялась, что ответ услышит неутешительный.

Она помнила внезапный резкий толчок, потом удар подушки безопасности прямо в лицо... Спустя несколько секунд машина неподвижно замерла в поле у обочины шоссе. Марион удалось расстегнуть ремень безопасности и выбраться наружу.

Шоссе с его ярко горевшими фонарями было совсем недалеко. Марион обошла машину кругом.

Особенно ей запомнилась глухая непроницаемая тишина, пока она набирала «15» на мобильном телефоне.

«Скорая» прибыла через несколько минут. Марион не могла вспомнить, видела ли она кровь, но, во всяком случае, Кора была без сознания, когда ее извлекли из машины. Марион увезли в больницу первой.

— Где мы? — спросила она.

Врач назвал больницу.

— Сколько сейчас времени?

— Семь утра. Вам дали немного поспать. Все ваши вещи в шкафу...

Он снял с ее головы электроды, подключенные к монитору.

— Это вам больше не нужно. Через пару дней навестите своего лечащего врача для контрольного осмотра. Но, на мой взгляд, с вами все в порядке. Можете отправляться домой.

Набравшись храбрости, Марион все же решилась задать мучивший ее вопрос.

Дуня, ваша венгерская подружка...

Она умерла...

— А что с моей подругой, Корой Шеновиц?

— С ней все хорошо. Она тоже здесь.

У Марион словно гора с плеч свалилась. Однако она заметила в тоне собеседника некоторую сдержанность.

— Вы уверены? Вы провели все необходимые тесты? Проверили зрачковые рефлексы? Синдром Бабинского?

Врач улыбнулся:

— Я смотрю, вы разбираетесь в медицине.

— Немного.

— Мы сделали все что нужно, не беспокойтесь. И не обнаружили у вашей подруги ничего страшного. Ее беспокоят лишь небольшие боли в спине. Чтобы убедиться наверняка, что спинной мозг не задет, чуть позже мы сделаем МРТ^[5].

Спинной мозг?!

О, боже мой!

— Она может двигать ногами, так что все в порядке, — прибавил врач, словно прочитав ее мысли. — Но ей придется провести здесь еще несколько дней.

— А можно мне ее увидеть?

— Конечно. — Он протянул ей листок бумаги: — Вот номер ее палаты. Если у вас будут еще вопросы или вам что-нибудь понадобится — обращайтесь без всякого стеснения.

После этого пожелал счастливого возвращения домой и вышел.

Марион осталась в одиночестве.

По обе стороны от нее сквозь огромные окна от пола до потолка открывался вид на густой хвойный лес. Все здесь дышало покоем и умиротворением.

Врач сказал, что с ней все в порядке. Она и сама не чувствовала никакой боли. Тем не менее ей не удавалось расслабиться.

Что же на самом деле случилось? Как могла произойти авария на ровном пустынном шоссе? Она помнила только глухой удар, после которого «хаммер» сразу вынесло на обочину.

Марион покусала губы.

По сути ее интересовал только один вопрос: причастен ли к этому Троянец?

Незадолго до аварии она выбросила айфон. Отказалась продолжать игру и разгадывать загадки. Получается, что это она виновата в

случившемся?

Марион размышляла.

Нет, все же ее прямой вины здесь нет. К тому же Кора осталась жива.

В палату вошла медсестра, неся поднос с завтраком. Марион хотела было отказаться, но неожиданно поняла, что страшно голодна. Она взяла две порции тартинок с джемом и, стоя перед окном, с аппетитом их съела, запивая кофе из большой чашки.

Она заметила промелькнувшую среди деревьев косулю. Ненадолго остановившись, та пощипала траву на опушке, затем исчезла.

Марион отодвинула поднос, затем пошла в ванную, умылась и оделась. Теперь она готова.

Выйдя в коридор, она спросила у медсестры, как найти палату, номер которой написал на листке бумаги врач. Подойдя к нужной двери, она на секунду остановилась, глубоко вдохнула, а затем вошла.

— Привет, красотка! — воскликнула Кора.

Она лежала в кровати с пультом от телевизора, рассеянно переключая каналы. Подруги обнялись. Спустя некоторое время Кора произнесла:

— Тут что-то не так. Сначала был какой-то странный звук, потом вдруг руль перестал слушаться. Слава богу, что мой «хаммер» — это настоящий монстр и что мы съехали с шоссе на абсолютно гладкое поле.

— Думаешь, это он? Троянец?

— Не знаю. Но как бы он смог выследить машину?

Марион не ответила, о чем-то сосредоточенно размышляя.

— Что ты собираешься делать? — наконец спросила Кора.

— Сначала позвоню отцу, наверное. Потом вернусь в Париж...

Ваша подруга умерла.

— Хочу разобраться в этой истории до конца.

— Снова пойдешь в полицию?

— Да, конечно, — ответила Марион, отводя глаза.

На прощание они снова обнялись, и Марион вышла.

Она вызвала такси и доехала прямо до дома. Войдя в квартиру и закрыв за собой дверь, некоторое время молча разглядывала ряды книг — утешительные приметы размеренной, спокойной и заурядной жизни. Однако она уже не ощущала это место своим домом. Весь ее привычный мир внезапно перевернулся.

«В сущности, не так важно, сколько вам осталось жить, — сказал когда-то Натан. — Важно то, что вы успеете сделать за это время».

Она села у барной стойки в кухне.

Включила компьютер и вошла в «Фейсбук».

Как она и думала, Троянец был на сайте.
Она отправила ему «роке» и прибавила:

— *Я здесь.*

Глава 14

— *Чего вы ждете от меня?* — напечатала Марион.

— *Прежде всего — новостей.*

Она невольно взглянула на лейкопластырь в локтевой ямке — в том месте, куда вводили обезболивающее.

— *Я хорошо себя чувствую.*

— *А ваша подруга?*

— *Тоже.*

— *Прекрасно.*

Марион ждала продолжения.

— *Я мог бы сделать с вами и кое-что похуже,* — написал Троянец.

Пауза.

Маленькое панно-индикатор внизу экрана указывало на то, что он пишет новую фразу.

— *Я вполне мог подойти к машине, пока ваша подруга была без сознания. Две одинокие женщины в безлюдном месте... Я бы легко с вами справился.*

Марион представила его пальцы, стучащие по клавиатуре... Итак, он всегда где-то рядом.

Может быть, он и сейчас сидит в ближайшем интернет-кафе, в двух шагах от ее дома. Почему бы и нет?

— *Я приняла к сведению ваше послание,* — напечатала она. — *И что теперь?*

— *Продолжим игру.*

— *А если я откажусь?*

Разумеется, это был чисто формальный вопрос. И она заранее знала ответ.

— Я — не один из сотен виртуальных психопатов, — написал Троянец.

Снова пауза. И мигание индикатора. Затем:

— Игра «Спасаем жизни» — это не опция, которую можно принять или отвергнуть. Дело не в том, чтобы узнать, согласитесь вы играть или откажетесь — у вас нет выбора. Вопрос состоит в следующем: стоит ли мне вовлекать кого-то еще в эту игру? Если вы не хотите играть свою партию, я без труда найду людей, ради которых вы это сделаете.

Марион подумала об отце, таком старом и слабом, каким видела его совсем недавно, под уличным фонарем на улице Ломбардцев. Ей совсем не хотелось проверять, на что еще способен Троянец.

Раздался звуковой сигнал — уведомление о доставленном сообщении.

— Это видеофайл. Откройте его.

Марион повиновалась.

Запись длилась меньше двадцати секунд. Марион досмотрела ее до конца, собрав все свое мужество. Она вслушивалась в слова, одновременно убеждая себя быть сильной. Но к концу глаза ее увлажнились, а пальцы дрожали так, что с трудом попадали на нужные клавиши.

— Вы сделаете то, о чем просит вас человек на этой видеозаписи?

— Да, — ответила Марион.

— Хорошо. Тогда следуйте моим инструкциям...

* * *

Час спустя Марион упаковала чемодан, поручила кота заботам соседки, после чего, в последний раз окинув взглядом квартиру, закрыла дверь, вышла на улицу и села в такси.

Между тем как ее дом и ее прошлая жизнь удалялись все дальше, на память Марион пришла одна фраза из прошлого. Еще в студенческие годы она прочитала «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго. Ей

захотелось прочитав этот роман, поскольку больница Отель-Дье, в которой она проходила стажировку, находилась в двух шагах от знаменитого собора. Когда звонили колокола, ей казалось, что смех Квзимодо эхом отдается в больничных коридорах.

Один отрывок ей особенно запомнился — тот, в котором Клод Фролло, архидьякон, переводя печальный взгляд с печатной книги на собор, говорит: «Одно убьет другое». Подразумевалось, что появление книгопечатания убьет Историю, которая прежде воплощалась в цветные фрески на стенах соборов. Пришествие книги знаменовало отмену господства Церкви. Книга стала символом свободы. Но Марион рассматривала эту фразу в более широком смысле — как отражение сути любых перемен.

Как неизбежный переход от одной эпохи к другой.

В каждой человеческой жизни случаются переломные моменты. Первый выпавший молочный зуб. Первые месячные. Первый поцелуй. Первое занятие любовью. Первая смерть пациента. И каждый такой момент фактически убивает всю предшествующую эпоху. Вы меняетесь, пересекая границу, за которой открывается новая эра. Вы осознаете ход времени, собственную смертность, хрупкость и недолговечность всего и вся. И огромную важность тех счастливых мгновений, которые хочется запомнить навсегда — восход солнца, обед за семейным столом, веселящуюся компанию друзей...

Вы подводите итоги.

В такие моменты вам приходят на память юношеские мечты и желания. Контраст между вашим прошлым и нынешним существованием зачастую слишком резок, чтобы спокойно его перенести. Он может вызвать серьезный душевный кризис. Такое случается и в семь лет, и в сорок. Но результат всегда один: стены, в которых замкнуто ваше существование и которые кажутся вам весьма прочными, внезапно обрушиваются с легкостью карточного домика. Будущее, которое представлялось вам четким и очевидным, вдруг заволакивается туманной дымкой, сквозь которую брезжит новый рассвет. Вы делаете первый глоток свежего воздуха. И одновременно с восхитительным, пьянящим ощущением новизны испытываете страх.

Одно убьет другое.

Такси остановилось перед зданием, где Марион работала.

— Подождите немного, — попросила она водителя. — Я вернусь через пару минут.

Поднявшись на свой этаж, она сразу направилась в кабинет Катрин

Борман.

— Вы рассчитываете сделать из меня журналистку? — спросила она без всяких предисловий.

Патронесса взглянула на нее округлившимися от изумления глазами:

— Вы ни с того ни с сего врываетесь ко мне после двухдневного отсутствия — и только затем, чтобы задать этот вопрос?

— Ответьте на него, пожалуйста.

— Вы не так уж молоды.

— Да, я опоздала на несколько лет.

— Журналистика — это ремесло.

— Я быстро учусь.

— У вас нет никакого сюжета для расследования.

— Ошибаетесь. У меня есть великолепный сюжет.

— Вы к этому не готовы.

Марион кивнула:

— Ну что ж. Я просто хотела лишний раз убедиться, что, уйдя от вас, ничего не потеряю. — Она положила на стол запечатанный конверт. — Это мое заявление об увольнении. До свидания, мадам Борман.

И, повернувшись, Марион направилась к двери.

— Подождите.

Марион обернулась.

Катрин Борман поднялась из-за стола:

— Я не знаю, что вы задумали. Но, скорее всего, это не лучшее решение. В моей жизни тоже были нелегкие моменты. Что бы с вами ни произошло, какую бы глубокую рану вы ни получили, поверьте мне, нужно продолжать идти вперед. Никто не в силах изменить прошлое.

Марион, пристально посмотрев на патронессу, возразила:

— Ошибаетесь. Это можно сделать.

И вышла, уже не оглядываясь.

Она попросила таксиста высадить ее у сектора F, поставила свой чемодан на тележку, вошла в аэропорт и остановилась у стойки компании «Эр Франс»:

— У меня заказан билет.

— Какое направление? — спросила служащая.

— Лос-Анджелес, рейс шестнадцать тридцать.

Служащая взяла ее паспорт и сверила данные в компьютере.

— Дату возвращения указывать?

— Нет. Мне нужен билет с открытой датой.

Девушка за стойкой пощелкала клавишами компьютера, затем протянула Марион картонный прямоугольник:

— Счастливого пути.

Марион взяла его и вошла в терминал.

Троянец перевел на ее счет деньги, которые, согласно его инструкциям, она должна была потратить на авиабилет, а также на покупку нового айфона. Сейчас она включила айфон и зашла в «Фейсбук», чтобы пересмотреть недавно присланную ей видеозапись.

Она вновь увидела Натана Чесса.

Имея очень жалкий вид, он лежал на больничной койке под капельницей, страшно исхудавший, в каком-то плохо освещенном тесном помещении без окон.

И, что самое ужасное, был прикован за щиколотки обеих ног наручниками к прутьям спинки кровати.

— Здравствуй, Марион... Мне очень жаль, что я вынужден говорить с тобой в таком состоянии... После стольких лет, стольких загадок... Я понимаю, до какой степени это для тебя тяжело... Я так хотел бы все тебе объяснить, ответить на все вопросы... — Он прервался, закашлявшись. — Но у меня... слишком мало времени. Поэтому... выслушай меня. Тебе придется предпринять это путешествие... о котором сказал тебе Троянец... если ты хочешь еще хоть раз меня увидеть. Сделай это, Марион, прошу тебя. Моя жизнь... не единственное, что стоит на кону в этой игре.

И всё.

Марион в последний раз набрала номер отца. Снова автоответчик. Ну что ж, тем лучше, подумала она. И проговорила:

— Я уезжаю, папа. Извини, что сообщая тебе об этом вот так, но через минуту я сажусь в самолет. И отправляюсь в США...

На секунду она замолчала, прикрыв глаза. Потом добавила:

— Натан не умер. Он жив. Не знаю, где он сейчас, но ему нужна моя помощь. Я собираюсь его отыскать.

Отец Марион выслушал ее сообщение и положил трубку.

Внезапно он ощутил слабость. Не в силах оставаться на ногах, опустился в кресло.

Затем с силой провел ладонями по лицу, по жесткой щетине на щеках.

Ну, вот и настал момент, который он пытался отдалить все эти годы. Хотя и знал, что рано или поздно всё случится.

Он встал и направился к буфету. Отыскал в одном из ящиков конверт — старого образца, из тех, что надо было заклеивать языком. На внутренней стороне, под треугольником с клейкой полосой, был записан телефонный номер.

Но сначала отец Марион позвонил в справочную телефонную службу:
— Добрый день. Я хотел бы сделать звонок за рубеж. Но не знаю, действителен ли еще номер...

Номер оказался действителен.

Изменился лишь код региона. Ему объяснили, как дозвониться. Он поблагодарил оператора, затем набрал нужную комбинацию цифр.

Гудок был долгим и низким — не таким, как во Франции. Затем кто-то снял трубку.

— She's coming^[6], — сказал отец Марион.

Ответа не последовало.

На всякий случай он еще раз повторил эту фразу и положил трубку.

Затем в последний раз обвел глазами квартиру.

Ему тоже пора собирать чемодан.

Часть II

За оранжевой вуалью

Глава 15

В это утро погода была такая замечательная, что Хлоя решила удрать с уроков.

Она подняла одну руку и одновременно прижала другую к животу, изобразив на лице невыразимое страдания. Учитель поднял глаза к потолку, затем сделал ей знак, что можно идти. Она вышла, пряча победную ухмылку.

Такой предлог всегда действовал безотказно.

Хлоя дошла до туалета, но даже не стала туда заходить, а сразу направилась к своему шкафчику. Открыв его, она забрала свои вещи и вышла на улицу через боковую дверь, предназначенную для служебного персонала.

Школа в Лагуна-Бич, графство Оранж, была построена в традиционном стиле американских школ: массивное здание из красного кирпича с высокими окнами, расположенными на довольно большом расстоянии от пола, что позволяло Хлое проскальзывать вдоль стены, не будучи замеченной из класса.

Она дошла до баскетбольной площадки, на которой тренировалась женская команда, затем, пробравшись сквозь кусты к кирпичной ограде, взобралась на дерево. Уцепившись за ветку, подтянулась на руках, встала на ограду и спрыгнула с другой стороны.

Затем осторожно вытащила велосипед из-под вороха веток и листьев. Натянула кожаную куртку «Перфекта», которую когда-то носил ее отец.

Наушники от айпода вставила в уши, звук сделала максимально громким.

Она прогуливала уроки уже третий раз за эту неделю. Само собой, всё это добром не кончится. С другой стороны — живем только раз, так ведь?

Хлоя уселась в седло, нажала педаль и покатила по тропинке.

В девятнадцатом веке переселенцы, спасающиеся от гражданской войны, построили Лагуна-Бич на омываемой океаном скале. Вначале спускаться с нее по крутым обрывистым тропинкам могли только козы. Но со временем тропинки сменились хорошими дорогами, ведущими к частным особнякам, а маленький городок постепенно превратился в отдаленное предместье Лос-Анджелеса, обитель богачей. Отныне роскошные особняки соседствовали со старыми домиками на сваях,

буквально повисшими над бездной. И козы по-прежнему были здесь: пару раз в год пастухи перегоняли их на новые пастбища, куда-нибудь повыше, где еще можно было найти подножный корм. Часть города в свое время выгорела — ко многим домам пожарные просто не смогли приблизиться, — после чего муниципалитет распорядился сократить до минимума площадь дикой растительности и еще увеличить количество дорог.

По одной из них и спускалась сейчас Хлоя. Велосипед катился под уклон сам по себе, она же, прикрыв глаза, с удовольствием подставила лицо лучам солнца. Внезапно резкий звук автомобильного сигнала вырвал ее из блаженной расслабленности: сама того не замечая, она едва не выехала наперерез небольшому грузовику.

— Hola!

Хлоя резко повернула руль, желая остановиться. Она не услышала шум мотора из-за музыки в наушниках. Хлоя стянула их и сунула в карман. Ей нравилась музыка, но не настолько, чтобы ради нее так по-дурацки умереть.

Смертей в ее семье и без того хватало.

Она поехала дальше, сделав извиняющийся жест в сторону грузовика. Над ее головой пролетела чайка, подгоняемая ветром. В воздухе пахло свежестью. Хлоя позволила ветру обдывать ее щеки и трепать пряди волос, выкрашенные в разные цвета. Спустя какое-то время она поняла, что проголодалась.

Она свернула направо, на Боат-Каньон-драйв, и остановила велосипед возле булочной.

На вывеске красовалась надпись: «*Французская булочная Жана. Лучшие круассаны в городе!*» — на французском и английском языках.

В те времена, когда у Хлои еще была полноценная семья, они все вместе часто бывали здесь. И каждый раз этот самый Жан или ворчал, или откровенно хамил. Это вызывало у Хлои даже не столько раздражение, сколько любопытство: она постоянно спрашивала себя, все французы такие или этот экземпляр — исключение из правил.

Она натянула на голову шерстяной шлем с прорезями для глаз, который купила специально, и вошла в магазин. Жан обслуживал клиентов. Она подкралась к корзине со свежими круассанами, стоявшей на прилавке, схватила две булочки и бросилась бежать.

Спустя несколько секунд вслед ей понеслись гневные вопли.

Хлоя сунула круассаны под куртку, вскочила на велосипед и изо всех сил закрутила педали.

Жан выскочил на улицу, потрясая кулаками:

— Хлоя! Паршивая мелкая воровка! Я прекрасно знаю, что это ты!

Она помчалась еще быстрее.

— Вернись сейчас же! Предупреждаю — на этот раз ты так дешево не отделаешься! Я вызову полицию!

Но лицо Хлои оставалось безмятежным. Она свернула за угол. Теперь вопли Жана уже были не слышны. Хлоя стянула шлем и поехала в сторону пляжа.

Вскоре она снизила скорость.

Вот уже в третий раз она воровала круассаны из булочной. Почему? Она и сама этого не знала толком. Сейчас она испытывала даже разочарование. Ей хотелось этим рискованным поступком слегка прибавить себе позитивного настроения, а получилось наоборот.

Она остановилась на перекрестке Пасифик-Коаст-хайвей. За спиной у нее поднимались холмы Лагуна-Бич с их роскошными особняками, внизу набегали на песчаный берег волны Тихого океана. Некоторое время Хлоя наблюдала за молодежной компанией: кто-то катался на сёрферных досках, другие разводили костер. Еще одна вечеринка на пляже...

Когда-то она была счастлива.

Но сегодня не испытывала вообще ничего.

Только огромную пустоту, сходную с ощущением огромной дыры в груди.

Она слезла с велосипеда и оставила его у деревянной ограды небольшого торгового центра. Затем направилась в магазин, торгующий телевизорами, и, войдя, остановилась перед огромным плазменным экраном, на котором шло какое-то дебильное шоу.

Через пару секунд стоящий за стойкой продавец, подняв глаза от каталога заказов, спросил:

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Нет.

Но он продолжал на нее смотреть.

— Ты разве не должна быть в школе?

— Сейчас весенние каникулы.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать.

— Вообще-то сейчас каникулы только у студентов.

Продавец внимательнее посмотрел на нее, прищурившись:

— Погоди-ка, я тебя знаю...

— Что?

— Ты воровка! Другие продавцы мне про тебя рассказывали!

Он выскочил из-за стойки в тот самый момент, когда в магазин вошла пара посетителей. Они хотели о чем-то спросить, но продавец предостерегающе поднял палец.

— Ну-ка, стой! — резко сказал он Хлое.

Она бросилась к двери.

Продавец устремился за ней.

Хлоя помчалась по тротуару в сторону пляжа, но преследователь без труда ее нагнал:

— Что ты стащила, а? Я уверен, ты взяла что-то в моем магазине!

— Вы с ума сошли! Я ничего не брала!

Продавец занес руку для удара.

В этот момент у него за спиной выросла чья-то тень.

— Я на вашем месте не стал бы этого делать.

Ноги продавца оторвались от земли. Он испустил полузадушенный вопль, судорожно изворачиваясь, чтобы разглядеть обидчика.

Это был высокий худой мужчина в черном костюме. Он без труда держал продавца над землей на вытянутой руке. Рядом стоял его напарник, человек совершенно противоположных пропорций: невысокий и круглый, весом как минимум сто двадцать килограммов.

— Эй, парни, вы вообще кто такие? — завопил продавец, по-прежнему висевший в пустоте.

— О, черт! — выдохнула Хлоя. — Микадо и Брауни!

Двое мужчин даже не шелохнулись.

— Ты их знаешь? — с трудом произнес продавец. — Черт! Скажи им, чтобы меня отпустили!

Низенький толстяк вынул из-под пиджака нож с длинным, сантиметров тридцать, лезвием и сунул его между ног продавца.

— Вы и в самом деле хотите, чтобы вас отпустили?

Гигант хихикнул. Продавец побледнел.

— Ладно-ладно, — проговорила Хлоя. — Хватит.

Мужчины в костюмах переглянулись, потом гигант выпустил продавца, который предпочел поспешно удалиться, не вступая в дальнейшие дискуссии.

Хлоя посмотрела ему вслед.

Толстяк шутливым жестом нацелил свой нож на нее:

— Вообще-то ты должна быть в школе.

— Именно, — кивнул гигант. — На уроке.

— Большой Па будет в ярости.

Хлоя пожала плечами. Один мужчина принес ее велосипед, другой, распахнув перед ней дверцу машины, сказал:
— Залезай.

Глава 16

Марион приземлилась в аэропорту Лос-Анджелеса в 19.05 по местному времени. Солнце еще стояло над горизонтом. Она сняла пальто и пуловер и повесила их на руку. Разница температур с Парижем была весьма ощутимой.

В потоке других пассажиров она шла по переходу, усталая и раздраженная. Ее топик насквозь промок от пота и липнул к телу. Во время перелета она почти не спала. Комедия с Беном Стиллером и последовавший за ней полнометражный мультфильм не помогли ей расслабиться. Как ни пыталась она хоть на время забыть о последних событиях, все ее мысли продолжали вращаться вокруг Натана и Троянца.

По примеру остальных пассажиров, включивших мобильники, Марион включила свой новый айфон, в который перед отлетом переставила сим-карту из своего телефона. Тут же на нее свалился целый ворох эсэмэсок. Марион с тревогой начала просматривать их одну за другой, но это оказались всего лишь послания от местных операторов сотовой связи, поздравляющих ее с прибытием и рекламирующих свои услуги.

Она подумала об отпечатке своего большого, пальца, являвшегося кодом доступа к первому айфону, присланному Троянцем, — тому, который она выбросила в мусорный бак. Марион не знала, что это за опция и для чего она предназначена, но, во всяком случае, на новом айфоне ее уже не было.

Толпа пассажиров постепенно рассредоточилась, и к стойкам паспортного контроля выстроилось несколько очередей.

Марион направилась в сектор, предназначенный для иностранцев. Пока она мало-помалу продвигалась вперед, с ней заговорила какая-то американка из соседней очереди — без всякого предисловия — и буквально засыпала ее словами. Судя по окружающей обстановке, служба безопасности аэропорта была начеку в связи с угрозой терактов — пассажирский контроль проводился долго и тщательно. Американка продолжала болтать, затем так же внезапно отвернулась и больше уже не обращала на Марион никакого внимания.

Типично американская манера, подумала Марион, одновременно с удовлетворением отметив, что ее английский остается на хорошем уровне: она все понимала без труда.

— Next!^[7]

Она переступила черту на полу, сжимая в руке паспорт.

— Приехали в отпуск? — спросил ее служащий, с привычной ловкостью ставя штампы.

— Да.

— Вы в первый раз в США?

— Я была в Нью-Йорке, а на Западном побережье — еще нет.

— Посмотрите на дамбу в Санта-Монике. Это что-то потрясающее.

— Да, я как раз собиралась.

Служащий отсканировал паспорт и попросил Марион прижать поочередно левый и правый большие пальцы к красному индикатору, чтобы сохранить ее отпечатки. Затем сфотографировал ее небольшой камерой, стоящей на штативе, и наконец вернул ей документы:

— Добро пожаловать в США.

Марион вошла в холл аэропорта.

Получать багаж ей не требовалось — кроме небольшого чемодана на колесиках, который пронесла в салон самолета, она ничего не взяла с собой. Наручные часы показывали пять утра — столько было сейчас в Париже. Марион перевела стрелки, выставив местное время.

У нее возникло странное ощущение какой-то отстраненности — словно она была напряжена и расслаблена одновременно.

Итак, вы на другом конце света. Вам понадобилось всего несколько часов, чтобы полностью изменить свое прежнее существование. Вы фактически сменили вселенную — и все по требованию какого-то безумца. Какой следующий пункт вашей программы? Добраться до ближайшего книжного магазина и купить пособие «Психопатология для чайников»?

В этот момент ее чуть не сбила с ног галдящая орава молодых людей с пластиковыми стаканами пива в руках. Парни явно принадлежали к какому-то студенческому братству, судя по их одинаковым футболкам с надписями, кажется, на древнегреческом языке.

— Надеюсь, вы не забронировали номер в отеле где-нибудь на побережье? — шутливо спросил проходящий мимо французский турист.

— А что?

— Сейчас весенние студенческие каникулы. Сюда съехалась добрая половина студентов со всей Америки. Скорее всего, будут пить не просыхая. Вам повезет, если сможете выспаться, то есть если удастся найти место, где они не будут устраивать вечеринки...

Марион поблагодарила соотечественника за информацию. Однако спать она в ближайшее время так или иначе не собиралась.

Она села на скамейку, машинально постукивая пальцами по экрану

айфона. «F» — иконка «Фейсбука» — раз за разом проплывала у нее перед глазами.

В конце концов, зачем все усложнять?..

Она зашла на сайт и просмотрела свою страницу. Никто из друзей ничего ей не написал. Жаль.

Зато, как она и ожидала, Троянец был на боевом посту.

Марион открыла его послание.

«АЛАМО. ЭДИТ ПИАФ.»

Ну и что это значит?

Марион перечитала эти три слова.

Что за «Аламо»? Форт Аламо? Вряд ли...

Она вздохнула и сложила руки на груди, чувствуя, что перелет утомил ее до предела. Затем машинально пробежала глазами по рекламным вывескам, которых вокруг было в изобилии.

«Аламо». Прокат автомобилей.

* * *

Автобус, совершающий рейсы от аэропорта до города и обратно, минут через пятнадцать доставил Марион к большой парковке, возле которой она вышла. Очевидно, все фирмы, занимающиеся прокатом автомобилей, сгруппировались в одном месте. Уже стемнело, и яркие неоновые буквы, составлявшие название «Аламо», сразу бросились ей глаза. Пахло бензином, нагретым асфальтом и резиной. В кустах, окаймлявших парковку, трещали сверчки. Выйдя из автобуса, в котором работал кондиционер, Марион в первый момент едва не упала в обморок: снаружи было жарко и душно, как в сауне.

Она толкнула дверь фирмы «Аламо» и подошла к стойке:

— Я хотела бы взять машину напрокат.

— Какого типа? — поинтересовался служащий. Марион размышляла, вспоминая послание Троянца.

— Даже не знаю... Может быть, что-то для меня уже забронировано? Проверьте, пожалуйста. Пиаф. Эдит Пиаф.

— Это ваше имя?

Марион улыбнулась:

— Вообще-то нет.

Служащий сверился с каким-то списком, потом сообщил:

— Извините, но на это имя ничего не забронировано.

Черт. Нестыковка...

— Хорошо. Тогда дайте мне самую надежную машину из всех, что у вас есть.

Служащий предложил ей коричневый «форд-таурус». Марион подписала все необходимые бумаги и вышла, везя за собой чемодан. Она чувствовала усталость и разочарование.

Служащий фирмы «Аламо» нагнал ее уже на парковке:

— Подождите, пожалуйста! У меня для вас кое-что есть. Мне оставили конверт для передачи клиентке, которая назовет это имя: Эдит Пиаф. Я не сразу вспомнил, извините... я здесь недавно...

Марион вскрыла конверт. Вынула записку, прочитала короткий текст. Снова вложила записку в конверт:

— Спасибо.

Теперь она знала, куда ехать.

В доме спецагента ФБР Аарона Альтмана зазвонил телефон. Альтман в этот момент находился на причале возле дома вместе со своим сыном-инвалидом и занимался погрузкой съестных припасов на лодку. В саду на деревьях горели соединенные в гирлянды разноцветные лампочки, как на Рождество. Цветные отблески ярко вспыхивали на хромированных деталях инвалидного кресла.

Телефон на втором этаже дома продолжал звонить.

Альтман поставил коробки на причал.

Черт! Сегодня, в день законного отгула!..

— Жди меня здесь и не двигайся с места, о'кей? — обратился он к сыну.

— Ладно, — ответил тот.

Альтман помчался по лестнице вверх. Схватив телефон, прорычал:

— Предупреждаю: в ваших же интересах, чтобы причина вашего звонка была **ОЧЕНЬ** веской!

— Это менеджер компании «Аламо».

Альтман резко выпрямился.

— Вы просили позвонить вам, когда кто-то заберет тот конверт...

— Я вас слушаю.

Полученную информацию он записал в блокнот, после чего отсоединился.

— Что там? — спросил его сын, когда Альтман вернулся на причал.

— Ничего, — ответил тот, везя кресло к дому. — Просто перенесем нашу поездку на некоторое время. У меня срочное дело. Позвони Розе, пусть она приедет и составит тебе компанию...

Он натянул пиджак, одновременно прижимая к уху мобильник.

— Это Альтман. Конверт забрали... Женщина, француженка. По имени Марион Марш. Да, М-а-р-и-о-н М-а-р-ш. Прекрасная незнакомка, ага...

Он сел в машину и, резко развернув ее, выехал с парковки.

Он чувствовал себя возбужденным, как никогда.

— Соберите мне всю информацию об этой женщине. Я хочу знать все, вы слышите? И чтобы все были на месте через пятнадцать минут!

Глава 17

Всю ночь Марион провела за рулем.

В салоне «форда» появилось множество новых предметов: дорожные карты, сложенные как попало и грудой сваленные на пассажирском сиденье, обертки от сладостей, карманный фонарик и самое ценное — полный термос кофе, стоящий между двумя передними креслами, чтобы всегда быть под рукой. Свой чемодан Марион погрузила в багажник.

Она уже забыла, когда в последний раз переодевалась. Помнила, что перед самым началом поездки протерла лицо влажной салфеткой на бензозаправке (и там же приобрела все необходимое для поездки), после чего тронулась в путь.

Она не знала, безопасно ли для одинокой женщины останавливаться на обочине шоссе в такой поздний час — близилась полночь, — но одно ей было ясно: сделать этого сейчас она в любом случае не сможет. Когда степень усталости превышает некий предел, вы как будто переходите в другое состояние. Не важно, что вы постоянно широко раскрываете глаза, чтобы они не закрывались сами собой, и со стороны напоминаете внезапно разбуженную сову. Только километры идут в счет.

Еще десять километров... еще десять... еще пятнадцать...

Наконец Марион увидела дорожный указатель с надписью «Лагуна-Бич».

Она прибыла на место.

Марион свернула с центральной магистрали на бульвар, остановила машину под уличным фонарем и открыла все окна, чтобы впустить в салон свежий океанский бриз. Внизу, на берегу, виднелись огоньки костров, вокруг которых танцевала молодежь.

Марион потеряла веки, борясь со сном. Усталость, которая пару последних часов возрастала в геометрической прогрессии, теперь обрушилась на нее всей своей тяжестью.

Марион снова перечитала оставленное для нее в офисе фирмы «Аламо» послание — несколько слов, написанных от руки быстрым, нервным и довольно неразборчивым почерком. Не будучи специалистом-графологом, Марион все же предположила, что автор письма скорее мужчина, чем женщина.

Спросить Хлою

Она налила себе очередную порцию кофе, желая хоть немного взбодриться, и снова тронулась с места. В этот поздний час город выглядел почти мрачно. Роскошные особняки предместья, пара открытых ресторанов, несколько абстрактных скульптур — и больше ничего. Сверившись с картой, Марион свернула в направлении, показавшемся ей наиболее удобным на пути к цели. Оказалось, что, несмотря на усталость, она хорошо ориентируется. В какой-то момент она даже пожалела, что рядом нет отца, который разделял мнение многих мужчин, что женщины не в состоянии самостоятельно разобраться в дорожных картах.

Дорога пошла вверх.

Кто такая эта Хлоя? Почему Троянец велел ехать сюда? Марион нажала на педаль газа.

Скоро она это узнает.

Праздник был в разгаре.

Разноцветные столбы света вращались в темноте, между тем как толпы молодежи изгибались в танце, своими воплями заглушая музыку. Многие уже сбросили одежду, чтобы освежиться в бассейне. Персонал (удвоенный в числе по такому случаю) едва успевал подхватывать опустевшие бокалы и убирать мусор. Дополнительная обслуга занималась исключительно тем, чтобы вовремя выводить пьяных.

Некоторое время Хлоя мрачно смотрела на веселящихся подростков, затем отвернулась и спустилась по ступенькам, ведущим в сад. В конце тропинки с каменистого выступа над океаном открывался дивный вид на океан под необъятным звездным куполом. Вдалеке поблескивали огни острова Авалон, словно тысячи светлячков.

Она облокотилась на балюстраду и, когда ветер с моря стал трепать ее волосы, плотнее запахнула куртку «Перфекта».

Внизу, у подножия скалы, рыбаки освещали прибрежные воды, чтобы привлечь спрутов. Тех можно было заметить по голубоватым отсветам, окружавшим их гребни. Хлоя некоторое время наблюдала за фантастическим танцем морских животных. Это была большая удача — увидеть их в такой час: обычно спрутов маскировали пряди тумана. Этот туман, хорошо известный местным жителям, обычно сгущался поздно ночью или рано утром в это время года. Он был частью жизни обитателей Лагуна-Бич и под разными именами проникал в названия местных улиц, вроде Мистик-Хиллз или Смог-Аллей. Хлоя любила наблюдать за тем, как

он окутывает нижнюю часть города. Для нее туман скорее играл роль защитника. Он был чем-то вроде покроя, которым она могла отгородиться от жизни. Ей часто хотелось погрузиться в туман, раствориться в нем и исчезнуть навсегда.

Невысокий человек, обладающий комплекцией борца сумо, неожиданно возник возле балюстрады.

— Ты не на празднике? — спросил он.

— Нет.

— Что ж так?

— Эти люди мне неинтересны.

Он хихикнул:

— Тогда зачем тебе понадобилось их приглашать?

Хлоя холодно взглянула на него:

— Чтобы почувствовать себя такой же, как все. Вот зачем.

По крайней мере, хоть создать видимость.

Человек отступил на шаг — он ощутил в этой девочке моральную силу, унаследованную от ее отца.

— Там тебя кое-кто спрашивает, — нейтральным тоном сообщил он.

— Кто?

— Какая-то женщина. Она там, за оградой.

Хлоя направилась к главному въезду в резиденцию. До него было примерно пятьсот метров, но ей хотелось пройтись. Ее второй телохранитель, высокий и худощавый, ждал ее у решетчатых ворот, поддерживая стоявшую рядом женщину. Выглядела та совершенно измученной.

— Она позвонила, — объяснил низкорослый толстяк, — но поскольку не могла ничего толком объяснить, ее не пустили. Она попыталась перебраться через ограду в другом месте, но ее засекла камера видеонаблюдения, так что Микадо вывел ее обратно. Она, похоже, едва держится на ногах.

— Вы... Хлоя? — с трудом произнесла женщина.

— Да.

— Я ищу одного человека... его зовут Натан Чесс.

— Я такого не знаю. Вы ошиблись. Я попрошу, чтобы вас проводили.

Хлоя повернулась к телохранителям.

— Подождите... — выдохнула женщина. — У него есть и другое имя... Фог. Адриан Фог.

Хлоя резко отшатнулась, как от пощечины:

— Вы знаете Адриана? У вас есть новости о нем?.. — Она бросилась к

незнакомке. — Пожалуйста, ответьте мне! Я — Хлоя Фог. Адриан — мой отец. Он исчез месяц назад!

Но в следующий миг женщина потеряла сознание.

Глава 18

Марион понемногу приходила в себя. Под головой она ощутила мягкую подушку, от которой пахло весенней свежестью.

Затем она открыла глаза. Большая кровать под балдахином посреди просторной комнаты, светлая мебель... Дизайн современный, но без излишнего уклона в хай-тек. Широкие окна распахнуты, занавески слегка колышутся от ветра. На покрытом ковром полу рядом с кроватью сидит с книгой девочка — та самая, с которой Марион разговаривала у входа в усадьбу накануне.

Подняв глаза от книги — очередного тома серии романов «Сумерки», — Хлоя заметила, что гостя очнулась.

— Добрый день, — сказала она. — Вы упали в обморок, и вас перенесли сюда. Сейчас вам лучше?

— Какой сегодня день? — спросила Марион.

— Суббота, вторая половина дня. Вы проспали шестнадцать часов.

Марион села и слегка помассировала виски. У нее было ощущение, что внутри черепной коробки поработала бригада молотобойцев. Затем протянула девочке руку:

— Марион Марш.

— Хлоя Фог, очень приятно, — сказала девочка, слегка сжав ее пальцы.

— Извини, что напугала тебя. Я не думала, что все случится так внезапно...

— Ничего страшного.

Девочка держалась со спокойно-небрежной уверенностью, не характерной для большинства ее сверстниц.

— Я позвонила у ворот, — продолжала Марион, — но никто не отозвался. Скорее всего, просто не услышали из-за музыки... Я проделала долгий путь. Очень устала. И... возможно, была немного не в себе.

— Вы француженка. Из Парижа.

Это был не вопрос, а утверждение.

Хлоя протянула Марион бумажник:

— Так написано в ваших документах... Само собой, — прибавила она, взглянув Марион прямо в лицо, — я никогда не позволила бы себе рыться в ваших вещах. Но вот другие...

— Другие?

— Микадо и Брауни. Те два типа, которых вы уже видели. Микадо — верзила, Брауни — толстяк. Они братья. Их все так называют.

Марион поймала себя на том, что все это время пристально рассматривает сидящую перед ней девочку.

Дочь Натана? Невероятно...

Потерянное время никогда не вернуть.

Она чувствовала себя немного глупо. Вот вы делаете мысленный стоп-кадр, заново воскрешая в памяти ситуацию пятнадцатилетней давности, и вдруг начинается быстрая перемотка: перед вами проносится череда событий, случившихся в ваше отсутствие. Вы осознаете, что вас отделяет от прошлого огромная бездна. И, хотя это и без того очевидно, удивляетесь.

Марион захотелось надавать самой себе пощечин. Ну, в самом деле, на что она рассчитывала? Что Натан жил как монах-отшельник все эти годы? Что он ее ждал, как романтический воздыхатель?

— Хотите принять душ? — спросила Хлоя.

— Просто смертельно! — ответила Марион. Но на всякий случай прибавила: — Очень.

Девочка рассмеялась:

— Здесь взрослые так не говорят.

— Черт, я не такая уж и старая!

— Все в порядке. Вы классная. — Хлоя встала. — Я положила чистую футболку и джинсы в ванной. Кажется, подходящего размера. Только не задерживайтесь слишком долго, хорошо? Большой Па хочет с вами поговорить.

Марион несколько раз едва не заблудилась, перемещаясь по огромному дому. Сколько же здесь комнат? Где-то с полсотни, так ведь?.. Настоящий родовой замок! Она прошла по длинному коридору со множеством зеркал. И конечно, не могла не остановиться, чтобы взглянуть на свое отражение. Перемена произошла разительная: в новой одежде она выглядела совсем как подросток. Немного поколебавшись, она изогнулась, чтобы увидеть себя сзади.

— О, они вам подошли. — Хлоя вошла в коридор с противоположного конца. — Это «тестовые джинсы» моей мамы. У всех женщин такие есть. Пока вы в них влезаете, ваш вес идеален. Но маме приходилось натягивать их, лежа на кровати. А француженки стройнее...

Марион обратила внимание на глагол в прошедшем времени, но не осмелилась спросить, отчего так.

— Все в порядке? — поинтересовалась Хлоя. И тут же прибавила: —

Большой Па — мой дедушка. Он малость вспыльчивый, ему не хватает терпения. Но не бойтесь, он вас не съест.

По правде говоря, Марион уже не впервые слышала это прозвище — Большой Па. Натан пару раз упоминал об отце, но из его слов следовало, что они слишком разные по характеру и уже очень давно перестали поддерживать отношения.

Вслед за Хлоей она вошла в гостиную, размером лишь немногим меньше футбольного поля. На стенах висели десятки картин, вдоль стен выстроились многочисленные статуи — вероятно, те и другие стоили целое состояние. Значительное место также занимали фотографии. На большинстве из них были Натан, Хлоя и очень красивая женщина. Прекрасные портреты абсолютно счастливой семьи... Марион почувствовала стыд из-за того, что так бесцеремонно вторглась в чужое пространство, нарушив эту столь очевидную идиллию.

В центре комнаты возвышался камин с уходящей вверх черной металлической трубой. В нем горели несколько поленьев — скорее для того, чтобы создать приятное зрелище, чем из реальной необходимости.

Марион поискала глазами знаменитого Большого Па, но оказалось, что в комнате никого нет.

Хлоя указала на громадный телевизор:

— Мой дед здесь не живет. Он поговорит с вами дистанционно.

К экрану были подсоединены веб-камера и спутниковый телефон. Немного нервничая, Марион села в кресло. Связь была установлена. На экране появился старик в антрацитово-черном костюме, с очень бледным лицом, стоящий перед мраморными колоннами. Чем-то он напоминал агента похоронного бюро и одновременно — персонажа «Семейки Аддамс».

— Мадемуазель Марш, — произнес он глухим голосом, от которого это двойное сходство только усилилось. Черт, во что же такое на самом деле она вляпалась?.. — Скажите, пожалуйста, зачем вы явились в мой дом?

Ответ на этот предсказуемый вопрос Марион обдумала заранее.

— Я собираю материал для одного французского телеканала. Я журналистка. То есть ассистентка... Готовлю репортаж о развитии хирургии в Соединенных Штатах.

Интересно, слышал ли он о ней раньше от Натана?.. Что ж, это выяснится очень скоро...

— Вы приехали одна?

— Да. Мне поручили сделать предварительные наброски еще до начала

съемки. Меня выбрали только потому, что у меня хороший английский — это практически мой второй родной язык. Как уже сказала, я пока только ассистентка. Но мой работодатель мог бы за меня поручиться.

Заявление об уходе она отдала Катрин Борман накануне отлета. Так что вряд ли кто-то узнает об этом раньше понедельника. К тому же Марион надеялась, что слова «телеканал» и «журналистка» окажут надлежащее воздействие.

— Хорошо, — кивнул старик. — Я спросил вас об этом лишь затем, чтобы услышать вашу версию. Мы уже получили всю необходимую информацию о вас.

— Ах, вот как.

Значит, он навел справки о ней только вчера. Следовательно, раньше ничего о ней не слышал. Она правильно сделала, представившись как журналистка.

Итак, очко в ее пользу.

— Однако есть еще один вопрос, который я хочу вам задать, — продолжал Большой Па. — Почему люди из ФБР толпятся у ограды моего дома, настаивая на немедленной встрече с вами?

Марион застыла от изумления. Она ожидала чего угодно, только не этого.

ФБР? Но она ведь только прилетела в США! Не считая ее отца и Троянца, никто не знал, что она здесь! Как могло ФБР отреагировать так быстро?

— Я не знаю, почему они здесь... Даже не могу предположить...

Старик рассмеялся. Этот ответ, кажется, его удовлетворил.

— Ладно, неважно. ФБР мне и раньше досаждало, мы не слишком любим друг друга. Я сказал им, что вы моя гостья и что они не войдут сюда без ордера. О, разумеется, они его получают. И через какое-то время вам придется с ними встретиться. Ну а пока вы расскажете Хлое, что вам известно про ее отца. Думаю, у нее тоже найдется о чем вас спросить.

Разговор закончился так же внезапно, как и начался. Марион и Хлоя вышли в сад.

Хлоя надела кожаную куртку, которая была ей явно велика: руки полностью скрывались в рукавах.

— Вчера вы сначала назвали моего отца Натаном. Почему?

Марион решила отвечать начистоту. По крайней мере, она хотя бы это могла сделать для дочери Натана.

— На самом деле я хотела увидеться с твоим отцом не только потому, что он известный хирург. Очень давно, еще до того, как он познакомился с

твоей мамой, мы с ним вместе работали в больнице. Он был моим начальником. Потом мы... стали близки. В те времена он называл себя Натан Чесс — не знаю почему. А недавно я нашла его координаты в Интернете. Вот и всё.

— Странно всё это... очень странно. Я вот думаю: стоит ли мне верить вам на слово?

— Я тебя понимаю, — кивнула Марион. — Но у меня нет никаких причин тебе лгать... К тому же если вот эта твоя куртка — именно та, о какой я думаю, то именно я подарила ее твоему отцу, — прибавила Марион с некоторой долей гордости.

— Вы шутите?

— Ничуть. К подкладке одного из карманов пришита этикетка, а на ней вышито: «От всех сотрудников» — и подпись: «М.» Это моя работа.

Хлоя проверила и убедилась, что Марион говорит правду.

— Невероятно!

— Да... Прости, что задаю тебе такой вопрос, но где сейчас твоя мама? Я ее так и не видела с тех пор, как сюда попала.

— Она умерла в прошлом году, — тихо произнесла Хлоя, опустив голову. — Погибла в автокатастрофе.

— О господи... Я... мне жаль.

— Я знаю. Многие о ней сожалели...

Марион вновь вспомнила присланное Троянцем ужасное видео, на котором Натан был прикован наручниками к кровати.

— А Нат... то есть Адриан?

— Он исчез месяц назад. Сейчас идет расследование.

Марион расслышала в ее тоне бесстрастные нотки.

— Ты нечасто с ним виделась? — спросила она.

— Почти никогда.

— Где он работал?

— Он постоянно был в разъездах. А когда приезжал сюда, постоянно находился в Фонде Фога. Это вон то белое здание, внизу.

Она указала на массивное строение, расположенное на склоне чуть ниже жилой резиденции. Марион взглянула туда, затем перевела взгляд на девочку, — с тех пор как она здесь оказалась, один вопрос постоянно вертелся у нее на языке:

— Хлоя, скажи, пожалуйста... над чем конкретно работал твой отец?

Глава 19

Раньше

— Да, в самом деле, куда же подевался Чесс? — с легкой досадой произнесла Марион.

— Все уже собрались, — сказал Азиз.

Они решили устроить небольшую вечеринку в приемной «скорой» в связи с днем рождения Натана. Марион купила подарок, на который собрали деньги вскладчину, и даже испекла торт. После долгих раздумий и советов с Азизом она наконец решила остановиться на кожаной куртке «Перфекта». Марион подумала, что такая куртка придаст Натану вид рок-певца, что отчасти сократит дистанцию между ним и подчиненными.

— Небось разорилась? — спросил Азиз.

— Ну, вот еще!

На самом деле собранных общими усилиями денег оказалось недостаточно, и ей пришлось добавить довольно ощутимую сумму из собственных средств. Но Марион скорее, умерла бы, чем призналась в этом.

— Кажется, у него деловая встреча с людьми из Комитета по этике, — сказала одна из медсестер. — Я видела, как он ушел в комнату для персонала с двумя шишками из «Ассистанс публик».

— А с кем именно?

— С каким-то специалистом по пересадкам тканей и главой эмбриологической службы. Кажется, Чесс хотел просить у них грант на свои исследования. Он рассчитывал, что они его поддержат на общем собрании.

— Хм... хирург-ортопед, спец по пересадкам тканей и эмбриолог? — проговорил Азиз. — Ну и что у них может быть общего, интересно?

— Понятия не имею, — заметила Марион. — Но говорят они уже долго.

Дверь открылась.

Вошел Натан Чесс. Судя по виду, отнюдь не в радужном настроении.

— Какого черта вы все тут прохлаждаетесь? — резко сказал он, увидев всех своих подчиненных собравшимися за столом.

В один миг воцарилась тишина.

Марион поднялась:

— Мы только хотели...

— А вы вообще молчали бы! Вас ждут как минимум десяток пациентов!

— Никаких проблем, — вмешался Азиз. — Пациентами мы сейчас займемся. Малышка просто хотела сказать, что...

— Мне плевать, чего она там хотела!

Натан Чесс быстро прошел к окну, содрал с него прикрепленные скотчем праздничные гирлянды и задул свечи.

— Возвращайтесь к работе! Вы здесь не за тем, чтобы развлекаться!

Марион выбежала из комнаты, закрыв лицо руками.

Азиз, бросив на шефа испепеляющий взгляд, саркастически сказал:

— Bravo! Надеюсь, теперь у вас будет повод гордиться собой. Раньше у вас была только репутация редкостного говнюка, но теперь ясно, что это ваша истинная суть.

Час спустя Марион все еще стояла внутри собора Парижской Богоматери, прислонившись спиной к одной из колонн. Детский хор пел рождественские гимны — шла репетиция предстоящего праздника. Множество людей наблюдало за приготовлениями к очередной службе.

Кто-то остановился рядом с ней:

— Я думал, вы неверующая.

Марион взглянула на подошедшего человека и отвернулась:

— Так и есть. Я пришла сюда, просто чтобы успокоиться.

— Я вас искал по всей больнице, — прибавил Чесс.

Пожилая дама недовольно нахмурилась, жестом призывая их к тишине.

— Мы не могли бы выйти поговорить? — спросил он.

Подаренную ему куртку он перекинул через плечо.

Марион, по-прежнему не поднимая глаз, вышла из собора вслед за Чессом.

— Сегодня я получил плохую новость, — помолчав, заговорил он. — Если коротко, до этого я всеми силами пытался начать одну исследовательскую программу. Мне уже удалось сделать множество удачных операций, и я знаю, что я хороший хирург. Но хочу пойти дальше. Оставить свой след в истории. Я хотел попытаться сделать первую пересадку кисти руки...

Чесс повернулся к ней.

— Я говорю не о том, чтобы пришить наполовину оторванную кисть, а о том, чтобы пересадить донорскую тому, кто полностью потерял свою. Так можно было бы излечить жертв бытовых травм или солдат, ставших

инвалидами во время вооруженных конфликтов...

Чесс выпрямился.

— Это очень амбициозная программа. Единственная в мире. Многие уже пытались осуществить нечто подобное, но никто не преуспел. Однако у меня появилось несколько принципиально новых идей. И знаете, что мне ответили? Что еще слишком рано. Что когда-нибудь, разумеется, время для этого придет, но только через много лет. Как будто у меня есть время столько ждать!

Он тряхнул головой.

Марион по-прежнему молчала.

— Думаете, я слишком нетерпелив, да? Ну что ж, так оно и есть. Но я не могу иначе. Нужно, чтобы это направление в медицине развивалось как можно быстрее. Чтобы люди исцелялись...

Натан щелкнул пальцами.

— Поэтому мне нужно добиться осуществления этой программы во что бы то ни стало. Черт возьми, нам ведь отпущено не так уж много лет жизни, чтобы осуществить свою мечту! Важно не то, сколько времени осталось, важно то, что ты успеешь сделать!

Он замолчал и в упор посмотрел на Марион.

— Поэтому мне все равно, если кто-то считает, что у меня невыносимый характер! — Он едва не сорвался на крик, но, спохватившись, заговорил тише: — Я здесь не для того, чтобы кому-то нравиться, а для того, чтобы работать!

Марион не произнесла ни слова.

— Так вот. Я хотел вам сказать, что между нами ничего не может быть. Да, конечно, я вас ценю как хорошую ученицу. Вы отлично справляетесь, даже притом что вы мой единственный экстерн. Но я бы хотел, чтобы этим все и ограничилось...

Пошел слабый снег. Между ними упала первая снежинка.

Не дождавшись ответа, Чесс снова заговорил:

— Что до той истории с подсолнухом... мне жаль, я не должен был этого делать. Сам не знаю, что на меня нашло тогда...

Помолчав, уже более уверенным тоном он прибавил:

— И конечно, мне не стоило подслушивать ваш разговор с подругами... Да и вообще принимать вас на работу! Это была громадная ошибка с моей стороны!

Он отошел, сделав несколько шагов. Вернулся и сухо произнес:

— Спасибо за ваш подарок.

Потом обнял ее. И поцеловал.

Глава 20

Сейчас

Внезапный звуковой сигнал заставил Марион вздрогнуть.

— Извини, — сказала она Хлое.

Потом, отвернувшись, порылась в сумке. Ее айфон отключился.

Снова раздался звуковой сигнал.

— Что такое?.. — пробормотала Марион.

— Ничего особенного, — с улыбкой сказала Хлоя. — Напоминание о том, что нужно зарядить батарейку. На моем телефоне такая же опция.

Черт... Она настолько сосредоточилась на разговоре с Хлоей, что забыла обо всем остальном.

Марион включила айфон. Множество иконок замигали перед ней, словно огоньки новогодней гирлянды: голосовые сообщения, электронные письма, эсэмэски...

Да здравствуют современные средства коммуникации!..

— Извини, одну минуту... — проговорила она, обращаясь к Хлое.

Так, все по порядку... Сначала голосовые сообщения. Их оказалось два. В первом ее отец, как всегда недовольный, упрекал ее в том, что она улетела в США, ничего ему не сообщив хотя бы за день до отъезда, после чего уведомлял, что отправляется на гастроли со своим джаз-оркестром, и заранее извинялся, что какое-то время его не будет на связи.

Вот так, подумала Марион. Думаешь, что отец беспокоится о тебе, а он вместо этого уезжает на гастроли. Ну что ж, в конечном счете ничего не меняется...

Второе послание было от Кори. «Как ты там, дорогая? Я слегка забеспокоилась, от тебя никаких новостей. У меня все хорошо. Я все еще в больнице, но меня здесь холят и лелеют. Позвони мне».

Марион улыбнулась.

Теперь эсэмэски. Их оказалось аж семнадцать. Отправитель неизвестен, текст один и тот же: «Спасаем жизни!»

Улыбка Марион померкла.

— Что случилось? — спросила Хлоя.

— Я совсем забыла об одном человеке, с которым должна поддерживать связь. Похоже, он занервничал.

Она вошла в «Фейсбук».

Троянец был на сайте. Открылось диалоговое окно.

— *Где вас носит?!*

— *Были кое-какие проблемы.*

— *Вы получили конверт в «Аламо»?*

— *Да. Я сейчас с Хлоей.*

— *Берите ее с собой и отправляйтесь в Фонд Фога. Немедленно.*

— *Прямо сейчас?*

— *И поторопитесь. ФБР уже близко. Думаю, мне не стоит объяснять, что я сделаю с Натаном, если вы не послушаетесь.*

Едва улегшаяся тревога снова нахлынула на Марион.

Чего он от нее потребует сделать на этот раз?

В некотором замешательстве она повернулась к Хлое:

— Ты не могла бы показать мне этот знаменитый Фонд Фога? Раз уж он совсем рядом... Мне хотелось бы посмотреть, где работал твой отец.

— Конечно, почему бы и нет? — ответила Хлоя с легкой нотой удивления. — Идемте.

Они спустились по длинной лестнице, идущей по склону холма. Ниже, над океаном, понемногу начинал сгущаться туман.

Марион взглянула на часы и слегка удивилась, осознав, что только восемь вечера.

— А почему такая спешка? — поинтересовалась Хлоя.

— Никаких особых причин. Мне просто хочется увидеть место, где Адриан реализовал свои былые мечты.

Они приблизились к зданию. Хлоя набрала код на входной двери и вместе с Марион вошла внутрь. Фонд Фога больше всего напоминал небольшую частную клинику — вроде той, куда Марион попала много лет назад, но гораздо более современную.

— С тех пор как отец исчез, тут все закрыто. Но это только временно. Когда он вернется, работа продолжится.

В словах девочки Марион ощутила печаль и безнадежность.

Они вошли в просторную комнату, где стоял операционный стол. Огромные окна выходили прямо на океан, над которым сейчас колыхались голубоватые пряди тумана.

— Отец называл это место Малый блок.

— Малый блок?..

Марион невольно улыбнулась, вспомнив Отель-Дье.

— А вот его компьютер, смотрите.

Хлоя нажала какую-то кнопку, и с потолка спустились три больших плоских экрана.

— Это для эндоскопии и микрохирургии. Все, что снимает камера, передается на эти экраны.

Она нажала другую кнопку.

«Здравствуйте, доктор Фог, — произнес механический, но явно женский голос. — Вы величайший хирург на свете. Работать с вами — одно удовольствие».

— А этот гаджет просто ради смеха. Там много таких фраз. Во время операций компьютер выдает их методом случайного отбора.

— Твой отец оперировал только здесь?

— Нет, во многих больницах. И преподавал в Южно-Калифорнийском университете. Здесь он оперировал только тех, у кого не было страховки. Он делал это, как сам выражался, *pro bono*, то есть бесплатно. Я не знаю, как во Франции, но здесь средняя стоимость его операции превышала двадцать тысяч долларов. Он делал операции на сухожилиях кистей рук и плеч, устанавливал протезы... Он один из лучших хирургов страны.

Марион быстро взглянула на экран айфона.

«Спуститесь в подвал».

— А что внизу? — спросила она.

— Ничего. Только машина.

Они спустились вниз.

Хлоя сняла чехол, открыв невероятного вида спортивный автомобиль:

— «Тесла». Точно такая же, как у Арнольда Шварценеггера. Электромобиль, никаких выхлопов. Отец всегда заботился об экологии.

У Хлои зазвонил телефон.

— Извините, — сказала она, закончив разговор, — но Микадо и Брауни только что сообщили, что ФБР ждет вас наверху. Агенты бюро получили ордер. Нам нужно вернуться в дом.

«Если вы вступите в контакт с ФБР, — написал Троянец, — можете быть уверены, что и Кора, и Натан умрут. Видеозаписи их гибели я вам пришлю».

— Почему вы все время смотрите на эту штуку? — спросила Хлоя.

Марион сделала ей знак подождать и быстро дочитала конец послания.

— *Хлоя по-прежнему с вами?*

— *Да, —* ответила она.

— *Прекрасно. Теперь вы должны ее похитить.*

Глава 21

Марион перечитала послание, оцепенев от ужаса.

Похитить Хлою? Но зачем?!

Снаружи, со склона холма, донесся оклик:

— Хлоя! Мисс Фог!

Агенты ФБР спускались по лестнице.

Марион поискала глазами выезд из гаража. Затем нажала кнопку. Автоматизированный стальной заслон бесшумно поднялся. Она распахнула дверцу машины.

— Что вы делаете? — изумленно сказала Хлоя.

— Послушай, я не все рассказала тебе о твоём отце. Он жив. Его насильно держат в каком-то неизвестном месте. Тот, кто его удерживает, приказал мне ехать сюда. Если хочешь спасти отца, ты должна ехать со мной.

— Что? Да вы с ума сошли!

Марион села за руль, одновременно пытаясь найти ключ зажигания.

Хлоя села на переднее пассажирское сиденье.

— Как включить зажигание? — торопливо спросила Марион.

— Вы все равно не сможете. Здесь специальное углубление для большого пальца и устройство проверки. Только отец может завести эту машину.

Наверху хлопнула входная дверь.

— Мисс Марш, где вы? — прокричал Аарон Альтман. — Я агент ФБР! Выходите немедленно!

Чуть тише прозвучали голоса Микадо и Брауни, которые звали Хлою.

Марион вздрогнула:

— Черт, что же делать? Черт!..

Раздался звуковой сигнал.

«В машине есть USB-вход. Подключите туда свой айфон».

Марион лихорадочно прочитала инструкцию Троянца. Затем вынула из сумки шнур и подключила айфон к приборной панели машины.

Загрузка...

39 %... 82 %... 100 %

*Программа распознавания отпечатков пальцев
активирована.*

На экране замелькали многочисленные отпечатки пальцев с именами под каждым из них.

Марион заметила свое имя.

*«Подождите. Программа автоматически остановится,
когда распознает отпечаток пальца Адриана Фога».*

Послышался слабый щелчок. Затем приборная панель вспыхнула голубоватым неоновым светом.

— Захлопни дверцу, — сказала Марион Хлое.

— Что?

Она резко повернулась к девочке:

— Я люблю твоего отца, так же как и тебя. Поэтому захлопни дверцу.

И пристегнись.

Дверь широко распахнулась, и на пороге появился Аарон Альтман с револьвером в руке:

— Ни с места!

Марион наугад нажала какую-то кнопку на панели перед собой, одновременно надавив ногой на педаль.

Взвизгнули шины, и автомобиль резко отъехал назад, заставив Альтмана отскочить к сложенным у стены грудам коробок с медицинскими препаратами. Коробки посыпались на пол.

Марион нажала другую кнопку, и автомобиль поехал вперед. Телохранители Хлои едва успели отпрыгнуть в разные стороны, чтобы не попасть под колеса.

Альтман, округлив глаза, смотрел вслед удаляющемуся спорт-кару.

— Куда ведет эта дорога? Черт, я думал, сюда только один подъезд!..

Он выхватил из кармана телефон:

— Марион Марш и дочь Фога только что скрылись на автомобиле «тесла» серого цвета. Свяжитесь с местной полицией, пусть их задержат!

После некоторого размышления он добавил:

— А впрочем, подождите. Лагуна-Бич построен вдоль скалы, здесь только по одному въезду и выезду на обоих концах Пасифик-Коаст-хайвей. Просто перегорите их. Я сам займусь преследованием.

Он огляделся. Оба телохранителя Хлои Фог уже исчезли.

Альтман побежал к своей машине.

Марион выехала на извилистую дорогу. Странно, но даже ветер, дующий с океана, производил больше шума, чем электрический мотор «теслы». Марион чувствовала, как в крови кипит адреналин, зашкаливающий за все мыслимые нормы.

— Как вы это сделали? — спросила Хлоя, недоверчиво глядя на айфон.

— Сама не знаю. Должно быть, тот человек взял отпечаток пальца у твоего отца.

— Вы имеете в виду — тот, кто его похитил? Это с ним вы все время общались?

— Да.

Хлоя посмотрела на айфон так, словно хотела немедленно разбить его вдребезги.

— Бесполезно пытаться выбросить его в окно, — пояснила Марион. — Я уже однажды попробовала, но это ни к чему не привело.

Она с трудом вписалась в поворот, задев полный серферов пикап, который едва не выехал на тротуар. Марион продолжала путь.

— Как выбраться из этого лабиринта?

— Сверните направо, — ответила Хлоя.

Туман становился все гуще по мере того, как они спускались к центру города. На пешеходном переходе из тумана выехала группа велосипедистов, но «тесла» подрезала их, как грозная бесшумная акула. Велосипедисты с воплями опрокинулись друг на друга.

— Осторожнее, — предупредила Хлоя. — Эта машина едет бесшумно, люди просто не замечают вашего приближения.

Марион кивнула:

— Спасибо, теперь буду знать.

— Черт, — проворчал Альтман, лихорадочно вцепившись в руль. — Мы уже потеряли Фога. А теперь его дочь увозят прямо у нас из-под носа!

Автомобиль несся как вихрь. На крыше горела мигалка. Сирена завывала на полную мощность.

— Вон они! — воскликнул напарник Альтмана, сидевший рядом на пассажирском сиденье.

Агенты ФБР выехали наперерез беглянкам из боковой улочки, но не успели преградить им путь и оказались прямо за ними. Капот их автомобиля ударился в задний бампер «теслы», отчего обеих девушек резко бросило вперед.

— Остановитесь! — заревел Альтман, высунувшись в окно. — Немедленно остановитесь!

Их нагнал еще один автомобиль — черный лимузин, похожий на катафалк. За рулем сидел высокий широкоплечий человек, рядом с ним — его низенький толстый напарник. Последний сжимал в руках огромное ружье. Высунув дуло в окно, он выстрелил, целясь в шины «теслы».

— Да они спятили! Что они делают?! — завопил Альтман.

Но лимузин еще прибавил скорость, оставив полицейский автомобиль позади. Когда он нагнал «теслу», толстяк снова выстрелил. На этот раз заднее стекло спорткара разлетелось вдребезги. Марион инстинктивно пригнулась. Хлоя закричала.

— Прекратите стрелять! — приказал Альтман, но это не возымело результата.

— Я-то думала, они на твоей стороне! — простонала Марион.

— Не знаю, что на них нашло... — растерянно пробормотала Хлоя.

Она оглянулась. Решетка радиатора лимузина приближалась, словно оскаленная пасть какого-то хищного монстра.

— Поворачивайте налево, быстрее!

Марион резко повернула, между тем как преследователи по инерции какое-то время продолжали ехать прямо. Боковая улица шла под уклон, словно спускаясь в гигантскую воронку. Затем обе машины преследователей развернулись и устремились за ними. Лимузину удалось вырваться вперед, тогда как машина Альтмана намертво застряла среди припаркованных вдоль улицы автомобилей. Изумленные местные жители высыпали из домов.

Альтман лихорадочно размахивал руками:

— ФБР! Чьи это машины? Немедленно освободите проезд!.. — Он включил рацию: — Высылайте подкрепление! И побыстрее, черт возьми! Мне нужен патрульный вертолет! Мы должны их задержать!

Марион снизила скорость, выехав на очередную небольшую улочку. Сердце у нее колотилось так, словно готово было вот-вот разорваться.

— Этот город слишком маленький, — с трудом произнесла она. — Только одна главная улица пересекает его насквозь, я ее видела на карте... Нам никогда отсюда не выбраться...

— А если не выберемся, что будет с моим отцом?

Марион повернулась к Хлое. Сильно побледневшая девочка пристально смотрела на нее, сжав губы.

— Я не знаю, — тихо ответила она.

Хлоя немного поразмышляла. Затем, очевидно, приняв какое-то решение, сказала:

— Хорошо. Проезжайте немного дальше и сверните направо.

Спустя примерно четверть часа туман, сгустившийся над поверхностью океана, полностью окутал окрестности. Дома превратились в размытые бледно-голубоватые пятна, словно весь город вдруг оказался на дне озера. Двое полицейских, стоявших спиной к перекрестку, наблюдали за улицей. Позади них, словно корабль-призрак, бесшумно пронеслась на мгновение вынырнувшая из тумана «тесла». В следующую секунду за ней вновь сомкнулась белая пелена.

Полицейские ничего не заметили.

Спортивный автомобиль скрылся в конце улицы, словно канул в небытие.

Место, где они оказались, вызвало у Марион странные ощущения. Большую заброшенную парковку окружали вереницы трейлеров. Внутри них мелькали какие-то тени. В мусорном баке полыхал огонь. Вокруг него вплотную друг к другу сидело множество людей, закутанных в шерстяные одеяла. Другие расположились в кузовах старых грузовиков. У Марион невольно мелькнула мысль о призраках, обитающих на кладбище погибших кораблей. Можно было подумать, что здесь живет какое-то диковинное племя.

— Где мы?

— Это место называется Лагуна-каньон. Здесь живут бездомные и нелегальные мигранты. Каждое утро сюда приезжают городские подрядчики и предлагают им временную работу, в основном на стройках. Они работали и на строительстве Фонда Фога. Некоторых я знаю.

— Э-э... а это законно?

— Ну, не то чтобы... Но такие вещи повсюду практикуются. Власти обычно закрывают на это глаза.

— И зачем мы сюда приехали?

Хлоя ничего не ответила.

— Говорит пост «Южная лагуна». Мы обнаружили серую «теслу», — донеслось из рации.

Альтман победно улыбнулся:

— Они у нас в руках!

Спустя несколько минут он резко затормозил в названном месте.

Выйдя из машины, подошел к «тесле». Внутри громко пели два пьяных мексиканца.

— Это еще что? Кто эти типы?

Офицер муниципальной полиции что-то спросил по-испански у мексиканцев. Те, смеясь, ответили на том же языке.

— Они говорят, какие-то девчонки подарили им эту машину. Говорят, что им в жизни никогда так не везло.

Альтман в ярости грохнул кулаком по капоту.

Марион и Хлоя сидели, прижимаясь друг к другу, в старом грузовике среди пожилых женщин и молчаливых мужчин — нелегальных мексиканских мигрантов. Спустя некоторое время водитель высадил их возле бензозаправочной станции.

— Эти люди знают здесь все тайные пути, которых нет ни на одной карте, — объяснила Хлоя. — Они умеют пробираться через холмы, минуя главное шоссе. Так или иначе, Лагуна-Бич уже далеко позади. Мы удалились на приличное расстояние от побережья.

Сверившись с айфоном, Марион уточнила координаты бензозаправки и заодно обнаружила, что пришло очередное послание от Троянца. Через несколько минут возле станции остановился рейсовый автобус.

Марион взяла Хлою за руку и, потянув за собой в салон, сказала:

— Поехали.

Глава 22

В полицейском бюро Лагуна-Бич, превращенном в командный пункт, Аарон Альтман успел сделать уже добрую сотню шагов по кабинету.

Альтман был раздражен. Точнее, даже взбешен.

Этот кабинет был временно приспособлен под его нужды. Если бы дело происходило в любом полицейском отделении Лос-Анджелеса или тем более штаб-квартире ФБР на Уилширском бульваре, на эту задачу ушло бы не более пяти минут. Но здесь на то, чтобы разбудить дежурного и потребовать у него ключи от комнаты для общих собраний, понадобился час.

Альтман перестал расхаживать из стороны в сторону, подошел к столу, оперся на него, сжав кулаки, и оглядел подчиненных.

Тишина воцарилась такая, что каждый услышал бы, как пролетит муха — но даже если хоть одна муха здесь действительно была, она, очевидно, замерла от страха прямо в полете.

— Знаете, что я вам скажу? — начал Альтман обманчиво медовым голосом. — Вы некомпетентны. Вы попросту раздолбай. Когда эта история закончится, в подразделениях Южной Дакоты произойдут перемены. Многие головы полетят. Я доступно изъясняюсь?

Ответом была гробовая тишина.

Альтман указал на белую доску фирмы «Веледа». В центре был укреплен портрет Адриана Фога. От него во все стороны тянулись нарисованные цветными маркерами стрелки к прикрепленным к доске небольшим листкам бумаги с какими-то надписями.

— А сейчас я попросил бы вас напрячь последние остатки мозгов. Итак, месяц назад доктор Фог бесследно исчез. Перед этим он был ранен. Может быть, серьезно. С тех пор о нем нет никаких известий. Что заставляет нас предположить три возможности. — Альтман поочередно загнул мизинец, безымянный и средний пальцы на правой руке. — Первая: он мертв. Вторая: он скрывается. Третья: его насильно удерживают в неизвестном месте...

Альтман включил проектор. Появилось многократно увеличенное изображение записки.

— Наш единственный след — вот это письмо с адресом Фога и припиской: «Спросить Хлою». До этого момента все ясно, я надеюсь? — сухо спросил он.

Присутствующие молча кивнули. Альтман продолжал:

— Нам был известен текст этого письма. Мы не знали, придет ли кто-то его забрать в условленном месте, но не исключали такую возможность. И вот вчера, совершенно неожиданно — я уже считал этот след совершенно остывшим, — кое-кто действительно за ним пришел. Я напому вам имя: Марион Марш. Она француженка. Как вы уже выяснили, в нашей картотеке ее нет. Она не террористка, не преступница. Она никогда вообще ни в чем не обвинялась. Ни в одной базе данных, имеющих отношение к преступному миру, ее имя не значится. Попросту говоря, Мисс Заурядность...

Он отошел от стола и снова принялся медленно расхаживать позади подчиненных.

— Кроме того, вы заверили меня, что сможете без проблем за ней проследить, а потом забрать из дома Фога. Я лично занялся получением ордера на арест — без него старикан отказывался вас впускать. Вы снова заверили меня, что у этой женщины, *самой обыкновенной*, по вашим словам, нет ни малейшего способа покинуть резиденцию без того, чтобы быть схваченной. Резиденцию, которую, замечу мимоходом, вы перед этим тщательно осмотрели. И вдруг... БАЦ! — Он резко хлопнул в ладоши, отчего подчиненные вздрогнули. — Мисс Заурядность каким-то образом включает чужой электромобиль «тесла», в котором имеется программа распознавания владельца по отпечатку пальца — иначе говоря, совершает невозможное, — и сбегает у нас из-под носа, заодно прихватив с собой дочь доктора Фога. — Альтман скрестил руки на груди. — И как вы это объясните, мать вашу?!

После некоторого колебания один из подчиненных, молодой человек, подняв карандаш, который держал в руке, сказал:

— Может быть, ей помог Большой Па? Это он мог включить «теслу»...

— Нет, — возразил Альтман. — Его наемники, эти двое полоумных, сделали все, чтобы задержать беглянку с похищенной девочкой. Они даже стреляли в электромобиль и разбили заднее стекло. После чего, кстати, эти два идиота в свою очередь бесследно исчезли.

Он сделал знак подчиненному принести другую доску «Веледа», точную копию первой.

На ней он крупно написал маркером: «МАРИОН МАРШ».

Затем с помощью магнита укрепил в центре фото Марион.

— Итак, ваши соображения. Я слушаю.

Тот же молодой человек раскрыл лежавший перед ним блокнот.

— Марион Марш, тридцать пять лет, не замужем. Француженка. Работает на телевидении, но внештатно. Паспорт в порядке. Прибыла в пятницу по туристической визе. Дата обратного вылета открыта. До этого трижды была в США — всегда только в Нью-Йорке. Никаких нареканий. Мать — француженка, ныне покойная. Отец — американец, живет во Франции с тысяча девятьсот семидесятого года. Музыкант. Никаких судимостей, ничего примечательного по нашей линии.

— Вы связались с Кэ-д'Орсе?

— Звонили им трижды. Но сейчас уик-энд, быстро информацию не получить...

— Позвоните снова.

Альтман повернулся к латиноамериканке лет тридцати в белой блузке и строгом деловом костюме, которая сосредоточенно нажимала клавиши своего смартфона.

— Теперь вы.

— Владелец фирмы по прокату автомобилей сообщил нам телефонный номер Марион Марш. Номер верный. Я связалась с оператором и попросила предоставить список всех ее телефонных контактов с момента приземления в Лос-Анджелесе. Мы без труда определили ее местонахождение и проследили до самой резиденции Фога. Но с того момента, как она оттуда сбежала, больше ничего. Либо она отключила телефон, либо находится вне зоны действия сети.

— А Хлоя? Или у нее не было с собой мобильного телефона?

— Был. Но она тоже недоступна.

Альтман недоверчиво покачал головой:

— Думаю, хотя бы одна из них через какое-то время все же включит телефон. И тогда мы их засечем. А пока сделайте все что нужно, чтобы постоянно прослушивать их номера. Заодно узнайте, есть ли в их телефонах навигаторы Джи-пи-эс. Если да, нам будет проще их вычислить.

Затем кивнул здоровенному усачу, который сидел, заложив большие пальцы за брючный ремень. Под мышками на пиджаке расплылись темные круги пота.

— Что там с мексиканцами, которые сидели в «тесле»?

— Их сейчас допрашивают. Они живут в сквоте для нелегалов, в секторе, который называется Лагуна-каньон. Туда отправили группу с обыском. Судя по всему, девчонки уехали оттуда в индейском грузовике, бросив машину. Но местная публика — это в основном нелегалы, а из них ничего не вытрясти. Не говоря уже о том, что три четверти из них вообще не говорят по-английски. Мы связались с дорожной полицией и шерифами

соседних округов, чтобы осуществлять постоянный дорожный контроль в радиусе двадцати километров.

— Этого совершенно недостаточно! Удвойте этот радиус и перекройте дороги — все равно уже скоро ночь, и движения почти нет. Кроме того, поскольку Марш увезла несовершеннолетнюю, пусть объявят «тревогу Амбер»^[8] во всей Калифорнии, Аризоне и Неваде. Предупредите также пограничные службы на мексиканской границе.

Участники совещания переглянулись.

— Вы уверены? — спросила латиноамериканка в деловом костюме. — Ведь, судя по всему, девочка уехала по доброй воле, а не была увезена насильно.

— Это похищение. И я настаиваю на «тревоге Амбер». Вам ясно? Я хочу, чтобы максимум через час фотографии Марион Марш и Хлои Фог появились на всех телеканалах, в каждой газете, на каждом придорожном щите, на бензозаправках, в дорожных автосервисах и в аэропортах. Уведомите заодно больницы и службы скорой помощи. Свяжитесь с прессой немедленно, прежде всего с «Таймс» и «Пост». Пусть поместят информацию на своих сайтах.

— Как еще можно задействовать Интернет? — спросил человек в изящных очках с прямоугольными стеклами, быстро стуча по клавишам своего ноутбука.

— Отправьте запрос в департамент борьбы с киберпреступностью. Эта француженка имела отношение к СМИ, значит, наверняка пользовалась социальными сетями. Надо проверить, есть ли у нее аккаунт в «Фейсбуке», «МайСпейс», зарегистрирована ли она в «Твиттере». Пусть все как следует прошерстят. Потом передайте мне список ее друзей, все ее фотографии, контакты, недавние комментарии, файлы, которые ей присылали, — словом, я хочу получить как можно больше информации.

Альтман выпрямился и еще раз пристально оглядел свою команду.

— Но при этом дозируйте информацию, которую передаете СМИ. На данный момент сосредоточьтесь на девочке. Ключевой момент должен состоять в том, что хорошенькая маленькая белая американка похищена в Калифорнии. Не упоминайте имени Марион Марш. Только фото и описание физических данных. Иначе, если станет известно, что она француженка, да к тому же журналистка, события могут выйти из-под контроля. Тогда в нас вцепятся французские власти, международная пресса и телевидение... Тот еще будет цирк...

Он постучал указательным пальцем по циферблату наручных часов.

— Сейчас вечер субботы. До конца уик-энда основная часть

массмедиа вряд ли раскачается. Итак, у нас есть двадцать четыре часа, чтобы обезвредить эту дипломатическую бомбу. Помните, что Хлоя Фог для вас — лишь официальный повод. Основные силы вы должны сосредоточить на Марион Марш. Она — наш единственный след, который может привести к Адриану Фогу. Поэтому закажите себе побольше кофе, позвоните домашним и скажите, что в ближайшее время домой не вернетесь. А теперь за работу!

Подчиненные встали из-за стола и один за другим покинули комнату. Альтман остался один. Несколько минут он задумчиво рассматривал две белые доски.

Пропавший Адриан Фог — хирург, имеющий мировую известность, а Марион Марш производит впечатление вполне заурядной особы. Альтман не мог себе представить, чтобы они сообща замыслили и совершили нечто из ряда вон выходящее. Отсюда вывод: что-то здесь не складывается... Чего-то недостает.

У него не было некоего ключевого фактора, который мог бы объяснить их действия. Какого-то элемента... или человека.

Спустя некоторое время он взял третью доску.

Изобразил на ней человеческий силуэт.

И в центре этого силуэта нарисовал вопросительный знак.

Глава 23

Большинство пассажиров рейсового автобуса, в который сели Марион и Хлоя, дремали или просто сидели молча. В салоне царил полумрак — горело лишь несколько лампочек над креслами. Один человек спал, надвинув ковбойскую шляпу на глаза и не обращая внимания на музыку, играющую в динамике у него над головой. Марион разглядывала попутчиков: строительные рабочие, женщины с кругами под глазами от хронической усталости, служащие отелей, не передевшие униформу... В любой стране люди, которые возвращаются вечером в свои небольшие городки на рейсовых автобусах из ближайшего мегаполиса, небогаты.

Хлоя машинально потерла предплечье.

На ладони осталось кровавое пятно.

— Что такое? — с тревогой спросила Марион. — Покажи-ка.

Должно быть, руку Хлое порезало осколком, когда пуля разбила заднее стекло «теслы». Ничего страшного, но все же...

Марион встала, подошла к пассажиру в ковбойской шляпе и осторожно тронула его за плечо.

— Простите, у вас при себе случайно нет одеколona или лосьона после бритья?

Взглянув на нее мутными со сна глазами, «ковбой» машинально кивнул.

— Вы не могли бы одолжить?.. И вот это, — прибавила она, указав на платок, повязанный у него на шее.

С этим импровизированным дезинфицирующим набором Марион вернулась к Хлое.

— Немного пощиплет, — предупредила Марион.

Она побрызгала на ранку Хлои лосьоном после бритья из флакона с пульверизатором, приложила к ране свой чистый носовой платок и сделала удерживающую повязку с помощью шейного платка, одолженного у «ковбоя».

— Вот и все.

Хлоя даже не шелохнулась.

Марион внимательно посмотрела на нее. Девочка, судя по всему, не была в состоянии шока, однако с момента отъезда с бензозаправки не произнесла ни слова.

Марион решила, что пришло время обо всем ей рассказать. И

принялась излагать свою историю — неторопливо и тщательно, чтобы ничего не упустить, — начиная с момента, когда первый раз объявился Троянец, и заканчивая своим недавним прибытием в Лагуна-Бич.

Хлоя слушала ее, не перебивая. Наконец спросила:

— Значит, вы отправились в это опасное путешествие, чтобы найти человека, который бросил вас пятнадцать лет назад?

— Троянец не оставил мне выбора. Но, по правде говоря, мне было особо нечего терять.

— А та видеозапись, на которой отец лежит прикованный наручниками к кровати... она у вас с собой?

— Да. Но я не уверена, что тебе стоит ее смотреть.

— Наверно, вы правы, — упавшим голосом произнесла Хлоя.

Последовало молчание.

Марион осторожно дотронулась до плеча девочки:

— Ты боишься?

— Нет.

Хлоя подняла голову. Их взгляды встретились.

— Я осталась без мамы в прошлом году. Она разбилась на машине, когда ехала за покупками. Мне страшно хотелось новую куртку. Мама не собиралась никуда ехать, у нее не было настроения, но я ныла до тех пор, пока она не уступила. Она поехала в город без меня. Шел дождь. Машину занесло на повороте. Мама умерла на месте аварии. Когда к нам приехали полицейские, я не плакала. С того дня я не проронила ни слезинки. — Хлоя опустила глаза и тихо прибавила: — Чего мне теперь бояться, по-вашему?

Марион поняла, что девочка имела в виду.

Пока молоды, вы неуязвимы. И когда на вас обрушивается трагедия, внутри у вас что-то происходит. Либо вы ломаетесь, либо взрослеете уже в другом мире, в котором никто и ничто не заставит вас страдать. И вы отказываетесь быть слабыми.

— Я тоже потеряла мать. Она умерла от рака. Мне тогда было пять лет. Обычно говорят, что человек не помнит события, произошедшие, когда ему было пять лет, но это неправда. Я все помню очень хорошо. Мама умирала три месяца. Мне кажется, это очень долго.

Хлоя взяла ее за руку:

— Хотите, я вам расскажу, что произошло в тот день, когда отец исчез?

Марион кивнула.

— Мы с ним были в Лос-Анджелесе. Он предложил мне поехать вместе с ним на Международный конгресс хирургов-ортопедов. Для него, с его специальностью, это было самое важное событие на свете. Он

собирался делать доклад о результатах своих исследований. Он был такой оживленный, довольный... И я, конечно, безумно обрадовалась, что могу поехать с ним. Конгресс должен был проходить в отеле «Бонавантюр». Мне очень хотелось его увидеть — там какие-то невероятные стеклянные лифты и потрясающий вид сверху, к тому же там целыми днями показывают фильмы и шоу, вроде знаменитого «Ока Каина». И вот мы прибыли туда, и, когда покидали подземную парковку, где оставили машину, на нас неожиданно напал человек в маске, вооруженный револьвером. Он не потребовал денег, ничего такого — просто сразу выстрелил. Отец бросился ко мне, чтобы меня заслонить. Он был ранен. Мы побежали к нашей машине. Отец велел мне спрятаться под нее и не двигаться. Я так и сделала. У него шла кровь. Он отбежал, и я снова услышала выстрел. Когда прибыла полиция, ни отца, ни нападавшего уже не было.

Хлоя рассказала все это без пауз, на одном дыхании. Ее взгляд при этом казался обращенным внутрь себя, как будто она мысленно просматривала только ей одной видимый фильм.

— И после этого его никто больше не видел?

— Я — нет. Но агенты ФБР видели. Несколько дней спустя отец появился в фирме по прокату автомобилей в аэропорту Лос-Анджелеса. Он оставил там какой-то конверт и уехал. Служащий заметил кровь у него на рубашке и сообщил в полицию. Агенты ФБР просмотрели записи с видеокамер наблюдения. Они потом сказали, что отец постоянно оглядывался, как будто опасался угрозы с чьей-то стороны, но никого подозрительного не увидели. По их версии, его заставили написать письмо и оставить его в условленном месте. И больше никаких известий о нем не было.

Марион кивнула.

Итак, письмо, которое она забрала в «Аламо», написал Натан. ФБР было в курсе с самого начала. Значит, агенты наблюдали за этим местом. Вот почему так быстро явились следом за ней в дом Большого Па, деда Хлои.

— А телохранители, которых дед к тебе приставил, — почему они стреляли в нас?

— Скорее всего, они просто запаниковали. Большой Па их нанял, чтобы они меня охраняли, после того случая на парковке. Он был страшно зол на ФБР из-за того, что они никак не могут найти ни отца, ни человека, который на нас напал. В конце концов дед сказал, что, раз ФБР ни на что не годно, он сам обеспечит мою безопасность. С тех пор Микадо и Брауни сопровождают меня постоянно. Они, конечно, не самые вежливые люди, но

до сих пор не делали ничего экстремального. Я думаю, в тот раз они просто хотели меня вернуть.

Автобус остановился у парковки возле придорожного ресторанчика, чтобы высадить часть пассажиров.

— Мы тоже здесь выходим, — сказала Марион.

Они спустились по ступенькам и вышли из автобуса. Меньше чем через минуту другие пассажиры расселись по своим машинам и разъехались в разных направлениях. Автобус тоже продолжил путь. Марион и Хлоя остались одни на парковке, освещенной голубоватым светом уличного фонаря и продуваемой свежим ночным бризом.

Примерно с десятков машин с трейлерами стояли в ряд друг за другом. Между ними оставались узкие проходы, напоминающие аллеи. Слева от машин Марион увидела туалет: его распахнутая дверца хлопала на ветру. Дальше находился ресторан — довольно непрезентабельное заведение, из зашторенных окон которого лился тусклый свет и доносилась музыка.

Хлоя слегка вздрогнула:

— Зачем мы здесь вышли?

— Не знаю, правильно ли я сделала, — неуверенно произнесла Марион. — Возможно, не стоило...

— Не стоило — что?

Марион крепче прижала к себе сумку:

— После того как мы оставили машину, я в последний раз связалась с Троянцем. Он спросил, где мы. Я ответила, и он сказал, на какой автобус нам сесть на остановке рядом с бензозаправкой. Он велел мне отключить мой телефон, и твой тоже, чтобы никто нас не засек. И выйти на этой остановке. Но я не думала, что это будет такое безлюдное место...

Она окинула взглядом пустую полутемную парковку и добавила:

— Он едет сюда. Он назначил мне встречу. Троянец скоро будет здесь.

Глава 24

Раньше

— У нас сегодня вечером свидание, — сообщила Марион. — Натан обещал отвести меня в кондитерскую на Сен-Андре-дез-Арт, рядом с площадью Сен-Мишель. Я с ним встречусь, когда он закончит все операции во второй половине дня.

Иза и Веро быстро шли следом за ней по огромной сводчатой галерее на третьем этаже Отель-Дье, буквально засыпая подругу вопросами.

— Супер! Ну, расскажи подробнее!

— После того как он тебя поцеловал, вы пошли дальше?

— Вы это делали?

— Да нет же! — ответила Марион, улыбаясь.

— Врешь!

— Честное слово, мы ничего не делали!

Плечи обеих девушек поникли.

— Ну, надо же! *Ничего не делала.*

После того незабываемого поцелуя на площади перед собором Парижской Богоматери Марион оказалась на седьмом небе от счастья и продолжала там оставаться.

Жизнь порой восхитительна. Конечно, вы не верите во все эти расхожие девчоночьи глупости: любовь с первого взгляда, сердечный трепет, бабочки, порхающие в животе, — все это не про вас. И все же с вами начинает твориться что-то необыкновенное. Вы забываете стетоскоп, постоянно теряете свои вещи, смеетесь по любому поводу и без, почти не спите по ночам, покупаете дурацкие подарки, ваш банковский счет стремительно истощается, ваш отец высказывает недовольство вами — но все это не имеет никакого значения, потому что Париж внезапно становится самым романтичным городом на свете.

— Но ты хоть влюблена?

— Ну, признайся!

— Он тебя возбуждает? Ты к нему привязана? Это ведь как наркомания... Сходишь с ума, когда его нет?

— М-м-м... — в замешательстве протянула Марион.

Ее подруги расхохотались.

Все троем они спустились по широкой мраморной лестнице, пересекли центральный внутренний двор, пройдя под колоннами

величественного портика, и смешались с толпой людей в белых халатах: все коллеги подруг направлялись в помещение для дежурных врачей на обед в честь торжественного сегодняшнего события.

— Да потише вы, — прошептала Марион, когда они встали в очередь. — Хотите, чтобы все были в курсе?.. Натан пригласил нас на церемонию посвящения в интерны, это большая честь.

— И мы должны быть пайньками?

— Да. Традиции нужно уважать. Есть правила, каждому из которых уже много веков. Все садятся за столы в порядке прибытия, друг за другом, так, чтобы не оставалось ни одного пустого стула. Прежде чем сесть на свое место, нужно коснуться спинок стульев всех, кто уже сел раньше, — в знак почтения. За столом нет ни салфеток, ни штопора — бутылки вскрывают ножом, а губы вытирают скатертью. И самое главное — строжайше запрещено говорить о медицине.

Они заняли свои места за одним из столов, составленных в форме латинской буквы «и», как на банкете. В середине центрального стола сидел молодой человек, за спиной которого у стены возвышался механизм, напоминающий ярмарочный аттракцион «Колесо фортуны».

— Это кто? — поинтересовалась Иза.

— Эконом, — ответила Марион. — В нынешнем семестре это один из интернов отделения висцеральной хирургии. Он собирает деньги на организацию парадного обеда — иначе говоря, обеда малость попрличнее, чем обычно в нашей столовке...

— А что это за колесо? — спросила Веро.

— Знаменитое Колесо пыток, — сказала Марион с нервным смешком. — Тоже часть традиции. Если не пройдешь это испытание, тебя не примут в интерны. Эконом вращает колесо и вынимает твой жребий, то есть определяет испытание, которое надо пройти. Например, заплатить за выпивку для всех, или спеть что-нибудь с обнаженной грудью, или вообще полностью раздеться при всех...

— Что, серьезно?

Эконом встал, поднял свой бокал, и в одно мгновение воцарилась тишина. Эконом объявил, что обед начинается, и пожелал всем приятного аппетита. Звон посуды и шум разговоров заполнили комнату, при этом каждое новое блюдо следовало передавать по традиции сначала соседу, потом человеку, сидящему напротив, — и ни разу эту очередность нельзя было нарушить.

Натан сидел за другим концом стола. Встретившись взглядом с Марион, он ей улыбнулся.

— Говорят, он делает мельчайшие швы, под микроскопом! — прошептала Иза.

— Да, и пользуется такой тонкой нитью «Этилон», что ее даже не видно невооруженным глазом, — прибавила Веро.

— Это правда, — кивнула Марион. — А чтобы научиться сшивать мельчайшие артерии на пальцах, хирурги тренируются на сонных артериях живых крыс. Им делают анестезию, но при малейшем неверном движении вся операция идет насмарку...

Кто-то из сидящих за столом захлопал в ладоши.

— Эконом! Я слышал ужасные речи! Здесь говорили о медицине! Это совершенно недопустимо!

— Кто? — грозно спросил эконом.

Несколько человек указали на Марион.

— Э-э... я... прошу прощения... — пролепетала она.

— Так! — громко сказал эконом. — И какое же наказание выдаст ей Колесо пыток?

— Пусть разденется догола! Или хоть сиськи покажет...

Клак-клак-клак-клак-клак...

Когда колесо наконец замерло, воцарилось всеобщее молчание.

— Ну что, тебе еще повезло, экстерн. Тебе просто нужно выбрать кого-то из присутствующих и поцеловать, — объявил эконом. И с улыбкой добавил: — Но поцелуй должен длиться минуту. И с языком. И чтобы все видели.

Марион побагровела.

Натан отвернулся в другую сторону.

Она огляделась по сторонам и в конце концов неловко притянула к себе молодого человека, который сидел ближе всего. Присутствующие разразились смехом, послышались одобрительные возгласы. Ровно минуту все с удовольствием наблюдали за ее мучениями.

Наконец она отстранилась и машинально вытерла губы, сгорая от стыда. Разговоры за столом постепенно возобновились. Марион украдкой взглянула туда, где сидел Натан; его место опустело. Он так и не появился до конца обеда. Она вернулась к работе, но до самого вечера от него не было никаких известий. Неужели он рассердился на нее? Не может быть, ведь до этого он всячески избегал появляться вместе с ней на публике. Тогда в чем же дело?

Вечером Марион нашла в своем шкафчике записку, написанную безликим официальным языком и подписанную секретаршей. В записке говорилось, что доктор Натан Чесс отменяет сегодняшнюю встречу и в

течение неопределенного времени будет недоступен.

Глава 25

Сейчас

«Он едет сюда. Он назначил мне встречу. Троянец скоро будет здесь...»

Слова Марион еще отдавались слабым эхом на пустынной парковке, как вдруг в темноте раздался смех.

Он доносился из узкого прохода между двумя трейлерами, то усиливаясь, то почти стихая, резкий и прерывистый, чем-то напоминающий кудахтанье — таким бывает смех стариков. Потом резко оборвался.

— Две одинокие девушки среди ночи... Как неразумно...

Марион и Хлоя окаменели.

В проходе блеснули белки глаз. Потом появилась двигающаяся неверной походкой фигура со всклоченными, словно пакля, волосами. Затем человек вышел из темноты и остановился перед ними.

— Вы ведь понимаете, что я говорю, французская мадам?

Это был индеец. Совершенно жуткого вида. С язвами на лице. Почти без зубов. Одетый в джинсы и какую-то хламиду. Рот его, в котором виднелись немногочисленные обломки зубов, напоминал решетку сточного люка.

Но наиболее примечательным в его облике был револьвер, который индеец сжимал в руке.

— Идите-ка сюда, красотки.

Несмотря на страх, Марион сделала шаг вперед, встав между ним и Хлоей:

— Не трогайте девочку.

На мгновение она обернулась в сторону ресторанчика. Индеец, насмешливо фыркнув, проговорил:

— Можете кричать сколько угодно, эти типы вас не услышат. Музыка грохочет всюду, и Салли уже наверняка исполняет свой коронный номер на сцене. Даже если бы их собственная мать загорелась прямо здесь, никто не сделал бы и шага — хотя бы ради того, чтобы помочиться ей на голову из окна.

Он расхохотался над собственной шуткой, потом наклонился к Марион, обдав ее резким запахом алкоголя. Только сейчас она поняла, что индеец пьян.

— Да и потом, девочка меня не интересует. Мне нужны вы.

— Я?

— Она мне не нужна. Может убираться на все четыре стороны.

Марион ничего не понимала. Ей никак не удавалось отвести взгляд от черного дула револьвера. Индеец был пьян, и руки его дрожали. Раньше ей уже доводилось видеть пулевые ранения. От них оставались огромные дыры. Даже если человек выживал, он зачастую оставался изуродованным до конца своих дней.

— Иди в ресторан, — сказала она Хлое.

— Но...

— Делай, что тебе велит мадам, — перебил индеец.

Хлоя неохотно удалилась. Вид у нее был потерянный.

Индеец подвел Марион к небольшому темно-зеленому фургону, судя по всему, долго служившему военным, а потом списанному. Затем распахнул дверцу со стороны пассажирского сиденья. Марион поднялась в кабину, он захлопнул за ней дверцу и сел за руль.

Затем убрал оружие и достал откуда-то бутылку виски:

— Здорово я вас напугал?

— Что?

— Так было нужно. Чтобы все обошлось без лишнего шума. А малышка должна была остаться. Это было спланировано заранее.

Он отхлебнул из бутылки, завел мотор и включил проблесковый маячок.

— Вы... но вы ведь не Троянец?

Фургон выехал на дорогу. Марион, судорожно вцепившись в подлокотник, наблюдала в зеркало заднего вида, как фигурка Хлои отдаляется, постепенно уменьшаясь в размерах. И одновременно чувствовала, как в душе тоже что-то уменьшается, становится все более хрупким и, наконец, рассыпается в прах, словно клочок бумаги, брошенный в огонь.

— Не волнуйтесь, — сказал индеец. — Кое-кто другой приедет сюда и заберет ее. А моя задача — отвезти вас в надежное место. Если у вас есть мобильник, отключите его. Иначе фэбээровцы нас вычислят.

Ею по-прежнему владел страх, но постепенно его вытеснили гнев и непонимание. В то же время она ощущала глухое раздражение из-за того, что у нее нет способа противостоять своему противнику.

Некоторое время они ехали молча. Индеец вел машину уверенно — опьянение, казалось, ничуть ему не мешало. Видимо, вождение в нетрезвом виде было для него привычным делом. Потом она машинально взглянула на его пальцы, сжимавшие руль, и тут же ее глаза расширились от

изумления: правая рука носила явные следы недавнего хирургического вмешательства.

— Вам делали операцию на руке?

Индеец сделал вид, что не слышит.

Марион вгляделась в него пристальнее. Несмотря на то, что ее медицинская деятельность осталась в далеком прошлом, она сразу поняла, с чем имеет дело: характер шрамов указывал на технику швов, которая чаще всего применялась в отделении хирургии Отель-Дье.

— Скажите, вы знаете человека по фамилии Чесс? Или Фог? Адриан Фог?

Индеец искоса взглянул на нее, но ничего не сказал.

— Да отвечайте же, черт возьми!

— Послушайте, — вздохнув, заговорил он, — меня зовут Уойяк. Полное имя звучит так: Уойяк Вово'Кеноохи. В переводе это означает Сурок-эксперименталист, и хотя вам это может показаться смешным, на самом деле это почетное имя...

Затем индеец показал ей татуировки на руках.

— Я недавно вышел из тюрьмы. Меня освободили условно-досрочно, так что, вообще-то, не в моих интересах помогать вам сбежать от копов.

Он сделал очередной глоток из бутылки, словно для того, чтобы найти силы для продолжения разговора.

— Но у меня есть один должок. Я сидел в Пеликан-Бэй. И однажды во время работы мне раздробило руку прессом. Один человек мне помог. Похлопотал насчет операции. За нее даже не пришлось ничего платить, потому что на мне опробовали какой-то новый экспериментальный метод. Операцию сделали в Лагуна-Бич, в тамошней больнице для бедных. Когда я вышел на свободу, человек, который мне помог, попросил об ответной услуге. Я должен был забрать вас и отвезти в одно место. В самый последний момент он сказал куда и когда. Вот и все.

Какое-то время Марион обдумывала эту новую информацию.

Значит, этот индеец, Уойяк, всего-навсего бывший заключенный. Алкоголик. Но он знал, что она француженка, знал, где ее найти, то есть получил точные инструкции на этот счет. Письмо, ожидавшее ее в аэропорту, похищение Хлои — все это готовилось неделями. Может быть, даже месяцами.

Выводы из этого напрашивались пугающие.

— Что это за человек? — спросила она наконец. — Тот, кто прислал вас за мной?

— Уж не обессудьте, но этого я не могу вам сказать.

Марион прерывисто вздохнула, пытаясь унять раздражение и тревогу. Она все еще не понимала свою роль, но одно по крайней мере было ясно: Троянец не только мучил своих жертв. То, что называлось «Спасаем жизни», было для него не просто игрой.

Ни один человек не стал бы заходить так далеко и делать такие тщательные приготовления, не имея совершенно четкой цели. У этого психопата был какой-то план.

Глава 26

Стоя на пустынной улице перед зданием полицейского участка Лагуна-Бич, Аарон Альтман дышал ночным воздухом. Он бы с удовольствием закурил, но с тех пор, как на его плечи легла забота о сыне-инвалиде, бросил курить. Это было одним из его абсолютно правильных решений.

Он разглядывал окружающие дома. Изящное здание ветеринарной клиники, небольшая пожарная часть, двойные уличные фонари из кованого железа, склоненные кипарисы, цветочные клумбы... Откуда-то доносился слабый шум автоматической поливальной установки. Какая идиллия, просто Диснейленд... Полицейский участок, с его колоннами по обе стороны входа, пятиугольной аркой и островерхой крышей, напоминал скорее церковь или старинный семейный пансионат, чем храм порядка. Позади участка на склоне холма виднелись роскошные виллы стоимостью десятки миллионов долларов — казалось, они поглядывают вниз с легким презрением.

Ему пришла в голову неожиданная метафора, связанная с властью. Эти дома богатых и влиятельных людей, расположенные высоко на склоне, возможно, были бессознательным продолжением детских игр их владельцев в Царя горы. И одним из материальных воплощений этой метафоры служил дом Адриана Фога.

Альтман спросил себя, задумывался ли когда-нибудь доктор Фог о чем-то подобном. О том, является ли он, знаменитый и богатый хирург, неким высшим существом, стоящим над всеми остальными людьми и не подчиняющимся обязательным для них законам. Альтману была отвратительна мысль об этом, хотя он не мог не признать, что собственно концепция этого принципа вызывает у него... нет, не восхищение, скорее завороченность.

Дверь полицейского участка распахнулась, и на пороге показалась самая очаровательная из его подчиненных — латиноамериканка в строгом костюме. Она направилась к нему быстрым шагом.

— Шеф! Вы только взгляните! — С этими словами она протянула ему листок бумаги. — У Марион Марш действительно есть сообщник!

— Откуда такая уверенность?

— У нее есть аккаунт в «Фейсбуке», который ее сообщник использует для связи с ней. Он называет себя Троянец.

Альтман поморщился.

Такой необычный псевдоним уже сам по себе дурное предзнаменование. Как минимум он означает, что выбравший его человек явно хотел обратить на себя внимание.

— Странное прозвище, — пробормотал он.

— Да. — Латиноамериканка улыбнулась. — Прямо как Троянский конь. Или одноименная вирусная программа...

— ...которая позволяет проникать в чужой компьютер и управлять им дистанционно, — закончил Альтман мысль подчиненной. — Да, я в курсе. Думаете, этот тип так и делает?

— Возможно. Пока еще не все ясно — переписка велась на французском, и наши переводчики сейчас над ней работают. Но, судя по всему, Троянец действительно вел Марион Марш. По крайней мере, заставлял ее выполнять свои указания.

— Каким образом?

— Пока неизвестно. Из его посланий, сохранившихся в ее почтовом ящике, не слишком много можно узнать. Очевидно, большая часть информации передавалась во время переписки в реальном времени.

Альтман, покусывая нижнюю губу, быстро просмотрел отчет. Потом сказал:

— Ну что ж, он предусмотрителен. Этот вид связи гораздо сложнее отследить, чем разговоры и послания по мобильному телефону. Или даже вообще невозможно, если установлены надежные программы защиты... Некоторое время назад в Англии один злоумышленник похожим способом дурачил Скотленд-Ярд и британскую полицию несколько недель подряд. Он даже оставлял комментарии на фанатских сайтах...

Вернув подчиненной бумагу, Альтман прибавил:

— Вы хорошо поработали.

Ее улыбка стала еще шире.

— У меня есть для вас кое-что еще. Троянец совершил ошибку. Его последнее послание оказалось очень важным, но тем не менее он отправил его в почтовый ящик.

— Ах, вот как?.. Значит, не так уж он хитер...

— Марион вместе с Хлоей удалось вырваться за пределы нашего оцепления, и он назначил им встречу на автобусной остановке, в сорока километрах к северо-востоку от Санта-Анны. Послание пришло около часа назад.

— Черт возьми!.. Вы предупредили...

— ...местную полицию, да. Через несколько минут прибудет вертолет, чтобы вас забрать.

Альтман ощутил прилив охотничьего азарта.

— Тогда в путь!

Уойяк остановился возле небольшой бензоколонки, чтобы заправиться.

— Побудьте здесь. По радио объявили «тревогу Амбер».

— Что это?

— Ее объявляют в случае похищения ребенка. Она названа по имени девочки, похищенной и убитой в Техасе в девяностые. По радио передали описание Хлои Фог и ваше. Вы официально объявлены ее похитительницей, так что вам лучше не светиться лишний раз.

У Марион похолодело в груди.

— Хотите, куплю вам что-нибудь поесть или выпить? — предложил индеец.

Она покачала головой.

Индеец ушел.

Марион охватил настоящий ужас. Она ощутила тошноту.

Тревога по радио. Похищение ребенка. Преступление, в котором обвиняют... ее!

Паника, копившаяся в ней последние несколько часов, наконец выплеснулась наружу. Мысли лихорадочно замелькали в голове.

Итак, ее описание разослано во все полицейские участки. Ее имя теперь у всех на слуху. Сотни, тысячи людей заочно ненавидят ее, даже ничего о ней не зная, точно так же, как она сама до этого ненавидела виновников подобных преступлений. Однажды она увидела телерепортаж о Фрэнсисе Хольме, серийном убийце. От отвращения она выключила телевизор. А теперь сама оказалась в шкуре преступницы! Люди, должно быть, считают ее чудовищем! Как она до этого докатилась? У кого теперь просить помощи? Она в чужой стране и никого здесь не знает. Кроме того, она ведь действительно виновна! Марион машинально взглянула в окно машины. Конечно, можно попробовать убежать, но куда? Ночью, на пустынном шоссе, в безлюдной местности... Между этим ужасным индейцем и неизвестностью — что ей выбрать?

Чувствуя, что еще немного — и она сойдет с ума, Марион открыла сумку и начала рыться в ней в поисках успокоительных таблеток.

На колени ей выпал айфон.

Она посмотрела на него, словно на чертика из табакерки. Потом проговорила:

— Ну, хорошо...

И нажала клавишу включения. Затем вошла в Сеть и открыла

«Фейсбук».

Быстро пробежала новости от друзей:

«Нико Т. в отпуске». «Катрин Д. желает всем спокойной ночи!»

Господи, как все это от нее далеко!..

«Роке».

Она снова взглянула в окно. Индеец уже выходил с бензозаправки.

«Отвечай, мать твою!..»

Снова «Роке».

Наконец Троянец появился.

— Да?

— *Помогите мне!* — быстро напечатала Марион.

— *При одном условии.*

— *Хорошо!*

— *Индеец, который вас сопровождает, Уойяк...*

Человек, о котором шла речь, в этот момент обогнул фургон.

— *...это не ваш проводник. Это ваша ближайшая цель.*

— *Что?!*

Уойяк открыл дверцу.

— *Ваша ближайшая цель,* — повторил Троянец. — *Вы должны отрезать ему пальцы.*

Глава 27

Марион читала эти слова, чувствуя, как лицо застывает от ужаса.

— *Я жду вас на автобусной остановке, — написал Троянец. — Хлоя у меня. Отрежьте индейцу пальцы, иначе я убью девочку.*

И отключился.

— Нет!

Марион отбросила айфон, словно обжегшись.

И тут же прижала ладонь ко рту.

Вокруг нее все поплыло.

— Нет... — тихо повторила она.

— Что это вы делаете? — спросил Уойяк, поднимаясь в кабину. И тут заметил айфон. — Черт возьми, вы что, спятили? Я же просил вас не включать эту штуку!

Он схватил айфон, отключил его и швырнул на сиденье. Потом протянул Марион бутылку виски:

— Пейте, я вам говорю.

И поднес горлышко бутылки вплотную к ее губам. Марион сделала глоток. Крепкий алкоголь обжег ей горло. Она сделала второй глоток, третий, потом откинула голову назад:

— Хватит...

— Ну что, полегчало?

Хватит... хватит...

Ей не удавалось сформулировать ни одной мысли, кроме этой.

— Надо сваливать побыстрее, — сказал Уойяк. — Ваше фото я только что видел по телевизору на бензозаправке.

Выругавшись сквозь зубы, он добавил:

— Если бы знал, как все обернется, ни за что бы не согласился вас везти.

Некоторое время они ехали прямо, затем индеец свернул с шоссе на боковую гравийную дорогу.

Марион впала в полубессознательное состояние. Алкоголь в сочетании с огромной усталостью вызвал у нее ощущение нереальности последних событий — ей казалось, что она видит кошмарный сон. Все происходящее

выглядело слишком безумно, чтобы быть настоящим. Больше всего ей хотелось проснуться — мозг отказывался принимать действительность такой как она есть.

— Что вы делали с телефоном?

Уойяк снова сделал глоток из бутылки. Кажется, у него испортилось настроение.

— Вы кому-то звонили? — спросил он, не получив ответа на первый вопрос.

— Заходила в «Фейсбук», — ответила Марион, едва шевеля губами.

Индеец хихикнул:

— Вот тоже гребаная придумка... Правительство шпионит за людьми с помощью этой штуки. Они постоянно за вами наблюдают — ваше начальство, ваши кредиторы, копы — все. Но несмотря на это, многие продолжают ей пользоваться — даже в тюрьме. — Уойяк повернулся к ней. — А вы в курсе, что некоторые из ваших друзей, возможно, сидят за решеткой? Они, конечно, вешают вам лапшу на уши, придумывают всякие байки, но на самом деле это так.

Раньше Марион об этом никогда не думала.

— А если человек умирает, — продолжал Уойяк, — никто не может уничтожить его страницу в Сети, не имея кода доступа. Я знал одного типа, которого приговорили к смертной казни, — так вот ему даже через много месяцев после его смерти приходили десятки посланий...

Индеец отхлебнул еще виски.

— Даже не по себе становится, как представишь себе всех этих мертвецов, которые продолжают жить в своем невидимом мире, в этой гребаной Сети, и получать послания от живых... Они все равно что призраки. Сотни призраков, танцующих вокруг нас...

Он хрипло рассмеялся, потом затянул на родном языке какую-то древнюю заунывную песню, напоминающую бесконечную жалобу.

— Куда мы едем? — спросила Марион.

— Ко мне, куда же еще?

— И что мы там будем делать?

Уойяк снова посмотрел на нее, на этот раз более долгим взглядом, задержавшись на ее груди и бедрах. Глаза его выглядели совершенно безумными.

— Ждать. Человек, который просил вас привезти, должен будет мне позвонить. Так что мы будем просто ждать.

Он остановил фургон перед окруженным деревьями домом, точнее лачугой, судя по всему, сколоченной из чего попало. Перед ней были грудой

свалены автомобильные шины. Сбоку возвышался столб с ветряком.

Уойяк отодвинул в сторону кусок листового железа, служивший дверью.

— Это от койотов, — пояснил он. — Эти твари часто сюда забирались и все переворачивали вверх дном, пока меня не было.

Он подвел Марион к столу и зажег небольшую керосиновую лампу.

— У меня тут есть ветровой электрогенератор, но я предпочитаю экономить.

Индеец указал на деревянную кровать, на которой лежал надувной матрас.

— Можете прилечь, если хотите. Матрас удобный. Если замерзнете, дам вам одеяло.

Потом сел за стол и продолжал опустошать бутылку виски.

Марион буквально рухнула на матрас.

Прямо над ее головой висел календарь с обнаженными женщинами. Дальше она увидела прикрепленную к стене раковину для посуды, в которой лежали несколько грязных тарелок. Деревянный верстак. Каркас мотора. Инструменты. Ведро, наполненное пластинами каких-то минералов...

Индеец приподнял крышку погребка со льдом:

— Хотите пива?

Марион покачала головой.

— Ладно. Мне надо отлить.

Он вышел.

Марион быстро встала и подошла к посудной раковине в поисках ножа. Но его не оказалось. Она шагнула к верстаку и схватила большие клещи.

В этот момент Уойяк вернулся:

— О, да вы, я смотрю, уже отдохнули?..

Ширинка у него была расстегнута. Он в упор смотрел на Марион.

— Тот тип... — произнесла она, с трудом узнавая собственный голос. — Тот, кто попросил вас привезти меня сюда. Тот, кто помог вам сделать бесплатную операцию... в рамках экспериментальной программы... Кто он?

Индеец удивленно икнул:

— Да что на вас нашло?

Марион крепче сжала клещи, которые держала одной рукой за спиной, и облизнула губы:

— Я должна знать. Отвечайте.

На лице Уойяка появилась нехорошая улыбка.

— И что я получу взамен?

Она не ответила.

— У меня уже давно не было женщины... Так может, мы заключим небольшую сделку, а?

Он шагнул к ней.

Схватив клещи обеими руками, Марион изо всех сил ударила его в лицо.

Он завопил. Марион бросилась к нему и толкнула в грудь.

Уойяк рухнул.

Она с силой прижала его к полу:

— Ах, ты мразь! Ты что себе вообразил?

Мгновенные воспоминания замелькали перед ней, словно обрывки киноплёнки.

Кора, неподвижно лежащая на водительском сиденье после автокатастрофы...

Отец, худой, усталый, в тусклом свете уличного фонаря...

Хлоя, которая смотрит ей вслед, стоя на автобусной остановке...

Троянец, угрожающий всем ее близким, разрушающий ее жизнь, этап за этапом...

Марион больше не могла сдерживаться.

Густая красная пелена заволокла ее мозг, а затем окутала ее полностью. Марион ощутила в себе какую-то древнюю животную силу, о которой раньше даже не подозревала.

Она надавила клещами на горло индейца:

— А ТЫ ХОТЬ ЗНАЕШЬ, ЧЕГО ОН ХОЧЕТ, ТВОЙ ГРЕБАНЫЙ ДРУЖОК? ОН ХОЧЕТ, ЧТОБЫ Я ОТРЕЗАЛА ТЕБЕ ПАЛЬЦЫ! И Я СЕЙЧАС ЭТО СДЕЛАЮ! — Она схватила его за руку. — Я ЭТО СДЕЛАЮ, КЛЯНУСЬ БОГОМ, ЕСЛИ ТЫ СЕЙЧАС ЖЕ НЕ СКАЖЕШЬ, КТО ОН ТАКОЙ!

В глазах индейца промелькнул неподдельный страх.

— Я... нет... пожалуйста... — с трудом прохрипел он.

— Ну?

— Прошу вас... я не знаю... не знаю, кто он... Просто голос в телефоне... Не надо...

Марион машинально взглянула на клещи. Затем поняла, что изо всех сил упирается коленом в грудь индейца.

Красная пелена исчезла так же внезапно, как появилась.

Марион с трудом поднялась. Отшвырнула клещи. Пошатываясь,

вышла из хижины на воздух. Прижала ладони к щекам. Ей никак не удавалось вздохнуть полной грудью.

Вдруг налетел мощный шквал, пригибая траву к земле.

Волосы Марион резко взметнулись вверх.

Одежда буквально прилипла к телу.

По глазам резанул слепящий свет.

— Марион Марш! — раздался мощный рев, усиленный мегафоном. — Немедленно опуститесь на колени, руки за голову! Это вертолет ФБР, вы арестованы!

Глава 28

Раньше

Следующие пять дней Марион работала как сумасшедшая, по-прежнему не имея никаких известий о Натане. Он ни разу не появился в службе скорой помощи и к тому же отменил все свои заранее запланированные операции. Разумеется, он не мог так поступить без веских причин.

Несмотря на это, бабочки, порхавшие в животе Марион, куда-то улетели, и на смену им пришло постепенно растущее беспокойство. Напрасно она говорила себе, что ее любовь взаимна, что она уже получила множество тому доказательств, — здравый смысл уступил место неуверенности, а неуверенность мало-помалу переходила в отчаяние.

Конечно, она обращалась к начальнику отделения висцеральной хирургии, который временно заменил Натана в должности главы скорой хирургической помощи, но тот тоже был неосведомлен о случившемся.

Черт возьми, что же означало это внезапное исчезновение Натана?

Ну, хорошо, он отменил их первый совместный ужин после объяснения в любви — допустим, у него возникли неотложные дела. Какое-то срочное совещание, срочная операция в другой больнице... Пусть так. Но позвонить-то он мог! Труд, прямо скажем, невелик.

Мужчины никогда вам не звонят, что бы ни случилось, не так ли? Это вопрос самолюбия?.. Или же в данном случае дело просто в том, что история их зарождающейся любви не имеет для Натана такого значения, как для нее? (Вторая гипотеза была самой мрачной, и принять ее Марион не отваживалась.)

Конечно, после того первого поцелуя они целовались множество раз, сначала неловко, затем все более долго и страстно, в разных укромных уголках огромного здания Отель-Дье — во множестве таких уголков, по правде говоря, — но они так и не перешли к следующему этапу. Они еще не вступили в половую связь.

Может быть, ей стоило бы ускорить события?..

Ей было всего двадцать, и она не слишком стремилась проявлять инициативу — но скорее от застенчивости, чем от недостатка желания. Может быть, Натан решил, что она просто еще зеленая девчонка?

Или наоборот: увидев, как она целуется с другим на посвящении в интерны, он заподозрил, что она лишь притворяется невинной?..

Но Марион не могла представить себе такой реакции с его стороны. Он ведь тиран и циник, судя по его отношению к большинству людей. Неужели ему самому до такой степени не хватало взрослости?..

Окончательно измотав себе нервы, она, наконец решившись, отправилась по многочисленным коридорам в другое крыло здания, где располагался секретариат отделения ортопедической хирургии.

Она вошла в небольшую комнату с низким потолком, расположенную между первым и вторым этажами. Дневной свет уже почти угас; к тому же он проникал сюда лишь через небольшие полукруглые окошки, распложенные почти вровень с полом, так что из них были видны лишь головы прохожих.

За простым письменным столом сидела женщина неопределенного возраста, одетая в обычный деловой костюм, в отличие от большинства здешнего персонала, и густо накрашенная. Она печатала какое-то деловое письмо.

Марион бесшумно приблизилась к столу, в своем белом халате похожая на привидение.

Женщина подняла глаза и холодно взглянула на нее:

— Что вам угодно?

— Я бы хотела увидеть доктора Чесса.

— Его нет.

— Он больше не возглавляет отделение?

— Разумеется, возглавляет.

Марион положила перед ней на стол листок бумаги:

— Вы положили эту записку в мой шкафчик. Она напечатана на машинке, и я подумала, что это вы ее составили. В ней говорится, что доктор Чесс отменяет назначенную встречу и в течение неопределенного времени будет недоступен. Вы не могли бы объяснить, в чем дело?

Секретарша напряглась, словно готовясь отразить атаку.

— Меня просят печатать деловые письма и служебные записки — я исполняю. Это моя обязанность. Я работаю секретаршей у доктора Чесса, а не у вас или кого попало, поэтому не обязана перед вами отчитываться.

Марион пристально посмотрела на нее, закусив губу и уперев кулаки в бока.

Некоторые женщины порой обращаются с вами тем презрительнее, чем более высокий пост занимает их патрон — или их муж. Вы находите их высокомерными, раздражительными, невыносимыми. Они никогда не сделают даже малейшего усилия, чтобы помочь вам решить вашу проблему. Вам хочется отхлестать их по щекам. Но есть одна вещь, о которой вы

обычно забываете: после того как великий человек заканчивает свое очередное шоу и уходит со сцены, ее приводит в порядок именно такая особа. Она чистит его костюмы. Она со всей тщательностью следит за тем, чтобы к следующему выступлению все выглядело безупречно. Именно эта женщина отвечает за тысячи мельчайших деталей, без которых представление обречено на провал. «Я не работаю секретаршей у кого попало» в сущности означает «Я — не кто попало, взгляните на меня, я существую, я живу в тени великого человека, но, пожалуйста, не ведите себя со мной так, словно я вообще ничего не значу!»

Сделав над собой усилие, Марион совершенно изменила манеру поведения:

— Простите. Я понимаю, что мне не стоило вот так, без предупреждения, врывать к вам в кабинет и разговаривать с вами в таком тоне. У меня очень большая нагрузка на работе в последнее время, и мне не удастся толком отдохнуть. Я так устала, что каждый раз, когда я вечером возвращаюсь домой, мне хочется плакать. Я пришла просто потому, что мне нужна помощь.

Взгляд секретарши смягчился.

— Понимаю. Я тоже иногда чувствую себя совершенно измученной. Наше начальство требует от нас работать так, словно у нас по десять рук, не замечая, что мы уже работаем так, словно у нас их по дюжине. С тех пор как он уехал, я завалена бумажной работой, и к тому же каждую минуту отвечаю на телефонные звонки...

Она открыла один из ящичков стола и вынула оттуда стопку бумаг — все это были короткие письма или записки вроде той, что получила Марион.

— Не вы одна получили такую записку. Доктора Чесса внезапно настигло дурное известие. Он был на обеде в честь посвящения в интерны, когда ему вдруг позвонили из-за границы. Кажется, у его отца случился инфаркт. Мне пришлось немедленно звать к телефону доктора Чесса. В тот же вечер он срочно уехал. Он попросил меня написать записки с извинениями некоторым коллегам, в том числе вам. Но не беспокойтесь, он скоро вернется.

Марион горячо поблагодарила секретаршу и вышла.

В обеденный перерыв она вместе с Изой и Веро пошла в «Бертийон» — знаменитое кафе-мороженое на острове Сен-Луи, куда часто ходили практиканты больницы Отель-Дье, желая освежиться и восстановить силы.

— Ну что, теперь ты успокоилась? — спросила Иза, грызя шоколадную вафлю.

— Он тебе позвонит, вот увидишь, — прибавила Веро, подвигая к себе вазочку ванильного мороженого с засахаренными каштанами.

Марион перевела мрачный взгляд с одной подруги на другую:

— Он должен был мне сказать! Ведь мне небезразлично, что его отец болен! Если с ним что-то серьезное, то Натан не вернется еще как минимум несколько недель. А к тому времени моя стажировка закончится...

— Не переживай, — проговорила Веро, оттирая шоколадное пятно с блузки. — Ведь секретарша сказала тебе, что он скоро вернется.

К их столику подошел официант.

— Скажите, кто из вас Марион Марш? — спросил он.

— Это я.

— Вам нужно срочно вернуться на работу. Оттуда только что позвонили, там слишком большое скопление пациентов, персонала не хватает. Вас просили поторопиться.

— Да-да, хорошо, я сейчас же вернусь...

Она почти бегом вернулась в больницу и, с трудом переводя дыхание, толкнула дверь в приемный покой своего отделения. Он был пуст. Ни одного пациента — только Азиз и две медсестры разговаривали о чем-то, стоя в дальнем углу. Они обернулись к ней и как-то странно на нее посмотрели. Ей показалось или они действительно заговорщицки ухмылялись?.. Затем Азиз, смотря на нее, указал большим пальцем на дверь в комнату отдыха.

Чувствуя какой-то подвох, Марион подошла к двери и нерешительно взялась за ручку:

— Если это шутка, то предупреждаю вас...

Не договорив, она открыла дверь.

И замерла на пороге в полном изумлении.

Вся комната была заполнена цветами. Десятки и сотни подсолнухов — в горшках, собранные в букеты, связанные в огромные охапки, — таких красивых, каких она в жизни не видела, всех оттенков желтого и оранжевого цвета, занимали все пространство от пола до потолка. Должно быть, он потратил на них целое состояние...

Чьи-то руки обхватили ее за талию.

— Ты скучала без меня? — прошептал Натан ей на ухо.

Она обернулась.

— Мой отец заболел, — продолжал Натан все так же тихо. — У него случился инфаркт. Все обошлось, сейчас отец в порядке. Но для меня это

был настоящий шок. И одновременно знак. Когда был там, я вдруг почувствовал, что мне очень нужно поговорить с кем-то. Но за всю жизнь у меня так и не появилось ни одного близкого друга — слишком много места занимала работа. Я никого не смог вспомнить... кроме тебя.

На его лице промелькнула легкая гримаса, словно в знак досады и одновременно извинения за то, что он признался в своих чувствах настолько неуклюже, и вдобавок на глазах у посторонних.

— Мой отец — очень необычный человек. Его все называют Большой Па. Нужно будет рассказать тебе о нем побольше. Мы с ним очень долго не общались, но я никак не мог оставить его одного в такой момент. Пришлось лететь с пересадками на нескольких самолетах... Я пытался до тебя дозвониться, но там, где отец живет, связь просто кошмарная, и...

— Тсс... — произнесла Марион, приложив палец к губам Натана. И обняла его.

Глава 29

Сейчас

Марион сидела на заднем сиденье вертолета — огромного «Аэростара» из подразделения воздушной поддержки полицейской службы Лос-Анджелеса.

Ей уже доводилось подниматься на борт такого же (или похожего) вертолета, совершающего демонстрационный полет на авиасалоне в Ле Бурже в прошлом году. Такое право она получила как журналистка при подготовке очередного телерепортажа для Катрин Борман. Марион знала, что эти летательные аппараты разработаны конструкторами НАСА после миссии «Аполлон» и оснащены множеством хитроумных устройств — системой поиска угнанных автомобилей, управляемым с помощью джойстика инфракрасным сенсором, камерами высокого разрешения, позволяющими различать лица с высоты десять тысяч футов, и способной осветить целый стадион лампой — именно такой ее осветили, когда она стояла возле лачуги индейца.

Тогда, в Париже, она сочла этот эксперимент потрясающим. Пролететь от Ле Бурже до аэропорта имени Шарля де Голля со скоростью больше двухсот километров в час — это было невероятно: казалось, что не только одежда, но и кожа прилегает плотнее к телу. И этот чудовищный рев, от которого закладывает уши... Но она бы никогда не подумала, что ей когда-нибудь придется пролететь на таком вертолете в США.

К тому же с наручниками на заведенных за спину руках.

Марион смотрела на проносящийся внизу город. На голове у нее был антишумовой шлем. Все тело сотрясалось от мощной вибрации. Но несмотря на это, она испытывала чувство полной отрешенности от происходящего, да и от самой себя. Яркое освещенный Лос-Анджелес казался огромным неоновым узором посреди пустоты.

Зрелище завораживало. Она узнала некоторые строения даунтауна, стадион... Слева промелькнули огни аэропорта, в котором она приземлилась в пятницу — иначе говоря, целую вечность назад...

Вертолет приземлился рядом с огромным зданием: центральная часть, напоминающая башню, и два крыла по обе стороны от нее. Сверху оно напоминало гигантского голубя. Марион вывели наружу, предупредив, чтобы она наклонила голову.

Вместе с сопровождающими она вошла в здание и пересекла холл. В

конце оказалась рамка металлодетектора. За ней находились лифт и пологий боковой спуск в подвальные помещения; в начале спуска на стене висела табличка с надписью: «Для транспортных служб». Женщина-агент провела детектором вдоль тела Марион, обыскала ее сумку, забрала айфон и быстро ощупала одежду. Затем вставила в щель в стене пластиковую карту, и двери лифта разъехались в стороны. Женщина вошла в кабину лифта следом за Марион и нажала кнопку. Лифт поднялся на девятый этаж. Коридор, дверь... еще одна дверь, на этот раз с кодовым замком.

Марион оказалась в широком пространстве без окон, по обе стороны которого шли примерно три десятка дверей, одна за другой, каждая с небольшим окошком на уровне глаз. Сопровождавшая ее женщина открыла одну из дверей и слегка подтолкнула Марион внутрь. Там оказались вделанный в стену каркас с матрасом на нем, раковина и унитаз без крышки — все идеально чистое.

Марион ожидала найти здесь все то, что раньше видела только в фильмах — массу людей, грязь, тесноту, оскорбления, — но ничего подобного не наблюдалось. Ей даже оставили сумку и все личные вещи, за исключением айфона.

Женщина закрыла за ней дверь.

Очевидно, те, кто ее арестовал, решили, что нет смысла лишать ее чего бы то ни было еще — и без того в этом безымянном месте любая форма свободы была сведена к нулю.

Несколько часов спустя за ней пришел другой агент. Самое удивительное, что все это время она, кажется, проспала. Иногда сон становится вашим последним убежищем.

Ее привели в комнату, где из мебели были только два стула и стол, на котором лежала папка. У окна, спиной к входу, стоял какой-то человек. Марион тоже взглянула в окно. Оно выходило на большую парковку, окруженную несколькими теннисными кортами. Стояла прекрасная погода, светило солнце. Люди наслаждались свежестью первых утренних часов. Марион могла бы быть одной из них. Сидеть сейчас вместе с Корой на веранде какого-нибудь кафе, пить гренадин... Обычная туристка среди себе подобных...

Человек повернулся к ней. В руке он держал картонный стаканчик с кофе.

— Хотите кофе? — спросил он.

— Да, пожалуйста.

Он поднял большой палец и поднес руку к закрепленной под потолком камере. Буквально спустя несколько секунд другой агент принес кофе.

Человек жестом предложил Марион сесть и сам сел напротив нее. Затем раскрыл папку.

В его облике не было ничего угрожающего. Массивный, с квадратной челюстью. Серые глаза. Обручальное кольцо на левой руке.

— Я спецгент Аарон Альтман. Вы знаете, что это за место?

— Нет.

— Штаб-квартира ФБР в Лос-Анджелесе, на бульваре Уилшир.

Марион кивнула.

— Вы здесь потому, что похитили Хлою Фог, девочку тринадцати лет.

— Вы ее нашли?

— Нет.

Марион закусила губы, чтобы они не дрожали.

— Вы... вы хотите, чтобы я рассказала, что происходит?

Альтман холодно улыбнулся:

— Очень на это рассчитываю.

И Марион изложила свою историю. Это заняло почти час. Порой Альтман просил прояснить какие-то детали. Порой — вернуться в прошлое. Особенно часто он задавал уточняющие вопросы по поводу Троянца. Альтман ничего не записывал, и Марион сделала вывод, что их разговор фиксирует камера.

— Могу я задать вам вопрос? — в свою очередь спросила она, закончив рассказ.

— Пожалуйста.

— Как вы меня нашли?

— Мы перехватили последнее сообщение Троянца, отправленное в ваш почтовый ящик. Мы были уже на пути к автобусной остановке, где вы оставили Хлою, когда в местную полицию поступил анонимный звонок.

— Анонимный звонок?

— Кто-то увидел, как вы садились в старый военный фургон того индейца, Уойяка. Нам сообщили номер машины. В таких моделях, которые после списания продают частным лицам, имеется встроенный прибор геолокации, и мы смогли запеленговать его с вертолета. Найти вас после этого было просто детской игрой.

— Значит, анонимный звонок... — произнесла Марион после паузы. — И как бы случайно я села именно в такую машину, которую легко оказалось обнаружить... Странное совпадение, не так ли? Вам не кажется, что Троянец специально все это подстроил, чтобы навести вас на мой след? А сам тем временем скрылся вместе с Хлоей?

Альтман скрестил руки на груди. Казалось, его впечатлила ее логика.

— Да, мы и в самом деле об этом думали. Но есть и другой вариант.

— Какой?

— Вы и сами могли где-то спрятать Хлою.

— Никогда бы я не причинила вреда ребенку! Впрочем, и никому другому. Я...

— ХВАТИТ! — взревел Альтман.

Он мгновенно преобразился.

Марион вжалась в спинку стула.

Альтман ткнул указательным пальцем в лежащую перед ним папку и резко спросил:

— Где Хлоя Фог?

Марион смотрела на него, ничего не понимая. Можно было подумать, он не слушал ее в течение предыдущего часа.

— Я... я же вам уже сказала... я не знаю...

— Почему вы ее увезли?

— И это я вам говорила... Меня заставили... Троянец мне...

— Вы хотите, чтобы я поверил, что вы прибыли из Франции и похитили дочь доктора Фога только потому, что кто-то вам это приказал по Интернету?! Где Адриан Фог?

— Я видела его лежащим на больничной койке... Он был прикован наручниками...

— В каких отношениях с ним вы были? Что вы о нем знаете? Чего вы нам не сказали?

— Я вам все сказала.

— ВЫ ЛЖЕТЕ!

Альтман устало провел рукой по лицу.

— Ну что ж, начнем все сначала.

— Нет! — твердо сказала Марион.

Глаза Альтмана расширились от изумления.

— Что?

Марион могла бы заплакать, застонать, рухнуть со стула... Но ее тон странным образом становился все жестче. С тех пор как она одержала победу над индейцем, в ней поселилась какая-то новая невиданная сила. Сейчас Марион чувствовала почти эйфорию. Ей самой это казалось ужасным. Она спрашивала себя, не овладело ли ею временное безумие.

— Вы не слушаете, что я говорю. Так вот, я ничего больше не скажу! Я требую адвоката. Я ведь имею право на адвоката, не так ли? На видеозаписи я видела Адриана Фога прикованным к больничной койке. Судя по всему, его удерживают в заточении. А теперь Троянец похитил и

его дочь. Почему бы вам не сосредоточиться на этом психопате? А вы ведете себя так, словно подозреваемый — это Адриан!

— Так и есть.

— Но почему?

Альтман подвинул свой стул почти вплотную к ней и сел на него верхом, положив локти на спинку:

— Вы зашли за оранжевую вуаль.

— Что?

— За оранжевую вуаль. Так неофициально называется граница между графством Оранж и Лос-Анджелесом. Люди, которые живут по ту сторону, — не такие, как мы. В сущности, их не слишком интересуют те, кто живет в остальной части страны. Они — самые богатые люди Америки. Эдакие короли на вершине горы. И доктор Адриан Фог — один из них. Вы переступили черту, вы их видели. Это люди, для которых не существует правил. Никакое безумие, никакое извращение для них не чрезмерно. Они не считают себя простыми смертными. Но я здесь затем, чтобы напомнить им о Законе. — Он выпрямился. — Знаете, почему я интересуюсь Фогом? Я вам отвечу: потому что он является объектом федерального расследования в течение последних двух лет. Потому что его фонд не такой уж «бесприбыльный», как ему хотелось бы заставить всех в это поверить. И прежде всего потому, что мы полагаем, что его супруга, мать Хлои, погибла вовсе не в результате автомобильной катастрофы.

— Не в результате?... Вот как?..

— Мы полагаем, что она стала жертвой убийства, — ответил Альтман. Потом жестко прибавил: — И нет, вы не имеете права на адвоката. В сущности, у вас вообще нет никаких прав. После событий одиннадцатого сентября мы имеем полное право обращаться с вами как с противником во время боевых действий. В частности, держать вас здесь столько времени, сколько сочтем нужным.

— Но... почему?..

Аарон Альтман склонился к ее уху.

— Потому что, — прошептал он, — ваш друг, очаровательный доктор Фог, и его отец, знаменитый Большой Па, являются частью преступного мира. Потому что у нас есть основания полагать, что они сотрудничают с террористами. И еще потому, что вы, так или иначе, тоже в это вовлечены.

Часть III

Троянский синдром

Глава 30

Большой Па сидел на веранде в кресле эпохи Людовика XVI, абсолютно черном. Интерьер по большей части был выдержан в тех же тонах. Мебель, искусственные цветы, африканские статуэтки — все было темным. Сам хозяин был одет в антрацитово-черный костюм и тонкий пуловер в тон. Однако пол покрывали плиты из белого мрамора. Чуть дальше, во внутреннем дворике, среди садовых растений негромко журчал фонтан.

Большой Па любил контрасты. Он считал, что жизнь, достойная этого названия, не терпит полутонов. Человек, который хочет выжить, должен постоянно делать выбор. Действовать решительно, даже если приходится проявлять жестокость.

Он посмотрел на свои руки. Левая держала семейную фотографию. Правая — пистолет «Люгер парабеллум» девятимиллиметрового калибра. Не бог весть какое оружие, но стреляет хорошо. Еще в детстве, когда он жил в Чили, Большой Па узнал значение слова «парабеллум» на уроке латыни. *Si vis pacem, para bellum* — «Если хочешь мира, готовься к войне».

Он машинально почесал висок дулом пистолета, разглядывая фотографию.

Его сын Адриан. Внучка Хлоя. Евангелина, жена Адриана.

Последняя была мертва. Двое других исчезли.

Что он должен думать обо всем этом?

Большой Па не любил нападений на свою семью. В былые времена никто не осмелился бы совершить подобное святотатство. Будь то из страха или из уважения, ни один человек в здравом уме и твердой памяти даже пальцем не дотронулся бы до Армандо Сантоса Фигероа — таково было его настоящее имя. Такому человеку проще было бы сразу сброситься со скалы в море или прыгнуть в огонь — последствия в любом случае были бы равнозначны.

Он вздохнул.

Куда подевалось былое взаимное уважение? Прежде и копы, и бандиты никогда не преступали определенных границ. Можно сказать, те и другие соблюдали некий неписанный кодекс чести. Сейчас эти слова превратились в пустой звук. Никто уже не довольствуется убийствами отдельных людей — теперь направляют захваченные самолеты в небоскребы, устраивают настоящие боины в школах с помощью

автоматического оружия. Какой-нибудь сопляк может легко пристрелить вас за пачку сигарет...

Но может быть, он ошибается и дело вовсе не в этом.

Может быть, он просто постарел. Стал живым реликтом, ходячим воспоминанием. Черно-белым фильмом, непонятно как попавшим в эпоху стереоскопических фильмов, вытеснивших все остальное кино...

Он положил фотографию на стол и посмотрел на двух мужчин, стоявших перед ним на коленях.

— Один из моих информаторов из святой святых американской администрации, каковой является ФБР, недавно позвонил мне, — произнес он. — Похоже, какой-то тип по кличке Троянец решил серьезно вмешаться в мои дела. Это он похитил моего сына Адриана. А теперь в его руках и малышка Хлоя, которую вы должны были охранять.

Не вставая с кресла, Большой Па приставил дуло пистолета ко лбу высокорослого человека с изможденным лицом.

— У меня один простой вопрос: если я не могу на вас положиться, для чего вы тогда нужны?

— Ты можешь на нас положиться, — сказал человек низкого роста, обладавший комплекцией борца сумо.

— Можешь, — прибавил долговязый телохранитель.

Большой Па с сомнением прищелкнул языком.

— Мы лажанулись, — продолжал «сумоист».

— Это точно, — кивнул его напарник баскетбольного роста.

— И ты должен нас убить.

— Пиф-паф.

— Но мы еще можем тебе пригодиться.

— Еще можем.

Большой Па всегда считал, что эти двое — братья. И все равно не мог понять, как они ухитряются составлять такое абсолютное единство. Микадо и Брауни были не только наиболее опасными из всех наемных убийц, которых он знал. Второй их особенностью было то, что они проводили вместе двадцать четыре часа в сутки, триста шестьдесят пять дней в году. Они не имели друзей и знакомых. Они были одинаково равнодушны к деньгам и к власти и не обладали фактически ничем, кроме личного оружия. Когда один начинал фразу, другой ее заканчивал. В сущности они были чем-то вроде двух полушарий одного большого мозга.

Большой Па убрал пистолет от головы «баскетболиста»:

— Хорошо. Допустим, я оставляю вас в живых. Как вы рассчитываете найти Адриана и Хлою?

Микадо и Брауни, по-прежнему стоявшие на коленях, ничем не выразили своей признательности, как прежде не выражали страха.

— Мы скоро узнаем, как за это взяться, — ответил коротышка.

— Пиф-паф, — повторил его «брат».

Но на этот раз он улыбнулся.

Аарон Альтман провел ладонями ото лба к затылку и прикрыл глаза. Вот уже несколько часов он смотрел на эти гребаные доски «Веледа» с укрепленными на них фотографиями, рисовал стрелки, стирал, рисовал новые... Это ему осточертело и окончательно его вымотало. Его сотрудники, работавшие в соседних кабинетах, были не в лучшем состоянии. Некоторые дремали прямо за рабочими столами.

Альтман посмотрел на часы. Полдень, воскресенье. За последние сутки он допросил Марион Марш, а также назначил несколько расследований, но они пока не дали никакого результата.

Допрос Марион также оказался бесплодным. Она выглядела искренней, но он был уверен, что она рассказала ему не все. Когда он смотрел ей в глаза, у него возникало ощущение, что в ней горит какое-то внутреннее пламя. От нее исходила невероятная сила, весь ее вид выражал непреклонную решимость, которую мало кто из людей способен проявить, особенно при столкновении со столь могущественной властью, какой он обладал.

Что давало ей такую стойкость? Ее чувства к Адриану Фогу? Или она черпала силы из какого-то более глубокого источника?

Как бы то ни было, Альтман не смог ее расколоть. Теперь он ждал новостей с парижской набережной Кэ-д'Орсе, чтобы продолжить допрос.

Что касается Троянца, тот по-прежнему оставался для Альтмана полной загадкой. Его помощники загрузили все известные данные в программу ViCAP^[9] в надежде обнаружить элементы сходства с другими подобными преступлениями, в том числе совершенными в других странах, но все оказалось напрасно. Подобного псевдонима нигде раньше не встречалось, и ничего напоминающего методику действий Троянца через Интернет в базах данных других агентств не обнаружилось. Бюро по борьбе с киберпреступностью тоже ничем не порадовало. Да, разумеется, Троянец регулярно появлялся в «Фейсбуке», но его айпи-адрес постоянно менялся. Он тщательно запутывал следы, используя различные зарубежные серверы, так что было невозможно точно установить его географическое местонахождение. Теоретически он мог отправлять свои послания хоть из Лос-Анджелеса, хоть с Аляски.

Действительно ли Троянец похитил Хлою? Ничто не указывало на это напрямую. Он не прислал требования о выкупе, вообще не предъявлял никаких требований. И с чего вдруг это странное распоряжение, отданное им Марион, — отрезать пальцы индейцу Уойяку? Даже если Троянец хотел направить полицию по ложному следу, а сам тем временем увезти малышку Фог, почему именно такой след? Зачем ему понадобились отрезанные пальцы бывшего заключенного?

Нет, решительно, все эти элементы никак не состыковывались.

Альтман нажал кнопку стоявшего перед ним на столе телефона, поднеся трубку к уху:

— Есть что-нибудь новое об Уойяке? Я запросил его досье и данные медосмотра больше часа назад. Вы там спите, что ли?

Человек на другом конце провода извинился и пообещал прислать все требуемые данные в самое ближайшее время. Альтман положил трубку. И почти сразу же телефон зазвонил.

— Лучше бы у вас оказались хорошие новости, — почти угрожающим тоном произнес Альтман.

— И да и нет, — сказала помощница, латиноамериканская красотка и любительница строгих деловых костюмов.

— То есть как *и да и нет*?

— Только что доставили посылку. Она адресована вам.

— Лично мне?

— Да. Мы просканировали ее. И решили, что будет лучше, если ее откроют специалисты.

— Что в ней?

— Лучше вам самому взглянуть, шеф. Приходите к нам в лабораторию. И желательно побыстрее.

Глава 31

Дверь камеры Марион открылась. Вошла молодая женщина в деловом костюме.

— Пойдемте, мисс Марш, — сказала она, сделав приглашающий жест.

Марион с трудом поднялась. Ноги казались свинцовыми. Перед этим она долгое время пролежала неподвижно, глядя в одну точку — так как не могла предпринять никаких действий.

Женщина протянула руку, и Марион ответила рукопожатием.

— Я — агент Перес, — сказала латиноамериканка с официально-вежливой улыбкой. — Пришла забрать вас отсюда.

Марион растерялась. Что означает такая внезапная перемена в обращении?

Они прошли по многочисленным коридорам и снова оказались в более привычной для Марион атмосфере кабинетов с окнами и меблировкой. Марион заметила, что снаружи небо по-прежнему голубое. Невидимые тиски, все это время сдавливавшие ей грудь, наконец-то разжались. Агент Перес ввела ее в женскую раздевалку:

— Мы покинули пенитенциарный сектор и вошли в сектор для персонала. Вы можете принять душ, если хотите. Оставьте свои вещи на стуле, вам принесут чистую одежду. Вы также имеете право сделать один телефонный звонок.

— Почему вдруг такое отношение? — поинтересовалась Марион. — Еще вчера со мной обращались как с преступницей наихудшего сорта.

— Официально вы продолжаете считаться таковой. Но Аарон Альтман решил не морить вас голодом, даже несмотря на это.

— Очень любезно с его стороны. Но я не собираюсь падать в голодный обморок.

— Это мы увидим на брифинге.

— Брифинг — это что? Что-то вроде судебного процесса, только без адвоката?

Агент Перес посмотрела на нее странным взглядом, в котором одновременно отражались недовольство и невольное уважение.

— Поторопитесь, — сухо сказала она. — У нас не так много времени.

Не обращая больше внимания на Марион, агент Перес принялась набирать что-то на клавиатуре своего смартфона. Марион разделась и вошла под душ. Горячая вода, заструившаяся по плечам и спине, доставила

ей невероятное удовольствие. Она вымыла голову жидким мылом, затем принялась натирать им каждый сантиметр своего тела так лихорадочно, словно хотела смыть все воспоминания последних часов.

Она закрыла глаза и попыталась не думать ни о чем, кроме окутавшего ее пара и забвения... Но это ей не удавалось. Образ Натана, прикованного к больничной койке, постоянно всплывал в ее памяти. Хуже того — теперь к нему добавился еще и образ Хлои, стоящей на парковке и кутающейся в отцовскую куртку, слишком большую для нее. Марион снова видела перед собой разноцветные пряди волос девочки, ее большие голубые глаза, растерянно глядящие вслед отъезжающему автомобилю, словно в немой мольбе — не оставлять ее одну среди ночи, не исчезать так же внезапно, как уже исчезли ее родители...

Разумеется, у Марион не было выбора — индеец угрожал ей пистолетом. Но она должна была хотя бы попытаться что-то предпринять, даже если пришлось бы пожертвовать своей жизнью, чтобы сохранить жизнь ребенку. Однако она не сделала ничего.

В свои тринадцать лет Хлоя уже потеряла мать — при ужасных обстоятельствах. После этого она своими глазами видела, как в ее отца попала пуля. И наконец, ее бросила — фактически предала — Марион. Бросила совершенно неожиданно, самым наихудшим образом, оставив ее тело и душу в руках маньяка. Даже если девочка выживет, сможет ли она надеяться на что-то хорошее в этой жизни? Какое будущее она себе создаст в таком жестоком мире взрослых?

ФБР подозревало Марион в пособничестве террористам, но на самом деле все обстояло гораздо проще: ее сердце было полностью опустошено. Она не могла больше пролить ни одной слезинки, потому что чувствовала себя недостойной даже плакать. Борьба с индейцем в один миг лишила ее культурного слоя — с такой же легкостью снимают шелуху с луковицы, — оставив одну животную сущность. Сейчас готова была отслоиться и следующая оболочка, оставив ее душу полностью обнаженной. И то, что Марион видела в своей душе, казалось ей омерзительным: выяснилось, что она способна бросить на произвол судьбы другое человеческое существо. Что она до такой степени эгоистична — или просто глупа, — чтобы оставить ребенка в руках психопата. И поэтому она больше не рассчитывала ни на чье сочувствие по отношению к самой себе. В том числе на свое собственное. Страдать — вот все, чего она хотела.

Она закрыла воду, завернулась в полотенце и вышла из-под душа.

На этот раз она оказалась одна — латиноамериканка в деловом костюме уже ушла. На спинке стула висела чистая одежда, как и обещала

агент Перес, а на сиденье стоял поднос с едой, накрытый целлофановой пленкой. Картонный пакет молока, бутылка газировки, горячее блюдо, кукурузные хлопья... Марион выпила молоко, но не притронулась к остальному. Затем надела блузку, костюм, туфли на каблуке.

После того прощального взгляда Хлои она перешла в другой разряд женщин — вроде Катрин Борман. И если бы не чувствовала себя так, словно ее сердце разбилось на кусочки, ее наверняка позабавила бы такая ирония судьбы.

Вернулась агент Перес:

— Вы так и не поели?

— Нет.

— Как вам угодно. Идемте.

Марион со своей сопровождающей вошла в конференц-зал, где находилось примерно два десятка человек, бурно о чем-то спорящих.

— Что происходит? — вполголоса спросила она у агента Перес.

— Мы получили посылку. В ней оказались органические элементы.

— Н-не понимаю...

— Иначе говоря, элементы, относящиеся к человеческому телу. — Жестко взглянув на Марион, она добавила: — Пряди волос, окрашенные в разные цвета. Но самое главное — отрезанный палец.

Аарон Альтман призвал собравшихся к тишине. Человек в белом халате, судя по всему судмедэксперт, поднялся на помост и подошел к микрофону. Альтман пристально посмотрел в глаза Марион, но она выдержала этот взгляд. Он сделал ей знак сесть вместе со всеми остальными.

— В нашем распоряжении двенадцать полностью целых волос, сохранивших неразрушенную луковицу, — заговорил судмедэксперт. — Нам понадобятся двадцать четыре часа, чтобы сделать полный анализ ДНК митохондрия.

Он нажал клавишу пульта. Проектор старого образца направил на стену многократно увеличенное изображение волос, о которых шла речь.

— Но у нас уже есть первые результаты сравнительного анализа этих волос с теми, что были найдены на расческе Хлои Фог у нее дома. С уверенностью девяносто восемь процентов можно заявить, что это ее волосы. Кто-то срезал их и отправил нам в посылке.

Появилась новая фотография: отрезанный палец.

Большой палец.

«О боже... Нет!» — в смятении подумала Марион.

— Второй элемент — большой палец правой руки. Отрезан на уровне межфалангового соединения. Очень тонкая работа, выполненная с помощью хирургического инструмента. Я бы сказал, что человек, осуществивший эту операцию, весьма искусен — или же отсечение пальца просто является для него привычным делом. Мы обнаружили следы посттравматического кровотечения — это ясно указывает на то, что жертва в момент совершения операции была жива. Но мы также нашли многочисленные повреждения, появившиеся в результате долгого хранения при низкой температуре. То есть отрезанный палец долгое время хранили во льду.

— Мы получили его в изотермической упаковке, заполненной искусственным льдом, — заметил Альтман.

— Нет, этого было бы недостаточно для повреждений, о которых я говорил, — пояснил врач. — Этот палец отрезали много дней назад. — Взглянув в зал, он прибавил: — Итак, это не палец Хлои.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. С того момента, как получили эту информацию, мы проделали всю необходимую работу по восстановлению структуры тканей и получили отпечаток этого пальца. Мы загрузили его в картотеку IAFIS^[10] — в ней хранятся, помимо прочих, отпечатки пальцев всех медиков, обладающих лицензией. Это официальное распоряжение, которому они обязаны подчиняться. Результат был совершенно четкий и однозначный, он полностью подтвердил наши подозрения: перед нами на снимке правый большой палец Адриана Фога.

У Марион сжалось сердце. Человек, которого она некогда любила, был правой. Теперь, в любом случае, он уже никогда не сможет вернуться к работе хирурга. Марион даже не могла вообразить весь масштаб трагедии, которую представляла для него такая потеря. Но она понимала, что его нынешнее страдание безмерно, особенно если принять во внимание угрозу, нависшую над его дочерью.

Альтман поблагодарил медика, затем попросил большую часть присутствующих покинуть зал. Когда две трети людей вышли, он приблизился к Марион:

— Держите удар?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что самое тяжелое еще впереди. — Он озабоченно потер лоб. — Нам требуется ваше сотрудничество.

Марион холодно взглянула на Альтмана:

— Не понимаю. Вы угрожаете мне на протяжении нескольких часов,

вы отказываете мне в праве на адвоката, я даже не могу позвонить своему отцу, чтобы сообщить, где я. И теперь вы *требуете* от меня сотрудничества?

— Мы прочитали новое послание Троянца, которое он отправил на ваш почтовый ящик в «Фейсбуке», — сказал Альтман. — Однако адресовано оно не вам.

Он нажал кнопку пульта видеопроектора, и на стене появилась многократно увеличенная копия письма.

Здравствуйте, Аарон Альтман! Теперь в моем распоряжении и отец, и дочь. Доказательства тому вам уже отправлены. Как вы могли убедиться, Марион Марш невиновна, поскольку вы взломали ее почтовый ящик и прочитали нашу с ней переписку. Итак, вы в курсе, что я ею манипулировал. Вот мои дальнейшие инструкции.

1. Отмените «тревогу Амбер».

2. Освободите Марион Марш.

3. Отвезите ее в центр города, к строениям даунтауна, в одном из ваших служебных автомобилей. Я скажу вам, где ее посадить, ровно в восемнадцать часов.

4. Не пытайтесь меня перехитрить. Других посланий не будет. Если вы не выполните мои указания, обещаю, что буду присылать вам Адриана и его дочь в посылках по частям.

Кусочек за кусочком.

Пока от них ничего не останется.

Глава 32

Автомобиль ФБР ехал в направлении даунтауна.

Марион и Альтман расположились на заднем сиденье, два агента — впереди.

Наручники с нее сняли. Потирая запястья, Марион иронично думала о том, не поблагодарить ли ей за это своих спутников. Вместо статуса террориста, лишённого всяких прав, вы получаете статус положительной заключенной, согласившейся сотрудничать с представителями закона. Это ведь повод для того, чтобы выразить свою признательность, не так ли?

— Мы направили в СМИ опровержение, — сказал Альтман. — Теперь официально считается, что Хлоя Фог уехала в морское путешествие с одной знакомой семьи. Мы повернули дело таким образом, что это выглядит как обычное подростковое бегство. Хлоя якобы в безопасности, а мы дополнительную информацию получим после беседы с этой самой знакомой. Ваша фотография и персональные данные убраны из списков людей, которых разыскивает полиция. «Тревога Амбер» отменена.

Не отрывая глаз от папки, раскрытой перед ней, Марион спросила:

— А семья Хлои купилась на эту историю?

— Я связался с ее дедом, знаменитым Большим Па. Объяснил ему реальное положение дел, не вдаваясь в подробности — не упомянул ни о Троянце, ни о его манере действовать. Дал понять, что в его интересах сотрудничать с нами. Мы лжем СМИ, чтобы тем вернее схватить преступника, — это классика. На данный момент Большой Па согласился с условиями сделки. Но я не питаю особых иллюзий на его счет. Мы хорошо друг друга знаем, старый лис и я. Вы — единственный след, который может привести его к членам его семьи. Он наверняка попытается что-то предпринять.

Марион промолчала.

— Вы ведь не знаете, кто он, не так ли? — спросил Альтман.

Она опустила глаза:

— Вы сказали, что он является частью преступного мира. Что он сотрудничает с террористами.

Некоторое время Альтман размышлял, словно мысленно дозируя информацию.

— Я сообщу вам только самое основное, чтобы вы составили себе общее представление, — наконец заговорил он. — Настоящее имя

Большого Па — Армандо Сантос Фигероа, он родился в Чили в сороковых годах прошлого века. Но позже исколесил всю Южную Америку. Кем только он не был — и золотоискателем, и революционером, и скупщиком краденного... Но больше всего он заработал на торговле наркотиками. Чили — один из самых крупных экспортеров семги в мире. А также основной перевалочный пункт поставки наркотиков в Европу. В те времена Армандо Фигероа прятал наркотики среди замороженной рыбы, идущей на продажу за границу. Вот на этом он сколотил себе состояние. Затем он перебрался в Мексику. Там он занялся другими поставками — за деньги переправлял нелегальных иммигрантов в США. Вот тогда он и получил прозвище Большой Па — для всех этих людей он стал кем-то вроде крестного отца. Однако многих из его «крестников» не назовешь безобидными. Это были террористы, для которых он устраивал тренировочные лагеря. Не в иракской пустыне, а всего в каких-нибудь трехстах километрах отсюда. Он настоящий король преступного мира. К тому же искусный проводник, которому ничего не стоит незаметно внедрять террористов в нашу среду. И мы полагаем, что Адриан, при его медицинских талантах, мог работать на отца — лечить его подопечных.

Марион пристально посмотрела на агента ФБР.

— Я не думаю, что он на это способен. Адриан ненавидит своего отца, он сам мне это говорил, — наконец произнесла она.

Альтман слегка приподнял брови:

— *Ненавидит?* Вы говорите в настоящем времени, как будто расстались с ним только вчера?

Марион отвела взгляд.

— Согласно тому, что вы сказали на допросе, — продолжал Альтман, — он исчез пятнадцать лет назад. Адриан Фог взял себе фальшивое имя, жил во Франции, у него была недолгая связь с вами, потом он внезапно вас бросил. Он вам лгал. Его отец — бандит по всем общепринятым меркам. И вот теперь вам оказалось достаточно, чтобы какой-то незнакомец прислал вам сообщение на вашу страничку в социальной сети — и расставил вам ловушку, — и вы очертя голову бросились в этот омут, желая отыскать вашего бывшего друга!

Помолчав, он спросил:

— Вы все еще любите его, не так ли?

— Я просто хочу понять.

— Понять что?

— Почему он исчез.

— Но это же очень просто. Люди расходятся. Так всегда было.

Неужели такая большая девочка, как вы, этого не знает?

Он сунул руку во внутренний карман пиджака со словами:

— Сейчас я вам кое-что покажу. — И протянул ей фотографию молодого человека, сидящего в инвалидном кресле. — Это мой сын. Ему двадцать три года. Он неудачно упал, катаясь на водных лыжах. Мы с ним вдвоем отдыхали на Багамах. У меня там летний домик. Мой сын упал и сломал позвоночник. С тех пор он прикован к инвалидному креслу. Моя жена смертельно возненавидела меня за это — потому что в той поездке я был с ним. Она ожидала, что я повинюсь, или буду спорить с ней, или потребую развода, или еще что-то в таком духе. Но я просто отстранился. Я не хотел ввязываться в бесплодный конфликт, поэтому перестал с ней разговаривать. В конце концов это она потребовала развода. — Альтман постучал кончиками пальцев по фотографии. — Теперь мой сын живет со мной.

Агент, сидевший за рулем, поднял руку, давая понять, что они приехали в центр города. Альтман велел повернуть направо на ближайшем перекрестке и припарковаться среди зданий даунтауна. Потом обратился к Марион:

— Ну что ж, пришло время возобновить контакт с Троянцем. Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — бесстрастно ответила она.

— В самом деле?

— А что вы хотели от меня услышать?

— Правду.

— Что ж, тогда я чувствую себя как в кошмарном сне с открытыми глазами. Это вас устраивает?

— Понимаю.

— Я бы удивилась, если бы вы и в самом деле понимали.

— Потому что я коп?

— Нет.

Автомобиль остановился.

Марион повернулась к Альтману:

— Потому что вы мужчина. Я сделала непростительную вещь, оставив Хлою, и прекрасно это сознаю. Троянец манипулировал мной, и я поступила предсказуемым образом. Теперь ваша очередь. Вы точно так же мной манипулируете. Ну и какая между вами разница? Это чисто мужской трюк. Вам нравится ощущать, что женщина полностью в вашей власти. Когда ты еще девочка, отец постоянно тебя оценивает, хотя ничего не говорит. Наблюдает за тобой, внушает тебе свои правила. Заставляет

воплощать в жизнь собственные мечты, которые ему осуществить не удалось. А ты готова землю носом рыть, чтобы только дожидаться его снисходительного одобрения, крошек со стола его любви... Потом у тебя появляется бойфренд. Он заставляет тебя поверить во множество прекрасных вещей — но, в сущности, всего лишь хочет с тобой спать. Потом приходит черед твоего патрона, ради которого ты вкалываешь как сумасшедшая, в надежде на повышение или просто ради того, чтобы ему угодить. И конечно же он это знает. Я уж не говорю о случайных знакомых вроде того индейца, которые заставляют тебя демонстрировать все худшее в себе, когда доведут тебя до крайности. И вот теперь вы. Изображаете передо мной безутешного отца, показываете фотографию сына-инвалида... Но все, чего вы хотите, — это вычислить Троянца и найти Адриана. А больше всего — арестовать Большого Па. Что вас, в конечном счете, интересует, кроме вашего собственного продвижения по службе? Хлоя и я — это всего лишь незначительные детали, сопутствующие обстоятельства. Вы нами манипулируете. Снова и снова. Ну и на здоровье, делайте свою работу. Только не надо вешать мне лапшу на уши.

Лицо Альтмана окаменело.

Затем он протянул ей айфон, конфискованный у нее накануне, и сухо сказал:

— Включите.

Марион повиновалась.

— Войдите в «Фейсбук».

«Роке» — появилось почти мгновенно.

Добрый день, — написал Троянец. — Начнем с идентификации. Просто ради того, чтобы убедиться, что говорю именно с вами, а не с одним из агентов ФБР. Загадка: кто работодатель вашего отца?

Марион размышляла.

В последний раз она виделась с отцом в джаз-клубе. Наконец она напечатала название клуба:

Герцог Ломбардский.

В ответ появился длинный ряд смайликов.

Прекрасно! Рад, что снова с вами общаюсь, Марион. Игра

возобновляется!

Глава 33

Раньше

Марион сидела в ресторанчике на набережной Сены в компании своего отца.

Она выбрала это место из-за того, что оттуда, со стороны Сен-Мишель, открывался великолепный вид на Нотр-Дам. Отец заказал два стейка и два бокала вина. Не желая его раздражать, Марион не стала отказываться. Вместо этого она разрезала мясо на мелкие кусочки и время от времени накалывала вилкой и подносила ко рту один из тех, что оказались в середине, а остальные отодвигала к краям тарелки, создавая так видимость того, что действительно ест. Отец был явно этим доволен и сам ел с завидным аппетитом. Если бы он заметил, что мяса на ее тарелке почти не убывает, это стоило бы ей доброго получаса нравоучений. Поэтому приходилось прибегать к отвлекающим маневрам. В конце концов, так было лучше для обоих.

— Значит, вон там ты работаешь? — спросил отец, указывая вилкой на Отель-Дье.

— Да, — ответила Марион.

— И тебе нравится?

— Вполне.

— Ты завела друзей?

— Да, нескольких.

Во время еды отец орудовал вилкой, держа ее правой рукой, а левая рука его лежала на колене — типично американская привычка, одна из составляющих его хороших манер. Но Марион знала, что сейчас у него есть для этого и другая причина — в последнее время он не слишком любил выставлять левую руку напоказ. Удивительно, но большинство людей этого не замечали. Его манера прятать левую руку, так же как ее манера делать вид, что она ест, лучше других доказательств свидетельствовали о том, что они — члены одной семьи.

— У тебя много работы?

— Да, порядочно.

— Это интересно?

— Да.

Он кивнул и слегка улыбнулся.

— Что такое? — спросила Марион.

— Так, ничего. Твоя манера отвечать.

— А что? Я ничего особенного не сказала.

— Вот именно, — ответил он, отправляя в рот кусок мяса лишь немногим тоньше доски для сёрфинга. — Ничего не сказала. И так всегда. Еще в детстве из тебя приходилось тянуть ответы клещами. Твоя мать называла это «синдром школьной амнезии». Дети проводят целый день в школе, а когда вечером их дома спрашивают, что они делали, они отвечают: «Ничего».

— Я уже не ребенок.

Отец промокнул губы салфеткой:

— Но ты по-прежнему моя дочь. И я тебя немного знаю. — Слегка подмигнув, он спросил: — И как его зовут?

— Кого?

— Ну, не изображай святую невинность. Я же вижу: ты почти не притронулась к еде. Ты выпила всего пару глотков вина — очевидно, чтобы меня не раздражать. Стало быть, ты бережешь фигуру. К тому же ты очень хорошенькая сегодня.

— Можно подумать, обычно я уродливая.

— Да нет. Но ты тщательно накрашена, волосы у тебя уложены идеально. Ты следишь за собой. И очевидно, все мои расспросы тебя несколько не интересуют. К тому же ты ерзаешь на стуле, все время смотришь на часы. Значит, все эти старания были не ради меня.

Марион слегка нахмурилась:

— Ты решил провести персональное расследование по поводу своей дочери?

— Ах да, забыл добавить: ты стала очень обидчивой. Все вместе говорит о том, что ты влюбилась. Поэтому я повторяю свой вопрос: как его зовут?

Марион вздохнула:

— Натан.

— Ах, Натан. А фамилия у него есть?

— Чесс. Натан Чесс.

— Звучит по-американски. Он американец?

— Не знаю.

— Ты его об этом не спрашивала?

— Нет, не спрашивала. Я не составляю подробные досье на людей, с которыми общаюсь. Это твое поле деятельности.

Отец покрутил вилок в воздухе:

— Рассказывай.

— Что ты хочешь от меня услышать?

— Не знаю. Ну, например, чем он занимается. Он высокий? Низкий? Красивый? Из иммигрантов?

— Мне не нравится, когда ты становишься расистом.

Он нахмурился:

— Я не расист. Просто пытаюсь узнать о нем побольше. Ты прекрасно знаешь, что я никогда не был расистом.

— Что-то у меня стали появляться сомнения...

— Я сам иммигрант, ты не забыла? Иммигрант и сын иммигрантов. Я уважаю людей, решившихся пойти по этому пути. Требуется исключительное мужество, чтобы обрубить свои корни и устремиться в неизвестность. Твои дед и бабушка покинули Польшу и отправились на корабле в Нью-Йорк. Они переделали свою фамилию на американский лад. Они много ждали от этой страны, своей новой земли обетованной, как они ее называли. Но ничего не добились и умерли в нищете. *Американская мечта*, говоришь? Посмотри, во что превратилась эта нация! Буш дал нам увидеть это в красках! А в один прекрасный день, вот увидишь, эстафету подхватит его бездарный сын. Поэтому мне пришлось проделать путь своих родителей в обратном направлении...

— ...а потом ты встретил маму на Лазурном Берегу... и так далее, и так далее... Это все прекрасно, папа, но ты рассказывал мне эту историю уже сто раз.

— Это не имеет значения. Я просто хочу напомнить, что имею право навести справки о твоём новом друге. У меня всего одна дочь. Я хочу, чтобы с ней не случилось ничего плохого. Вот и все.

Марион скрестила руки на груди:

— Он хирург. Начальник отделения. В котором я сейчас работаю. Иначе говоря, он мой шеф.

Отец пристально посмотрел на нее:

— Ты шутишь?

— Ну вот. — Марион слегка поморщилась и отпила глоток вина. — Я знала, что именно так ты и отреагируешь.

— Ты встречаешься со своим шефом? Ты подумала о проблемах, к которым это может привести?

— Нет. Просто в одно прекрасное утро я проснулась и подумала: а не совершить ли мне какую-нибудь глобальную ошибку, вот прямо сегодня?

— Твой сарказм совсем не обязателен.

— Сарказм — это у тебя. Ты никогда в меня не верил.

— Я только хочу тебя защитить.

— Но я и сама могу это сделать, папа.

Она произнесла это резче, чем хотела. Отец ничего не ответил. Покончив со стейком, он заказал кофе. Какое-то время они молчали.

— Я тебя провожу? — наконец мягко спросил он.

— Хорошо.

Рука об руку они вышли на улицу и направились к Отель-Дье, обдуваемые свежим ветерком. Когда они пересекали мост, отец заметил, что вода в Сене почти всегда довольно мутная. Затем Марион указала на грандиозную сцену, сооружаемую возле собора Парижской Богоматери для концерта оперной певицы Джесси Норман. Отец одобрительно присвистнул. Они уже подошли к больничной ограде, и в этот момент появился Несс: в белом халате, явно усталый, идущий своей быстрой нервной походкой — словом, такой как всегда.

— Увидимся на работе, — не останавливаясь, сказал он Марион.

Последовало секундное замешательство. Затем Чесс, кажется, осознал ситуацию. Он повернулся, подошел и протянул руку со словами:

— Вы — отец Марион?

— Да.

— Здравствуйте. Я — Натан.

— Я знаю, кто вы.

Отец по-прежнему держал руки в карманах.

Натан опустил руку.

— Ну что, тогда до скорого, — сказал он Марион и тут же, развернувшись, отошел, не тратя времени на другие проявления вежливости.

Некоторое время Марион смотрела ему вслед, затем повернулась к отцу:

— Ты и в самом деле невыносим.

— Мне не нравится этот тип.

— Да ты его видел всего пару секунд!

— Иногда этого достаточно, чтобы понять, кто перед тобой. — Он коснулся губами ее щеки, потом добавил: — Не позволяй ему причинить тебе боль. Иначе ты от этого никогда не оправившись.

И в свою очередь развернулся и ушел.

Смеркалось. Марион стояла у окна в Малом блоке, расположенном на первом этаже службы скорой помощи.

В Нотр-Дам шла репетиция детского хора. Только что отзвучала «Аве Мария», и глаза Марион были полны слез.

Вы плотнее кутаетесь в свой белый медицинский халат, чувствуя проникающий снаружи холод. Здесь, под защитой мощных стен и гранитных арок векового здания, вы ощущаете себя лишь частицей какого-то огромного несокрушимого тела. Вам кажется, что вы расчувствовались из-за музыки или из-за романтических мечтаний, но спустя некоторое время понимаете, что дело совсем в другом.

Дверь распахнулась, и вошел Натан.

— Эти рождественские гимны вполне симпатичные, — сказал он весело. — Вчера произошел забавный случай: Азиз зашивал одного абсолютно пьяного парня. И вдруг на площади перед собором запел многоголосый хор. Пьяный вмиг очнулся прямо на операционном столе и проговорил: «Черт меня подери, что это?» Азиз невозмутимо на него посмотрел и ответил: «Вы умерли и попали в рай. Видите, кругом все в белом. А это поют ангелы». — Рассмеявшись, Натан прибавил: — Нет, ну ты только представь себе!.. Азиз — это что-то невероятное! Это же надо, наша администрация платит ему в два раза меньше, чем интерну, тогда как в своей стране он был хирургом, а здесь работает за четверых!.. Кроме того, у него есть чувство юмора.

— Ты так говоришь, как будто сам иностранец.

Натан заметил озабоченность в ее тоне и подошел к ней вплотную:

— Что случилось? Что-то не так?

— Не так...

Марион отстранила его и сделала несколько шагов по комнате.

— Мы уже довольно долго встречаемся. И я по-прежнему ничего о тебе не знаю.

— Но моя жизнь проходит у тебя на глазах! Я провожу ее здесь!

— Я не знаю ни кто ты, ни чего ты хочешь.

Он отвел глаза:

— Я — доктор Натан Чесс. Не более того. Я приехал из Чили. Да, я в самом деле кто-то вроде Азиза. Я окончил университет с отличием. Мне двадцать восемь лет. Мой отец... это мой отец. У него есть деньги. И вот теперь я здесь. С тобой. Это все.

— Этого недостаточно! — воскликнула Марион.

Натан явно был изумлен.

— Я всего лишь студентка, — продолжала она. — Ты, наверно, даже не заметил, но я больше не хожу на занятия. Только работаю у тебя. Вообще-то не предполагалось, что я буду это делать. У меня нет статуса интерна. Но мне нравится быть здесь, с тобой. А ты — что-то вроде призрака, постоянно ускользающего, непредсказуемого... То тиран и

деспот — с другими людьми, то сама любезность — со мной... Но я прекрасно вижу, что единственное место, которое тебя притягивает, где ты по-настоящему счастлив, — этот проклятый операционный блок, в котором я вообще ни разу не была... Это твой мир, и ты не позволяешь мне туда войти. Я совершенно сбита с толку, ты понимаешь? Мой отец в тебя не верит. Конечно, можно сказать, что он старый брюзга, что он глупец, что он нарочно действует мне на нервы. Но дело в том, что он часто оказывается прав. И тогда я спрашиваю себя: а не глупа ли я сама? — Она сжала руки перед собой. — И все это при том, что мы даже... даже не...

Натан нервно расхаживал по комнате, размахивая руками.

— Все не так просто... Я не могу жениться на тебе официально. Если мы зайдем дальше, ты можешь решить, что я тебя просто использую. И я не могу ничего тебе обещать. Ну да, я хирург... один из лучших... и я хочу совершенствоваться в своей профессии. Если мы это сделаем, все очень сильно осложнится...

— Его левая рука отказывается ему служить, — перебила Марион со слезами в голосе.

Натан застыл на месте:

— Что?

— У отца... левая рука постепенно атрофируется. Это ревматизм. А отец — джазовый пианист. Если это будет продолжаться, он сможет только составлять партитуры для оркестра. Раньше я никогда об этом не думала. В любой семье есть свои проблемы. Но с тех пор, как я оказалась здесь, у меня такое ощущение, что мир превратился в ужасное место! Теперь я не замечаю в нем ничего, кроме вот таких вещей. Болезни, травмы, беспомощность... Да, я знаю, что рано или поздно все умирают, но раньше я не думала об этом постоянно!

Марион замолчала.

Вам двадцать лет. Вы думаете, что идете по спокойной, мирной долине, но вдруг понимаете, что на самом деле это та самая «долина смертной тени», о которой говорится в двадцать втором псалме, самом мрачном — его всегда читают на похоронах.

— Ты из-за этого продолжаешь оставаться здесь, вместо того чтобы попробовать стать журналисткой, как тебе всегда хотелось? — спросил Натан. — Ты надеешься, что когда-нибудь сможешь вылечить руку отца?

Марион не ответила.

— Пойдем, — сказал Натан, увлекая ее за собой.

Было уже восемь вечера. Операционный блок пустовал.

Тишина и тени. Запах дезинфицирующих средств в холодном воздухе.

Не говоря ни слова, Натан снял одежду с Марион. Она не сопротивлялась. Он действовал очень мягко и осторожно. Затем надел на нее врачебную рабочую одежду. Тщательно вымыл ей руки.

— Пойдем, — повторил он.

Он нажал клавишу выключателя, и операционный блок осветился. Вспыхнули синие и зеленые огни хирургических бестеневых светильников. Снаружи, за матовыми оконными стеклами, шел снег, заглушая уличный шум. Всюду переливались рождественские гирлянды.

Натан разложил на столе инструменты.

Затем подвел Марион к столу, встал у нее за спиной и взял ее руки в свои.

— Вот это — пинцет Кочера. Это — ножницы Майо. Расширители Фарабо. Пинцет Келли...

Одновременно он заставлял ее пальцы касаться называемых инструментов, позволяя ей ощутить все их изгибы, выступы и углубления.

— Это твои рабочие инструменты. Иначе говоря, продолжения твоих рук. С их помощью ты сможешь исцелять. Спасать жизни. Изменять мир. Контролировать хаос, который тебя окружает. Здесь ты ничего не должна ни своему отцу, ни кому-то другому. Здесь ты можешь обо всем забыть.

Позже они поднялись в комнату дежурных врачей, с видом на крыши Парижа. Натан принялся раздевать ее — долго и осторожно, как перед этим в операционном блоке.

И там, благодаря его бесконечному терпению и нежности, они наконец стали любовниками.

Глава 34

Сейчас

- *Игра возобновляется,* — написал Троянец.
- *Куда я должна идти?*
- *На пирс Санта-Моники, к 18.30.*

Альтман сделал знак шоферу трогаться с места.

— Вот засранец...

Потом произнес в «уоки-токи»:

— Отзовите стрелков. Троянца здесь нет. Уходим все.

Марион увидела отъезжающие с парковки автомобили и краем глаза заметила слабые блики над ближайшей крышей.

— Заставил нас сменить диспозицию, — пробормотал Альтман. — Не хочет, чтобы мы подготовились... Хитрец. Ну ладно...

Они выехали на междугородное шоссе номер 10. Строения даунтауна потянулись слева, постепенно оставаясь позади.

Во время поездки Альтман инструктировал Марион:

— В каблуке вашей туфли — жучок Джи-пи-эс. Второй вшит в подкладку вашего костюма. Они крошечные. Батарейка позволяет им работать всего в течение часа, поэтому мы активируем их, только когда прибудем на место. Кроме того, ваш телефон прослушивается, и мы наблюдаем за вашей страницей в «Фейсбуке». У вас будут беспроводной наушник и микрофон. Какой бы способ ни избрал Троянец для связи с вами — мы будем в курсе.

— Почему он захотел, чтобы я приехала в Санта-Монику?

— Потому что там толпа народу. Сегодня воскресенье.

— Много туристов?

— И туристов, и студентов — у них каникулы.

— Думаете, он рискнет показаться?

— Возможно. Он действует нестандартно.

— А стандартно — это как?

— Например, потребовать выкуп. Или что-то другое. Но не этого он хочет. — Взглянув на нее, Альтман прибавил: — Ему хочется поиграть с вами.

Марион нервно облизнула губы.

Альтман проверил предохранитель своего пистолета, затем убрал оружие в кобуру:

— Не беспокойтесь. Мы привыкли к подобным ситуациям. У нас есть в резерве все необходимое. Нас сопровождают пять машин и десяток агентов в штатском. Позже еще присоединятся. Перес и я будем постоянно наблюдать за вами в бинокль. Что бы ни случилось, вы не потеряете связи с нами. Делайте все, что Троянец вам скажет, — остальное мы берем на себя.

Они выехали на Палиссад-Бич-роуд и остановились возле пирса. Парковка была забита. На пляже, справа от понтонного моста, шел какой-то праздник. Наблюдая за ним сквозь тонированное стекло, Альтман велел Марион надеть под костюм пуленепробиваемый жилет.

— Кевлар, — кивнул он на жилет.

— Это и в самом деле необходимо?

— Лучше обойтись без лишнего риска, — ответил он.

Затем просунул под ее блузку микрофон и закрепил его на жилете с помощью клейкой ленты. Батарейку он прикрепил на уровне ее талии, сзади, потом включил прибор и проверил звук. Другой агент проверил оба жучка Джи-пи-эс.

— Видите? — спросил Альтман, показывая ей дисплей небольшого приемного устройства. — Мы будем следить за вашими перемещениями по спутниковой связи. Ваше положение будет определено с точностью до одного метра. Но не заходите ни в какие здания без моего разрешения — если стены окажутся достаточно толстые, сигнал прервется.

— Вы не пойдете со мной?

— Нет. Эта машина — передвижной командный пункт. Отсюда я смогу отслеживать ситуацию в целом.

Альтман слегка погладил ее по руке.

— Не беспокойтесь, — повторил он. — Я уже знаю ваше мнение о *мужчинах, которые вами манипулируют*. Особенно если это типы вроде меня. Но мы не оставим вас без поддержки.

Марион кивнула:

— Хорошо.

Альтман снова заговорил в «уоки-токи», отдавая агентам в штатском приказы рассредоточиться. Марион увидела, как агент Перес и десяток мужчин выходят из автомобилей и смешиваются с толпой. Затем Альтман вынул из кармана платок и вытер лоб:

— Ну что? Вы готовы?

Марион снова кивнула и перевела дыхание — только что она заметила, что последние минуты почти не дышала.

— Ну что ж, идите. — Перегнувшись через нее, Альтман протянул руку и распахнул дверцу машины. — Удачи.

Глава 35

Марион шла по пирсу.

Солнце заливало его закатными лучами. Несмотря на поздний час, Марион почувствовала, как на лбу выступают капли пота.

Туристов были десятки: семьи с детьми, парочки, державшиеся за руки... Пахло картошкой фри и сахарной ватой. В больших цветочных ящиках росли пальмы, их листья шуршали на ветру.

Марион миновала карусель с деревянными лошадками. Полицейский пост. Полицейского в униформе и черных очках. Продавца мороженого с длинной бородой. Толстяка с плюшевым медведем в руках. Человека в цветастой рубашке, щелкающего фотоаппаратом.

Кто же из них Троянец?

— Все в порядке? — спросил голос Альтмана в наушнике.

— У меня голова идет кругом.

— Только без паники. Продолжайте идти. Дойдите до колеса обозрения. Он точно где-то в этом секторе. Сюда только один вход, и, когда мы обнаружим Троянца, мы его заблокируем. Ему не удастся сбежать.

— Хорошо, — выдохнула Марион.

Вы уже знаете это странное ощущение — каким-то непонятным образом вы оказались внутри фильма и не можете из него никуда деться? Вы вынуждены перемещаться по нему. Горло у вас сжимается, проклятый кевларовый жилет давит на ребра, не давая дышать. Вы задыхаетесь.

На несколько секунд Марион остановилась у перил и попыталась сосредоточиться только на ярко-голубой поверхности моря. Толпы людей вызывали у нее дурноту.

Или это просто страх?

Она сделала еще несколько шагов. Беззубый старик рядом со стендом мягких игрушек объявлял в микрофон выигрышные лотерейные номера. Ничем не примечательный человек, отделившись от толпы, прошел мимо Марион, сильно толкнув ее, и быстрыми шагами удалился.

— Кто вас толкнул? — тут же спросил Альтман.

— Не знаю... ничего страшного.

— Мы этим займемся.

Краем глаза она заметила, что толкнувшего ее человека остановили два агента в штатском, в двадцати метрах от нее; предъявив ему свои удостоверения, агенты повели его к полицейскому посту.

— Что-нибудь выяснилось? — спустя некоторое время спросила Марион.

— Проверяем документы. Одну секунду.

Пауза.

Потом Альтман снова заговорил:

— Он чист. Обычный человек, который куда-то спешил. Но мы все же за ним проследим.

Марион продолжала идти. Но тут к ней шагнул беззубый старик, распоряжавшийся лотереей игрушек.

— Держите! — воскликнул он. — Вы выиграли.

И протянул ей пакет с плюшевым медведем внутри. Затем, словно тут же забыв о ней, вернулся на свое место.

Марион смотрела на игрушку, ничего не понимая.

Плюшевый медведь, одетый в кожаную куртку наподобие «Перфекта».

Один его глаз проткнут булавкой, к которой прицеплена записка.

Ни слова.

Или Хлоя умрет.

Идите на пляж.

По сигналу наденьте маску.

Ее окатила ледяная волна ужаса.

В пакете оказался еще один предмет.

Маска из латекса.

Это было нечто вроде античного шлема, наполовину закрывающего лицо, черного и зловещего, с вертикальной металлической полосой посередине. Изнутри к нему крепилась черная вуаль, позволяющая скрыть лицо полностью.

Марион вспомнила курс истории. Если бы в руках у нее был не муляж, а настоящий шлем, он мог бы напугать любого из античных греческих солдат. Те, кто носил такие шлемы, похитили Елену, царицу Спарты, и развязали одну из самых кровопролитных древних войн.

Это был шлем троянского воина.

— Что происходит? — спросил голос Альтмана в наушнике.

Ни слова.

Или Хлоя умрет.

— Ни... ничего. — Она слегка приподняла пакет, чтобы фэбээровцы могли разглядеть его в свои бинокли. — Просто плюшевый медведь. Таких раздавали всем прохожим.

Она развернулась и спустилась по ступенькам на пляж.

— Что вы делаете?

— Иду на пляж.

— Но Троянец велел вам быть на пирсе.

— Но сам он не здесь, вы же понимаете? Ведь вы не видите его на пирсе? Поэтому я спускаюсь на пляж. Вы хотите задержать его — да или нет?

На пляже шел концерт. С летней сцены неслась во все стороны громкая музыка. На опорах, установленных по обе стороны сцены, вращались прожекторы, посылающие в пространство луны разного цвета.

Ну да, студенческие весенние каникулы...

Марион сняла туфли и оставила их на песке.

— Что вы делаете?! Вы потеряли один из двух жучков Жи-пи-эс!

— Я не могу идти на каблуках по песку! И перестаньте так вопить, иначе я выброшу и этот чертов наушник!

В нескольких метрах впереди молодые люди соревновались в «пивном конкурсе»: они торопливо заглатывали целые литры пива, которое при этом проливалось, стекая по шее и груди парней.

Марион продвигалась ближе к сцене. Толпа становилась все плотней. Пляжем завладела молодежь — бритоголовые юноши в бейсболках, с серьгами в ушах, девушки в купальниках, с татуировками в нижней части спины. Когда-то давно Марион была такой же, как они... В какой-то момент, когда солнце превратилось в огромный красный шар над океаном, музыка загрохотала еще сильнее, и в воздух взметнулись сотни ярких цветных растяжек с одной и той же надписью:

МИСТЕР ФЛЭШ ЗДЕСЬ!

Толпа пришла в возбуждение. На сцену поднялся диджей. Публика завопила, захлопала, засвистела, потрясая бутылками с пивом, флажками и растяжками в знак приветствия своего кумира.

— Мне это не нравится... совсем не нравится, — проговорил Альтман, наблюдая за толпой в бинокль. — Слишком много людей! И остальные наши агенты еще не прибыли в этот сектор...

Толпа становилась все плотнее. Марион попыталась отвоевать для себя хоть немного свободного пространства, но вскоре поняла, что долго не продержится. Ее охватила паника. Она нервно потрогала наушник.

— Вы уверены, что ситуация у вас под контролем?

Альтман не отвечал. Когда он в очередной раз обводил биноклем

собравшуюся на пляже толпу, один человек привлек его внимание.

Точнее, два человека.

Один — высокий и худой, другой — с комплекцией борца сумо.

Альтман резко откинулся на спинку кресла:

— Черт возьми! И эти здесь!

— Что вы говорите? — закричала Марион в микрофон, одновременно прикрывая ладонью наушник.

— Наемники Большого Па. Они на другом конце пляжа.

Толпа снова завопила. Прожекторы бешено закрутились на верхушках мачт. Диджей — тот самый Мистер Флэш — возвышался над толпой, приветственным жестом вскинув руки вверх. Его лицо наполовину закрывали зеркальные очки, длинные волосы развевал ветер. Диджей был похож на Аттилу, вождя гуннов, вззирающего на свои дикие орды. Только сейчас Марион заметила, что на лицо многих студентов нанесена боевая раскраска.

— Возвращайтесь сейчас же! — закричал Альтман.

— Что? — спросила Марион, тщетно пытаясь его расслышать.

Теперь она обратила внимание, что каждый из окружавших ее людей держит в руках пакет.

Мистер Флэш торжественно возложил руки на пульт. Первые такты недавнего хита диджея — «Motorcycle Boy» — пляж встретил восторженным ревом. Затем на толпу обрушился поток музыки, громяющей миллионами децибел. Марион почувствовала, что земля дрожит у нее под ногами.

Толпа обезумела.

Мистер Флэш воздел руки к небу и торжественно, словно заклинание, произнес:

— ТРОЯНЦЫ!!!

И в тот же миг все как один...

...надели одинаковые маски...

...и теперь вокруг нее были десятки...

...сотни...

...тысячи античных воинов!

Глава 36

Удивлению и Марион, и ФБР не было предела.

Музыка грохотала. Толпа, собравшаяся на пляже, начала танцевать.

— Что происходит? — побледнев, проговорил Альтман. — Почему они все в масках?

— «Троянцы» — это официальное прозвище студентов Калифорнийского университета, — ответил голос агента Перес у него в наушнике. — Мы попали в самую гущу их традиционного праздника.

— Черт подери, почему никто не подумал об этом раньше?!

В этот момент Марион тоже надела маску.

В бинокль Альтман разглядел Микадо и Брауни, направляющихся к ней сквозь толпу студентов.

— Марш, где вы?

— Я... я здесь, — растерянно пробормотала Марион. — Я тоже в маске...

— Хорошо. Ни в коем случае ее не снимайте! — во весь голос закричал Альтман в микрофон. — Наемные убийцы Большого Па идут за вами следом! Пока вы в маске, они вас не найдут. Оставайтесь на месте! Мы будем рядом через тридцать секунд!

Он вышел из машины и побежал к пляжу, держа перед собой пистолет обеими руками.

— Это Альтман! Всем агентам: немедленно присоединиться к Марион Марш! Как можно быстрее! Шевелите задницами!

Марион попыталась устоять на месте, но все вокруг танцевали и прыгали, постоянно ее задевая. Музыка звучала все громче — этот адский рев нарастал как девятый вал. То и дело она ощущала, что кто-то бьет ее локтем — поначалу слабо, затем все сильнее и сильнее.

Она задыхалась под своей маской. Запахи пота и марихуаны были невыносимы. Латекс прилипал к коже. Марион с трудом могла вдохнуть.

Наконец она слегка приподняла маску — всего на секунду, но этого оказалось достаточно.

«Баскетболист» и «сумоист» находились всего в нескольких метрах от нее.

Они ее заметили.

— Сюда! — закричал Брауни.

Марион почувствовала, как сердце у нее остановилось.

— О боже, помоги мне...

Но Альтман уже подбегал с другой стороны.

— Марш, держитесь!

— Где эти чертовы наемники? — закричала Перес.

— Я держу на мушке одного из них, — сказал другой агент.

— Только не здесь! — завопил Альтман. — Иначе будет бойня!

— Бросьте оружие! — приказала Перес.

— Где эти гребаные подкрепления?..

— Хватайте их! Хватайте их!

Вот тогда он и появился.

Плащ, скрывающий очертания фигуры, пуленепробиваемый жилет, высокие ботинки, перчатки, черный комбинезон — и такая же маска, как у всех остальных.

Агент ФБР застыл с открытым ртом.

— Он здесь...

— Кто? — закричала Марион.

Альтман вышел из оцепенения.

— Троянец! — проскрежетал его голос в наушнике. — Он тоже в маске!

— Да где же? — нервно спросила Перес. — Черт, тут весь город собрался!..

Человек в плаще вынул что-то из кармана.

— Он вооружен! Марион, он направляется прямо к вам!

Но Марион уже ничего не слышала.

Ее парализовал страх.

Вот только представьте.

Вы в центре толпы. Вы едва можете дышать сквозь отверстие в латексной маске. Ваше поле зрения сильно ограничено. У вас гудит в ушах, вы почти ничего не слышите. Только шум собственного затрудненного дыхания. Вы едва можете вдохнуть. В висках стучат молотки — бум, бум, бум! — в такт гремящей вокруг музыки. Вам кажется, что вас с головой окунули в воду. Снова шум собственного дыхания... Внезапно вы чувствуете, что вам не хватает кислорода. Он ускользает из ваших губ — пузырек за пузырьком. К вам приближается какая-то тень. Склоняется над вами.

Подносит к вашему рту ингалятор...

Троянец.

И вдруг... вы... больше... не... дышите.

Троянец подхватил падающую Марион и взвалил себе на плечо.

— Эй! — воскликнул один из студентов, похожий на культуриста. — Ты что это делаешь, придурок?

Не выпуская Марион, Троянец пнул его ногой в коленную чашечку. Хрустнула кость. Затем Троянец схватил студента за волосы и два раза ударил о свое колено.

Еще один человек, захотевший вмешаться, получил мощный удар кулаком в челюсть, отбросивший его назад.

Толпа вокруг них продолжала танцевать, словно в каком-то трансе.

Троянец пробивался сквозь нее, по-прежнему неся Марион на плече. Он прошел несколько метров, а затем перед ним вырос Микадо, также раздвинувший толпу на своем пути, с большим мачете в руке.

— Цып-цып-цып, — насмешливо произнес долговязый наемный убийца.

Троянец повернулся вокруг своей оси, используя Марион в качестве противовеса. Его тяжелый ботинок, словно боевой молот, ударил противника в лицо. Сразу вслед за этим Троянец нанес второй удар — кулаком в солнечное сплетение. Микадо скорчился на песке в позе эмбриона и больше не шевелился.

Выстрелы. Топот. Выкрикиваемые во весь голос приказы.

Агенты ФБР сбежались к Троянцу со всех сторон.

Выхватив из-за спины травматический пистолет, он выстрелил. Перезарядил оружие одной рукой. Затем выстрелил еще раз. И еще. Агенты плашмя бросились на землю.

— Перес! — прорычал Альтман. — Агент Пирс! Агент Мосс!

Толпа превратилась в воющую стаю.

Никто из вызываемых агентов не отвечал.

— Агент Кертис! Агент Гетц! Черт возьми, где вы? Я вижу только маски!

Чуть дальше Брауни, расставив руки, беспорядочно стрелял из двух пистолетов. Позади него загорелась афиша. Языки пламени устремились в небо. Он походил на демона, вырвавшегося из преисподней.

Люди в масках разбежались во все стороны, словно побежденная армия. Взрывались разноцветные лампочки, поливая толпу дождем осколков. Во время бегства людей опрокинулись гигантские музыкальные усилители. Люди выбегали на набережную и пытались остановить первые встречные машины, что привело ко многим столкновениям. С ближайшего бульвара донесся вой полицейских сирен.

Троянец продолжал идти — неизвестный воин среди сотен себе подобных.

Вслед за ним устремились новоприбывшие агенты ФБР.

Он резко обернулся. Последовали новые выстрелы из травматического оружия. Вспышки. Звон разбитого стекла. Глухие стоны. Стелющийся дым. Рухнувшие тела.

Затем Троянец продолжил путь.

— Агент Пирс! — простонал Альтман. — Любой, кто уцелел, отвечайте!

На парковке возле пирса немая рация свисала с автомобильной дверцы. Внутри находились два неподвижных тела, навигатор Джи-пи-эс был разнесен вдребезги. Троянец прошел мимо и скрылся в сумерках, неся Марион на руках.

Несколько секунд спустя похожий на катафалк автомобиль Микадо и Брауни выехал на шоссе и рванул вперед так, что завизжали шины. За рулем сидел толстяк. Его высокорослый напарник лежал на заднем сиденье. Вскоре автомобиль свернул за угол и скрылся из вида.

Альтман блуждающими глазами смотрел на пляж.

Агент ФБР был совершенно оглушен.

Вся прибрежная зона напоминала поле битвы.

Несколько цветных лампочек еще мигали. Мягко кружились в воздухе ленты серпантина.

Он ничего не слышал. Не в силах был произнести ни звука.

На песке валялись десятки масок.

Все это сражение длилось от силы три минуты. И Альтман знал, что проиграл его.

Марион казалось, что она движется в каком-то сне.

Больше всего это напомнило ей «Призрак оперы», когда призрак уносит героиню в свои мрачные подземелья.

Однако бодрствующей частью сознания она понимала, что все происходит в реальности. Но при этом почему-то не испытывала ни малейшего беспокойства.

Вселенная вокруг нее казалась абсолютно спокойной и безмятежной.

Умиротворяющей.

Разумеется, из-за того, что Троянец дал ей вдохнуть какое-то вещество через ингалятор.

Она не сопротивлялась, когда он занес ее в крытый грузовик.

Ни тогда, когда он стал раздевать ее, постепенно обнаруживая и микрофон, и кевларовый жилет, и прочие приспособления, которыми снабдил ее Альтман.

Ни тогда, когда он завернул ее в покрывало.

Она спокойно наблюдала, как двери машины закрылись, словно отмечая границу между привычным миром и королевством сумерек, где она была кем-то вроде почетной гостии.

Затем Марион погрузилась в абсолютную темноту.

Глава 37

Усталость. Сонливость.
Пробуждение.
И снова — падение в сон.

Земля, уходящая из-под ног.
Тошнота.

Марион куда-то перемещалась. На каком-то колесном транспорте — это единственное, в чем она была уверена.

Спина касалась какой-то твердой и холодной поверхности. Скорее всего, она лежала на полу автомобиля. Пахло бензином. Усталость.

И снова сон.

Боль в ноге. Сильная.

Она очнулась.

Что-то вязкое под пальцами.

Рана. Кровь. Сколько времени она уже находится здесь?..

Она застучала кулаком в переднюю стенку кузова:

— Помогите!..

Машина остановилась. Распахнулись задние двери.

Снаружи была ночь.

Огромное, необъятное звездное небо. Целые галактики... Запах травы, вмиг пропитавший ее волосы...

Они выехали из города. Вокруг больше не наблюдалось никаких признаков цивилизации — только природа.

Дайте мне вздохнуть!

Вздохнуть...

Она вдохнула столько кислорода, сколько смогла.

Чья-то тень заслонила небесный свод.

Снова впрыскивание какой-то гадости из ингалятора.

Укол в живот.

И снова сон.

Снова кошмары.

Натан с трудом очнулся, словно вынырнул из глубокого омута. Ему снилось, что Хлоя кричит.

Зовёт на помощь.

Но он не мог ничего сделать — он слишком устал.

Он хотел поднять руку.

Или хотя бы пошевелить пальцами.

Невозможно, невозможно, невозможно...

Возвращение в ночь.

Глава 38

Ценой невероятного усилия Марион наконец удалось открыть глаза.

Она была укрыта теплым одеялом. Вокруг витали ароматы сосны и кедра.

Она находилась в загородном доме, наподобие шале.

Деревянные балки под потолком. Догоревшие угли в камине. Занавески в красную клетку. Спальня, гостиная и небольшой кухонный уголок, объединенные на общем, не слишком большом пространстве. Уютная, но в то же время безликая обстановка. Временное пристанище.

Страх заставил ее надпочечники выбросить в кровь новую порцию адреналина, и это помогло Марион немного взбодриться. Она чувствовала невероятную усталость, но в то же время ощущала, что прямой угрозы нет.

По крайней мере, не подземная пещера.

И не больничная койка, к которой ты прикована наручниками, где-то в полной темноте, во власти безумца.

Обычный гостевой домик.

Черт возьми, и что ты здесь делаешь?

Она повернула голову. Вторая половина кровати оставалась неразобранной. Наручные часы показывали десять утра понедельника.

Из одежды на ней осталось только нижнее белье. Все тело ломило, во рту ощущался какой-то едкий привкус. Рана на ноге была перевязана. То, что раной занимались, она чувствовала и в своем недавнем полубессознательном состоянии. Марион слегка приподняла повязку, чтобы проверить, насколько рана серьезна, но обнаружила просто широкую ссадину, появившуюся, без сомнения, в результате событий прошлого вечера.

И — никаких пут, никаких наручников.

Она была свободна.

— Есть тут кто-нибудь? — слабым голосом произнесла она.

Но никакого ответа, кроме щебета птиц за окном, не последовало.

Марион села, чувствуя, как лихорадочно колотится сердце.

Психопат мог оказаться где-то поблизости. К чему этот маскарад?..

Внезапно глаза ей заволокла темная пелена.

«Ортостатическая гипотензия», — машинально подумала Марион.

Она подождала минуту, пока артериальное давление придет в норму. Потом заметила на ночном столике возле кровати флакон с какой-то

прозрачной жидкостью и взяла его в руки.

— «Хлоргидрат морфина, раствор для инъекций», — прочитала она на этикетке.

Сильнейший анальгетик.

Имени заказчика на этикетке не значилось. Это был больничный препарат, взятый со склада.

Марион поставила флакон на столик.

Один из ящиков комода, стоящего рядом с кроватью, был выдвинут. Внутри находились одноразовые шприцы в стерильных упаковках, оснащенные оранжевыми насадками для подкожных впрыскиваний. Взглянув на свой живот, Марион обнаружила следы уколов. Вместе со шприцами в ящике лежал листок бумаги, на котором было написано: «10 веч./1 ночи / 4 утра / 7 утра» — судя по всему, время уколов.

Значит, ей вводили хлоргидрат морфина каждые три часа. Этого было бы достаточно, чтобы усыпить лошадь...

Цифры «10», «1» и «4» были перечеркнуты карандашом. Значит, укол в семь утра по какой-то причине ей не сделали.

Видимо, поэтому она и очнулась. И чувствовала себя настолько разбитой.

Она задвинула ящик.

Там, на пляже, Троянец наверняка использовал какой-то усыпляющий газ. Скорее всего, протоксид азота, который она помнила со времен работы в больнице: его использовали, когда накладывали швы детям. А все остальное время колол ей морфин.

По мере размышления у нее возникало все больше вопросов.

Прежде всего: где Троянец? Почему она одна в этом шале, свободная, имеющая возможность уйти?

Марион собрала все силы и попыталась подняться. Сначала она опиралась на комод, затем ей удалось выпрямиться и удержаться на ногах без опоры.

Влияние морфина понемногу проходило.

Все же она была крепкой. Ей уже доводилось переносить хирургические вмешательства, и она помнила, что анестезиологам приходилось вводить ей в кровь повышенные дозы наркоза.

Плюс для нее. Минус для Троянца.

Марион подошла к стойке, на которой лежали рекламные проспекты. «Отель „Приют влюбленных“. Отдых на неделю или выходные дни».

Здесь же был указан и адрес, где значилось: «Штат Юта».

Юта?!

Черт!..

Она находилась более чем в шестистах километрах от того места, где была еще вчера вечером. Значит, поездка длилась всю ночь.

Единственная соседняя комната оказалась ванной. Марион захотелось пить. Она вошла и уже собиралась открыть кран, как...

...увидела в раковине кровь. И раковина, и ванная были забрызганы кровью. Ее слишком много, так что это не могла быть ее кровь. Что же здесь произошло?

Собрав воедино все обрывки информации, которые могла вспомнить, Марион попыталась сложить общую картину событий.

Кровь, скорее всего, принадлежала Троянцу. Хорошо. Это означало, что вчера его ранили. Что это ей дает?

Они ехали всю ночь. Она спала. Время от времени он впрыскивал ей морфин. Собственная рана доставляла ему неудобства, возможно, серьезные. К тому же рана была и у нее. Он решил остановиться где-то в уединенном месте. Там, где никто не стал бы задавать ему лишних вопросов. Это был непредвиденный момент в его плане. Его рана все серьезнее его беспокоила — или раны? Наконец он решил поехать за медикаментами. Он рассчитывал скоро вернуться. Но что-то пошло не так. Он пропустил время укола. Она очнулась.

Марион еще раз прокрутила в голове детали.

Все сходится.

Она подошла к двери, не обращая внимания на свою наготу.

Повернула ручку.

Дверь приоткрылась.

Небольшая парковка среди деревьев. Ограждение из неотесанных сосновых брусьев. Ни одной машины.

Чуть дальше вдоль асфальтированной дорожки выстроились другие бунгало, на достаточном расстоянии друг от друга. Тот дом, в котором находилась Марион, располагался на самом высоком месте. Отсюда можно было наблюдать за всеми остальными бунгало.

До нее донеслись радостные крики. Метрах в ста дети играли с собакой на лужайке, под присмотром родителей с бокалами в руках.

Эта сцена подействовала на Марион как электрический разряд.

Она ощутила всплеск адреналина.

Вы в двух шагах от свободы. Все ваше тело, все ваше существо умоляет вас позвать на помощь. Вы знаете, что вам достаточно сказать всего лишь слово. И однако что-то вас сдерживает: какое-то очень слабое, почти эфемерное ощущение, что вы вот-вот совершите огромную ошибку.

Марион закрыла дверь и снова принялась размышлять.

Что же тогда произошло на пляже?

Очень просто: ФБР облажалось.

Вся их подготовка, все их технические средства оказались бессильны против Троянца.

Почему?

Очевидно, потому, что Троянец оказался настоящим гением тактики.

А еще?

Из-за неожиданного появления наемников Большого Па. Они приехали вооруженные до зубов, открыли беспорядочную стрельбу, устроили хаос.

На этом пункте Марион остановилась. Проблема была именно в нем.

Откуда Микадо и Брауни могли узнать, где именно Троянец назначил ей встречу?

Марион не могла подробно вспомнить все события вчерашнего вечера, но кое-что все же всплывало в памяти, в том числе подробности столкновения. И прежде всего то, что Троянец и долговязый бандит были противниками, а не союзниками. Значит, не Троянец передал наемным убийцам информацию о встрече.

Откуда еще они могли о ней узнать?

Может быть, Микадо и Брауни несколько часов подряд наблюдали за зданием штаб-квартиры ФБР? Может быть, они поехали за машинами агентов просто наудачу? А дальнейшие их действия — это чистая импровизация? Но при этом они умудрились ничем не обнаружить своего присутствия?

Нет, невозможно.

Тем более что имелось и другое объяснение, гораздо более простое: они получили всю необходимую информацию заранее.

Кто-то, работающий в святой святых ФБР, им ее попросту слил.

На этой версии Марион остановилась и стала обдумывать ее подробнее.

Большой Па могущественный человек. Один из крестных отцов преступного мира. У него достаточно денег, чтобы завербовать осведомителя даже из ФБР.

Если она в этом не ошибалась — а Марион чем дальше, тем больше убеждалась в своей правоте, — это означало, что в ту же секунду, как о ее нынешнем местонахождении узнает ФБР, это станет известно и Большому Па.

Альтман, конечно, заверит, что защитит ее. Как и в прошлый раз, все будет под контролем. И все опять пойдет не так, как предполагалось.

Микадо и Брауни вернутся.

И заставят ее заговорить.

Она похитила внучку богатого и влиятельного человека, связанного с криминальным миром. Он, скорее всего, уверен, что она где-то прячет Хлою. А что делают подобные ему люди в таких случаях?

Они допрашивают вас — максимально болезненными и максимально эффективными методами.

Вы долго мучаетесь. Затем умираете.

В этом и крылась причина того смутного ощущения, которое побудило Марион в данный момент воздержаться от каких-либо резких движений. Фактически, она оказалась между молотом и наковальней. Если бы позвала на помощь, она оказалась бы обречена. Но, оставаясь в бездействии, она рано или поздно придет к тому же результату.

В коридоре, прямо напротив ее двери, на стене висел телефон.

Троянец мог вот-вот вернуться. Нужно было срочно найти какое-то решение.

Она набрала «ноль».

— Ресепшен, я вас слушаю, — произнес женский голос.

— Я... Гм... простите... Дело в том, что мой муж куда-то уехал, пока я спала...

— К нам он не заходил.

— Ах, вот как...

— Вам что-нибудь нужно?

Помощь! Срочно!

— Э-э... сейчас подумаю.

— Шампунь? Дополнительные полотенца?

— Нет.

Марион машинально оглянулась на ванную комнату:

— А когда будет уборка в номере?

— Вы не стали назначать конкретное время. Хотите, чтобы уборку сделали сейчас?

— Нет-нет! А как здесь организовано питание?

— В вашем номере — еды на два дня.

— За это уже уплачено?

— Да, наличными. Ваше пребывание оплачено авансом.

— Значит, пока я не вызову горничную для уборки, она не придет?

— Здесь, в «Приюте влюбленных», мы не беспокоим гостей понапрасну.

— Пусть они хоть поубивают друг друга... — машинально

пробормотала Марион.

— Простите?..

— Нет-нет, ничего, — торопливо проговорила Марион. Потом все же решилась сказать: — Вы знаете... конечно, вам покажется это глупым... но я понятия не имею, куда подевался мой муж!

— Скорее всего, ушел гулять. Утро сегодня чудесное.

— Да, наверно, вы правы. Вы ведь узнаете его, если увидите: он такой высокий, крепкого сложения... Его имя и координаты занесены в ваш список клиентов...

— Дайте-ка взглянуть... Шале номер восемнадцать. Зарезервировано на имя Симоны Синьоре^[11]. Это вы?

— Как вы сказали?.. Гм... ну да.

— Увы, эта фамилия мне ничего не говорит, и я никогда не видела вашего мужа.

— Но как же так?..

— С большинством наших клиентов мы не общаемся лично.

— Не понимаю...

— Номера оплачиваются предварительно. Когда вы приезжаете, ключи ждут вас на пороге вашего бунгало. А когда уезжаете, вы оставляете их на том же месте.

— Ах вот что!

— Вы сильно обеспокоены? Если хотите, я могу связаться с парковыми рейнджерами...

— Нет, не нужно.

— Может быть, еще что-нибудь?

— Если он пройдет мимо вас, будьте любезны, сообщите мне, пожалуйста. Это наш медовый месяц. Я хочу устроить ему небольшой сюрприз...

— Да, конечно, миссис Синьоре. Это все?

— Да.

— Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь.

Марион повесила трубку и вернулась в номер.

Скорее всего, с Троянцем случилось что-то непредвиденное. Этим нужно воспользоваться, не теряя ни минуты.

Прежде всего, ей нужна одежда. Она проверила ящики комода — пусто. Затем распахнула шкаф. Там оказался большой фирменный пакет, в котором обнаружили три одинаковые прямоугольные коробки с логотипом фирмы «Эппл».

Марион открыла первую коробку. Внутри было устройство,

напоминающее ее айфон, но больше, размером с лист бумаги формата А4.

Айпад.

Телефон, совмещенный с мощным компьютером, с ультраплоским сенсорным экраном, реагирующим только на прикосновения. С помощью этого плоского легчайшего прямоугольника можно получать доступ в Интернет даже в тех местах, где сотовая связь дает сбои. К тому же экран айпада гораздо большего размера по сравнению с экраном айфона.

Не с помощью ли этого устройства Троянец связывался с ней в «Фейсбуке»? Возможно. Айпад не выглядел новым. Коробка тоже была сильно потерта. Никаких защитных оберток внутри не оказалось.

На верхней полке шкафа Марион обнаружила небольшую спортивную сумку, вытащила ее и расстегнула молнию. Внутри оказались пачки сто долларовых купюр. Десять пачек по десять купюр. Всего десять тысяч долларов.

И сложенный листок бумаги с напечатанным на принтере текстом следующего содержания:

ПЛАН:

- 1. Репатриировать Марион.*
- 2. Эксфильтрировать Хлою. Показать приманку.*
- 3. Выбить с позиций противников — Большого Па/ФБР/Semper Fi.*
- 4. Водрузить знамя.*

Марион перечитала эту абракадабру несколько раз.

Что все это значило?

На первый взгляд это можно было принять за план книги или киносценария. Но военные термины скорее наводили на мысль о плане боевых действий.

Аарон Альтман говорил ей о теневой деятельности Большого Па и о его возможной связи с террористами. Об этом здесь шла речь? Или о чем-то другом?

Она убрала листок обратно в сумку с деньгами, туда же положила один из трех айпадов и поставила сумку на кровать.

Затем вышла в коридор и снова позвонила на ресепшен:

— Здравствуйте, это опять я.

— Вы нашли вашего мужа?

— Нет. Но я хочу попросить вас об одной услуге.

Глава 39

Раньше

— Спроси меня об этом, — прошептала Марион.

Они с Натаном лежали на ковре, ее голова прижималась к его груди. Они сняли номер в небольшом уютном отеле на Монт-Сен-Мишель^[12], чтобы провести здесь уик-энд. В их планы входили туристические экскурсии, велосипедные прогулки, романтические ужины при свечах.

Сорок восемь часов назад они получили ключи от номера. И с тех пор ни разу не вышли оттуда.

Марион взглянула в окно на небо.

— Хочешь, чтобы я еще раз спросил?

— Ну, пожалуйста.

— Хорошо.

Он сделал глубокий вдох.

— Ты счастлива?

— ДА-А-А! — ответила она.

И по-детски задвигала ногами в воздухе.

— Хм... — произнес Натан.

— Что?

— Странно некоторые женщины выражают свою радость.

— Ошибаешься. Счастливые женщины всегда именно так ее и выражают. Просто ты об этом ничего не знаешь. — После этих слов Марион притворно нахмурилась. — А кстати, много у тебя было женщин?

— Тысячи, — ответил Натан с абсолютно серьезным видом.

Она шутливо хлопнула его по руке.

— Ну, хорошо, — сказал Натан, улыбаясь. — Ты у меня первая.

Марион подняла глаза к потолку:

— Неужели так трудно ответить начистоту?

— Ладно уж. Ты первая в моем сердце...

— Ну что ж, неплохо выкрутился.

— Не перебивай. Я тоже очень счастлив быть с тобой. И не только потому, что ты такая чудесная, но еще и потому, что ты очень хорошо работаешь в службе скорой помощи.

Марион села:

— Я не ослышалась? Знаменитый хирург и настоящий мачо оценил и женские, и профессиональные мои качества?

— Да. Ты думаешь, после такого признания лига хирургов-мачо исключит меня из своих рядов?

— Возможно.

— Но ты ведь им не скажешь?

— Буду нема как рыба.

— Вот и славно.

Марион снова вытянулась рядом с Натаном:

— Главная ваша проблема, настоящие мачо, состоит в том, что вы слишком самоуверенны.

— Да ну?

— Конечно. Вы считаете себя лучше нас — это же очевидно. На данный момент студенток в медицинских университетах — всего треть, а студентов — две трети. Но после завершения учебы они часто получают лучшие места. Мы более аккуратны, выносливы, предусмотрительны. Через десять лет это нас будет две трети, вот увидишь. Вашим варварским традициям, вроде тех, что связаны с комнатой дежурных, осталось жить всего ничего. Женщины-хирурги больше не позволяют обращаться с собой подобным образом.

Натан приподнялся на локте:

— Ты действительно так думаешь?

— Да. Конечно, это будет нелегко. Вы эгоисты, поэтому никогда особо в себе не сомневаетесь и сразу идете к цели. А мы теряем время, обдумывая гипотетические проблемы и конфликты. Кроме того, вы физически крепче, это тоже компенсирует ваши недостатки, такие как недалёковидность. В результате получается, что миром правит тот из двух полов, который менее умен и проницателен. А потом все удивляются, почему этот мир такой несовершенный.

Натан, улыбаясь, раскинул руки:

— Так и есть, мы — повелители планеты!

— Да ну вас...

Он потянулся к пакету с печеньем — это была их единственная пища в последние два дня.

— Я готов признать, — произнес он, хрустя печеньем, — что у вас сильнее развита интуиция.

— Ну, надо же.

— Но этому есть научное объяснение.

— Какое?

— У вас больше развито логическое мышление. Еще в бытность студентом я часто замечал, что некоторые женщины-врачи мгновенно

узнавали, когда с пациентом было что-то не так. В те времена мне казалось, что они — какие-то сверхчеловеческие существа, обладающие шестым чувством. Я помню случай, когда одна из них поставила диагноз пациенту, едва лишь тот переступил порог кабинета.

— Ну, так что же, мы действительно мутанты?

— Нет. Просто ваш мозг обладает повышенной способностью к извлечению информации из тех или иных фактов. Там, где мужчина видит просто беспорядочное нагромождение фактов — что-то вроде запущенного огорода, — женщины сразу могут различить полезные и сорные растения. Это относится и к женщинам-врачам, которые быстрее понимают, что у пациента возникли проблемы, и к женщинам-аналитикам, которые предсказывают социальные и экономические перемены. Это принято называть женской интуицией, но на самом деле это просто невероятно ускоренный логический анализ. Большинство женщин способны услышать одну фразу при одновременном написании другой. Тогда как мужчина-пианист тренируется долгие годы, чтобы добиться синхронных движений обеих рук. Иными словами, женщины генетически многофункциональны. В этом смысле, без сомнения, их мозг лучше сконструирован. Если они развивают свои способности, то легко могут соперничать с мужчинами и часто даже побеждать. Неудивительно, что они добиваются успехов в профессиях, требующих быстрого анализа информации — в медицине, журналистике, даже в полицейской работе их становится все больше. — Натан широко улыбнулся и прибавил: — К счастью, у вас есть один серьезный недостаток.

— Ах, вот как? Это какой же?

— Вы без ума от нас.

— Самовлюбленный идиот! — воскликнула Марион.

И она ударила его диванной подушкой.

В воскресенье вечером они вернулись в Париж, по дороге застревая в бесконечных пробках под дождем.

Марион была мрачной, Натан выглядел озабоченным.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Ни о чем.

— Правда?

— О том, что уже вечер воскресенья. Что сказка кончилась. Что у меня болит живот. Слишком много сладостей, наверно...

Она усилила обогрев салона, сжалась в комок на пассажирском сиденье и в свою очередь спросила:

— А ты?

— О своем проекте. Если бы не эта чертова комиссия по этике... если бы у меня было побольше настойчивости... я мог бы сделать столько всего!..

— Расскажешь мне?

— Я бы предпочел этого не делать.

— Почему?

— Потому что это тайна.

— Ты мне не доверяешь?

— Не в этом дело...

— А в чем?

— Как я уже говорил, комитет по этике не одобрил моих планов. И... я боюсь, что ты их тоже не одобришь.

Глава 40

Сейчас

Марион вышла из внедорожника сотрудницы отеля, работавшей на ресепшен, которая любезно согласилась отвезти ее в город.

— Спасибо вам за вещи. И за то, что привезли меня сюда, — еще раз сказала она, попрощавшись и захлопывая за собой дверцу.

— Спасибо вам! Если понадобится что-то еще, звоните. За такую щедрую плату...

Марион заплатила пятьсот долларов за покупку одежды и поездку до ближайшего города. И еще пятьсот — за то, чтобы служащая не задавала вопросов и ничего не сказала об ее отъезде ее «мужу».

По дороге они разговорились и пришли к полному взаимопониманию. Для служащей эти дополнительные деньги были целым состоянием — она приехала из Мексики, работала в США нелегально, как многие сотрудники гостиниц, магазинов и ресторанов. Документы у нее были «не в порядке». Нелегальное агентство, взятка — и она получила свою нынешнюю должность. Конечно, без всяких положенных гарантий, но хотя бы так. Все равно налоговые службы никогда об этом не узнают.

Раньше Марион думала, что, работая в США, можно со временем получить пресловутую грин-карту. Но эта встреча, так же как статья, прочитанная в самолете, развеяла ее иллюзии.

Она узнала, что более трехсот тысяч нелегальных иммигрантов из Мексики ежегодно пересекают северную границу. В целом на данный момент в США работало, по разным подсчетам, от двенадцати до двадцати миллионов иммигрантов. Американцы ненавидели этих иммигрантов как явление, но в то же время ценили их дешевый труд. Вашингтонская администрация регулярно принимала федеральные законы по борьбе с нелегальной иммиграцией. Результатов они не приносили, но, по крайней мере, могли на какое-то время успокоить общественное мнение. Между тем нелегальных иммигрантов продолжали нанимать на работу, одновременно продолжая строить укрепления вдоль мексиканской границы протяженностью 3200 километров. После взрывов 11 сентября ситуация ухудшалась с каждым годом. Каждый штат, каждый округ теперь создавали собственные административные преграды. Огораживали железнодорожные станции высокими стенами с протянутой поверху колючей проволокой. Множились полицейские и военные патрули. «Стена стыда» уже

существовала.

Все это приводило к совершенно абсурдным ситуациям. Из статьи Марион узнала о таком случае: одна очень одаренная мексиканская девушка прибыла в США нелегально еще в возрасте восьми лет. Спустя десять лет она стала одной из самых успешных выпускниц школ своей новой страны. Ее потенциал оказался настолько высоким и при этом многосторонним, что она получила — исключительный факт! — предложения по поводу учебы за государственный счет из нескольких крупных университетов, из армии и даже из правительства. Но она не могла никуда поступить — при отсутствии официальных документов учеба становилась невозможной. Более того, при малейшем административном взыскании, вроде штрафа за парковку в неположенном месте, ее могли выслать в Мексику — совершенно чужую ей страну, которой она почти не знала и в которой у нее не было ни жилья, ни знакомых, ни работы — иными словами, в которой она оказалась бы на улице. Поэтому она жила в вечной тревоге. Не жизнь, а настоящий ад.

В то же время в статье говорилось о том, что 52 процента интернет-проектов Силиконовой долины, как, например, «Гугл» и «иБэй», разработали дипломированные специалисты-иммигранты, что наглядно показывало, насколько приток свежей крови полезен для страны.

Иммиграция — сила и слабость Америки...

Марион, дочь иммигранта, уехавшего из Америки во Францию, прежде никогда не задумывалась о таких вещах. Но сейчас у нее было ощущение, что все это касается ее сильнее, чем кого-либо еще.

Она зашла в ближайший торговый центр, желая купить туалетные принадлежности, зубную щетку и пасту, расческу, дезодорант, кое-что из еды и минеральную воду.

После некоторого размышления она прибавила к числу покупок портфель, дешевый «одноразовый» мобильный телефон с предварительно оплаченной сим-картой, рюкзак, дорожный атлас и множество газет.

Содержимое сумки Троянца она переложил в свой новый рюкзак, после чего выбросила сумку в мусорный ящик. Потом зашла в ресторан и заказала обед.

Стоимость всех ее покупок составила сто девяносто пять долларов и сорок три цента. Плюс тысяча, которую она перед этим отдала служащей отеля. У нее оставалось еще восемь тысяч восемьсот долларов.

По крайней мере, денежных проблем нет.

Троянец не преследовал ее — она убедилась в этом, перемещаясь на разных видах транспорта по разным кварталам города. ФБР тоже ее не

разыскивало — в газетах не нашлось ничего на этот счет.

И что дальше?

Страх, на некоторое время исчезнувший, вернулся.

Вы изо всех сил пытаетесь действовать, стряхнуть с себя оцепенение, отогнать тревогу. В таких случаях многие устраивают генеральную уборку в доме — чистят, моют, оттирают все подряд, одновременно думая о том, что надо бы еще навести порядок в гараже и подстричь садовые кусты. Но рано или поздно наступает момент, когда вам приходится возвращаться к реальности и начинать решать свои проблемы.

Марион чувствовала себя совершенно одинокой. Вокруг нее, в отдельных отсеках, разделенных перегородками, обедали целые семьи, сидя на лавках с мягкой обивкой. Мягкий приглушенный свет создавал уютную, почти домашнюю атмосферу.

Она подумала о Натане. Затем о Хлое.

Ей так хотелось, чтобы рядом появился близкий человек, пусть даже он всего лишь произнес бы что-то вроде: «Ты из этого выпутаешься, все будет хорошо».

Она взяла свой новый телефон и какое-то время задумчиво постукивала ногтями по клавишам.

Сильно ли она рискует, если позвонит отцу? Может быть, за ним наблюдают? Или прослушивают телефон?

В конце концов она все же набрала его номер.

— Алло?

— Папа!

— Марион! Ты где?

Услышав его голос, такой привычный, чуть хриловатый, она едва удержалась от слез.

— Я так рада тебя слышать...

— Я тоже!

— Почему-то я постоянно натыкаюсь на твой автоответчик...

— Я уезжал на некоторое время. Я ведь тебе говорил. Ты звонишь из США?

— Да.

— Как твои дела?

— У меня некоторые затруднения...

— Я наверняка смогу тебе помочь. Только не отключайся. Скажи, пожалуйста, котенок, где именно ты сейчас находишься?

Слезы Марион мгновенно высохли.

Она машинально убрала телефон от уха и посмотрела на него, словно

пытаясь взглянуть отцу в глаза.

Отец никогда не называл ее «котенок». Точнее, это было давно и ужасно ее раздражало — такое обращение много раз служило поводом для размолвок, и отец не мог этого не помнить.

То есть он ни в коем случае не мог произнести этого слова случайно.

Только не отключайся.

Скажи, где именно ты сейчас находишься?

Он ее предостерегал.

Его телефон прослушивался.

Марион нажала клавишу «отбой».

Значит, ФБР связалось с Кэ-д'Орсз. И французская полиция взялась за дело. Альтман отменил «тревогу Амбер», но не действия своих зарубежных коллег.

Марион закрыла лицо дрожащими руками.

Троянец, наемные убийцы Большого Па, спецслужбы — все стремились ее схватить. Неужели эта история никогда не кончится?

Надо срочно поговорить с кем-нибудь, чтобы не сойти с ума.

Не могли же *они* напихать своих жучков в каждый телефон!..

Кора.

Наконец она решилась.

— Марион? — послышалось в мобильнике. — Привет, красотка! Черт, ты куда запропастилась? Я тебе отправила аж тридцать шесть сообщений, а ты мне не отвечаешь с прошлого уикэнда! Неужели было трудно написать хоть пару слов? Не говоря уж о том, чтобы меня навестить? Я все еще в больнице, а моя машина — в ремонтном гараже. Разбита вдребезги... И все из-за этого твоего придурка в «Фейсбуке»! С ним хоть что-нибудь выяснилось? Предупреждаю, в твоих же интересах меня навестить, и не с пустыми руками! Я хочу как минимум тонну пирожных и круассанов!

Эта безостановочная болтовня подействовала на Марион как теплый летний дождь. На какой-то миг она почувствовала себя абсолютно счастливой.

— Боже мой, Кора, если бы ты знала, как мне тебя не хватает!..

И они обе расхохотались.

Марион объяснила свое отсутствие огромным количеством работы, которую взвалила на нее Катрин Борман. Опять эта работа, как всегда. Ну, ничего, жизнь продолжается.

Как бы ей самой хотелось в это верить!

— А что с твоей спиной? — спросила она затем. — Что-то серьезное?

— Да. Но, к счастью, здесь нашелся замечательный специалист, доктор

Жоффруа. Он очень хорошо меня починил. К тому же он очень симпатичный. Высокий, голубоглазый, с квадратным подбородком — все, как я люблю. Хочешь на него взглянуть? Я пришлю тебе фотографию в «Фейсбук».

— Я пока без Сети. К тому же мне нужно завести новый почтовый ящик. Со старым проблемы. Я тебе потом объясню.

— Может, тебе чем-нибудь помочь? Я тут умираю от скуки.

Немного подумав, Марион поинтересовалась:

— А у тебя сейчас есть доступ в Интернет?

— Да. Доктор Жоффруа одолжил мне свой мобильник.

— Тогда поищи все, что хоть как-то связано со словом «Троянец». Я уже знаю, что «Троянцами» называют себя студенты Калифорнийского университета. Но могут найтись и какие-то другие сведения.

— Без проблем. Если что найду, то позвоню.

Марион завершила соединение.

Некоторое время она сидела неподвижно, погрузившись в раздумья.

Троянец не стал убивать ее или подвергать пыткам. Значит, он хотел оставить ее в живых. Он вытащил ее из Парижа в Лос-Анжелес и вот теперь — в Юту, за тысячу километров от пункта прибытия. Чего от него ждать в очередной раз?

Марион нащупала в кармане сложенный листок — тот самый «план», который нашла в номере отеля.

Если она собирается продолжать начатое, ей нужна помощь.

Недавний разговор с Корой навел ее на одну мысль.

Теперь она знала, куда обратиться за помощью.

Глава 41

Ресторан «Гриль Стейкхауз», в котором сейчас находилась Марион, был довольно тихим и спокойным местом, по крайней мере в это время, к тому же благодаря кондиционеру здесь не ощущалось уличной жары и духоты. Обслуживание, правда, оказалось медленным, но как раз сейчас ее это устраивало полностью. Ее столик находился на некотором отдалении от остальных, банкетка была мягкой, приятная музыка звучала негромко, свет был приглушенным; в целом заведение напоминало английский клуб.

Идеально для ее планов.

Марион выложила на стол айпад, потом включила.

Экран отличался от экрана айфона только размером. Она сразу же узнала привычные иконки, такие же, как на ее старом компьютере.

Она коснулась иконки набора текста. Появилась белая страница. Все так же, с помощью прикосновений, Марион увеличила ее размер. Затем вызвала клавиатуру. Прикосновение к экранным клавишам, в отличие от настоящих, было почти неощутимым, но она нашла это даже более чувственным.

Затем она перепечатала текст плана Троянца:

1. Репатриировать Марион.
2. Эксфильтрировать Хлою. Показать приманку.
3. Выбить с позиций противников — Большого Па/
ФБР/Semper Fi.
4. Водрузить знамя.

И принялась анализировать его, пункт за пунктом.

Что касается первого пункта, он был выполнен. Второй, очевидно означавший похищение Хлои с автобусной остановки, также был завершен. Но что означало «показать приманку»?

Марион напрягла все свои мыслительные способности.

Несостоявшаяся встреча, которую назначил ей Троянец на автобусной остановке, с самого начала показалась ей странной идеей. Зачем ему понадобилось разделять их с Хлоей? Он вполне мог захватить их обеих сразу. Возникло предположение, что это был просто отвлекающий маневр. Возможно, Марион, а также ФБР пошли по неверному пути.

Может быть, Троянец хотел переключить их внимание на того

индейца, Уойяка.

На руках Уойяка были следы от швов после хирургического вмешательства. Из разговора с ним Марион поняла, что операцию ему сделали в Фонде Фога. Это не могло быть случайным.

Она выделила слова «показать приманку» и переместила их в нижнюю часть страницы. Затем провела от них стрелку вбок и напечатала: «Уойяк, индеец».

Приманкой был он. И, бросив эту приманку агентам ФБР, Троянец явно хотел сообщить им нечто.

Хорошо.

Марион перешла к следующему пункту.

Третьим пунктом плана значилось «Выбить с позиций противников». Противников было трое: Большой Па, ФБР и некто *Semper Fi*. С двумя первыми Троянец уже разобрался. Что касается третьего, нужно было предпринять какие-то дополнительные исследования.

Ее размышления прервала официантка, поставившая перед ней тарелки со стейком, яичницей с беконом, кукурузным хлебом, а также бокал апельсинового сока со льдом. Марион отпила глоток сока, съела часть стейка, затем отодвинула тарелку и снова вернулась к айпаду.

Коснувшись соответствующей иконки, она вошла в Сеть (ресторан, в котором она находилась, как и многие другие, предоставлял бесплатный доступ к Интернету через вай-фай). Затем открыла «Гугл» и напечатала в строке поиска: «*Semper Fi*». Результат был следующим:

Semper Fidelis (также Semper Fi) — в переводе с латыни означает «Всегда верен». Девиз морских пехотинцев США.

Дальнейшие подробности она уже не читала.

Морская пехота составляла часть вооруженных сил США. Теперь Марион поняла, почему Троянец использовал специфическую военную терминологию — вроде «репатриировать», «эксфильтрировать» или «выбить с позиций». Собственно, и его псевдоним указывал на то, что это воин. Выводы были очевидными.

Теперь Марион почти не сомневалась, что этот человек — военный. Его противниками были Большой Па, ФБР и некто третий, возможно другой военный, служивший в одном из подразделений морской пехоты. Что касается последнего пункта — «водрузить знамя», — это, без сомнения, и была конечная цель Троянца. Речь шла о знамени победы.

Какова роль Адриана Фога и ее самой во всем плане? Ей оставалось

лишь выяснить это.

Марион вздохнула.

Пора обращаться за помощью, на которую она рассчитывала.

Она снова обратилась к Интернету, создала себе новый почтовый ящик, затем — новый аккаунт в «Фейсбуке», используя вымышленное имя. После этого отправила примерно десяти своим друзьям со старого аккаунта следующее послание:

Привет всем! Это Марион Марш. Извините, но у меня теперь новый адрес. Больше не присылайте на старый адрес никаких сообщений! Я завалена работой, начальство поручило сделать репортаж об Адриане Фоге, известном хирурге-ортопеде из США, мировой величине, специалисту по хирургии кисти.

Затем разместила в тексте несколько ссылок, из тех, которые нашла еще в Париже, и продолжила:

Сейчас я ищу сведения о его возможной работе на военных. Меня интересует, были ли у него контракты в этой области, какие именно, кто его партнеры и т. д. Я знаю, что многие из вас — медики, журналисты или просто люди, хорошо ориентирующиеся в Сети. Помогите мне! Заранее спасибо! Всего наилучшего. Марион.

Она перечитала послание, желая удостовериться, что оно в меру информативно и в меру заурядно — ровно настолько, чтобы не привлечь лишнего внимания. Затем нажала кнопку «Отправить».

Поскольку она отправила письмо из нового почтового ящика, ни Троянец, ни ФБР уже не могли его прочитать. Отныне ее переписка была для них недостижимой.

Пользуясь случаем, Марион зашла на страничку Коре. В самом деле, там была фотография упомянутого подругой доктора Жоффруа, сидящего возле ее больничной койки. Марион отправила Коре послание, где сообщила свой новый адрес и попросила хранить его в тайне, во избежание новых неприятностей.

Затем вышла из Сети и откинулась на спинку стула.

Все, что можно было сделать на данный момент, она сделала.

Теперь оставалось только ждать.

Во Франции сейчас был вечер. Вскоре все вернутся с работы и усядутся за компьютеры. Марион не сомневалась, что несколько ответов получит обязательно.

Она закончила обед и вышла из ресторана.

Некоторое время она гуляла по городу. Весеннее солнце пригревало, воздух казался особенно свежим. Здесь было прохладнее и в целом гораздо приятнее, чем на Западном побережье. Большинство жилых домов состояли из двух этажей. Между домами росли огромные ели. Настоящий горный пейзаж.

Зайдя в пару магазинов, Марион прибавила к имеющейся одежде более практичные вещи — джинсы и кроссовки, а также бейсболку, чтобы, надвинув ее на лоб, хотя бы отчасти скрыть лицо. Разумеется, если бы за ней наблюдали по-настоящему, такая маскировка оказалась бы полностью бесполезной, но все же не мешало подстраховаться лишний раз.

Ближе к вечеру она нашла небольшое кафе быстрого питания, где предоставлялся доступ к Интернету через вай-фай, и, войдя в Сеть, открыла свой новый почтовый ящик. Ее ждали два сообщения.

Первое пришло от доктора Мириам Х., одной из ее бывших однокурсниц, с которой она до сих пор поддерживала связь. Та прислала ей ссылку на статью следующего содержания:

РЕГЕНЕРАЦИЯ ПАЛЬЦЕВ^[13]

Пятеро американских солдат, раненных в Ираке, в 2007 году приняли участие в программе экспериментальной медицинской лаборатории — им были частично восстановлены пальцы рук, утраченные в ходе военных действий. Двое специалистов, сотрудничающих с Институтом хирургических исследований, доктор Фог и доктор Холлборн, протестировали на этих добровольцах результаты воздействия порошка, формирующего внеклеточную матрицу. Она представляет собой что-то вроде фундамента, на котором растут клетки, формирующие ткани человеческих органов. Хирурги Фог и Холлборн проводили следующую операцию: кожа на обрубке пальца срезалась, после чего ткань трижды в неделю обрабатывалась порошком для формирования внеклеточной матрицы. Пальцы, обработанные таким образом, отрастали с каждым днем. Были проверены их функционирование и чувствительность; результаты оказались положительными.

С помощью рентгена наблюдался также рост пальцевых

костей. У троих из пяти солдат обрубки пальцев выросли от 3 до 4 см — причем кожа, нервы и сосуды нарастали равномерно, тогда как кость увеличивалась всего на 1 см.

У двух других результаты были хуже, но тем не менее все тканевые структуры пальцев также нарастали. Во всех случаях значительно улучшилось функционирование пальцев, не говоря уже о психологическом состоянии пациентов в результате повторного, хотя и частичного, обретения тех органов, которые они утратили. В следующем, 2008 году пятеро новых добровольцев приняли участие в аналогичном эксперименте, результаты которого оказались еще лучше, чем год назад...

Второе сообщение пришло от блогера, пользующегося ником Pasadena, но на этот раз это был не один из ее друзей в «Фейсбуке», а журналист, знакомый ее коллеги. У него имелся доступ к архивам множества американских журналов, и, связавшись с нужными людьми, он получил фотографию из «Лос-Анджелес таймс». Коснувшись фотографии двумя пальцами и разведя их в стороны, Марион увеличила изображение. Это оказался Фонд Фог в день его торжественного открытия. Подпись гласила:

Доктор Адриан Фог открывает свой благотворительный фонд вместе с полковником Холлборном, начальником хирургической службы в Камп-Пендлтон — тренировочном военном лагере морских пехотинцев, одном из крупнейших в стране, расположенном к югу от Лагуна-Бич. Здесь проходят тренировки те морские пехотинцы, которых в дальнейшем отправляют в Ирак.

Журналист также прислал ей телефон секретариата полковника Холлборна в Камп-Пендлтон.

С лихорадочно бьющимся сердцем Марион смотрела на цифры номера.

Возможно, ключ к разгадке уже у нее в руках.

Зачем ждать?

Она отодвинула айпад и взяла мобильный телефон.

Глава 42

На этот раз она решила играть до конца.

Глубоко вздохнув, словно перед прыжком в воду, она наконец решилась:

— Секретариат главного штаба полковника Холлборна?

— Да, — ответил женский голос.

— Добрый день. Меня зовут Катрин Борман, я продюсер «Франс телевизьон». Мы готовим репортаж о современных достижениях военной хирургии. Мне хотелось бы немного побеседовать с полковником Холлборном. На всякий случай сообщаю свои координаты и профессиональные данные.

Марион продиктовала секретарше электронный адрес и краткое резюме своей бывшей патронессы — все это она помнила наизусть. Разумеется, это была чистой воды лотерея. Но Марион надеялась, что секретарша быстро проверит данные с помощью Интернета и не станет звонить во Францию, чтобы их перепроверить.

Во время возникшей паузы она обдумывала, как лучше построить беседу.

— Соединяю вас с полковником Холлборном, — наконец произнесла секретарша.

— Здравствуйте, миссис Борман, — без предисловий начал Холлборн. — Список ваших профессиональных достижений сейчас находится прямо у меня перед глазами. Надо сказать, он впечатляет...

Голос резкий, уверенный, отчетливый.

Марион представила себе человека лет пятидесяти, прямого и открытого, скорее похожего на главврача больницы, чем на раздражительного старого вояку в униформе.

— Спасибо, полковник. Очень любезно с вашей стороны уделить мне немного времени. Прощу вас, зовите меня просто Катрин...

Марион старалась в точности воспроизводить не только интонации, но даже мимику своей начальницы, хотя собеседник не мог ее видеть.

— Как я уже говорила вашей секретарше, «Франс телевизьон» готовит репортаж для одного крупного телеканала, посвященный развитию хирургии в двадцать первом веке. Правда ли, что вы один из крупнейших мировых специалистов в этом вопросе?

— Да, Катрин, совершенно верно, — с явной гордостью ответил

полковник.

— Могли бы вы в нескольких словах объяснить, в чем заключается основная работа вашего объединения?

— В это объединение входят научно-исследовательские медицинские лаборатории и ряд крупных ожоговых центров при министерстве обороны. Частично наша миссия заключается в развитии военной медицины и полевой хирургии. Наша цель — увеличить шансы на выживание наших солдат, получивших серьезные ранения.

— Каковы ваши источники финансирования?

— Пентагон, посредством DARPA^[14], передает нам десятки миллионов долларов в год.

— И каким образом вы осуществляете свою деятельность?

— Наша основная база — тренировочный лагерь для морских пехотинцев, которых готовят к отправке в Ирак. Наши хирурги также отправляются туда вместе с ними — организуют всю необходимую помощь на месте и обеспечивают транспортировку раненых обратно в США в особо тяжелых случаях. В период войны во Вьетнаме процесс транспортировки растягивался и занимал несколько недель. Сейчас мы можем уложиться максимум в три дня, даже если пострадавший находится где-то далеко в пустыне.

— Каковы основные виды ранений, с которыми приходится сталкиваться вашим хирургам?

— Наиболее серьезные ранения — те, что наносят мины-ловушки, гранаты и различные взрывные устройства. Сильные ожоги часто приводят к полной или частичной потере пальцев. Вы можете подумать, что это не столь серьезно, как потерять руку или ногу, но это ошибка. Если вы не сможете ничего взять в руку, не в силах будете пользоваться даже ручкой и зубной щеткой, ваша жизнь сильно усложнится...

Теперь голос полковника звучал более напряженно. Однако после короткой паузы он продолжал прежним тоном:

— Возьмите, к примеру, обезьян. У них нет отдельного большого пальца. Поэтому они не способны совершать точные движения. Большой палец, отстоящий от остальных, — вот что, по сути, сделало нас людьми. Отнимите палец у восемнадцатилетнего человека — и его жизнь сильно изменится, причем не в лучшую сторону.

— Вы упомянули о научно-исследовательских лабораториях. Вы развиваете новые технологии в этом направлении?

— Да, конечно. Мы разработали множество экспериментальных программ. В частности, использовали создание внеклеточной матрицы для

ускоренной регенерации тканей. Первые результаты весьма многообещающи, но пока еще далеки от полного завершения. Мы не слишком стремимся их рекламировать, чтобы не вызывать у раненых иллюзорных надежд.

— Правда ли, что некоторые врачи из частных клиник и других организаций сотрудничают с вами?

— Да, — отвечал Холлборн слегка настороженно. — Такое сотрудничество всегда имело место.

— Среди них и Адриан Фог?

Пауза.

— Мы прекратили сотрудничество с доктором Фогом около двух лет назад, — наконец ответил полковник.

— Почему? Вы вместе участвовали в открытии Фонда Фога. Вы были коллегами и, скорее всего, даже друзьями, ведь так?

— Министерство обороны спонсировало большую часть его исследований, — ворчливым тоном произнес Холлборн. — Результаты у него были весьма впечатляющими. Но затем мы узнали про его сомнительные связи.

— Вы имеете в виду его отца?

— Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос.

— Значит, вы прервали сотрудничество с Фогом. Следовательно, перестали его финансировать. Для него, я полагаю, это был серьезный удар.

— Само собой. Он угрожал сделать все свои секретные разработки общедоступными.

— В то время как они стали возможны только благодаря его сотрудничеству с вами и вашим средствам?

— Именно! Его открытия обошлись нам в миллионы!

Марион собрала все силы для последнего броска:

— Полагаю, Пентагон был совсем не рад такому повороту событий. Он вложил миллионы долларов в разработки, которые вот-вот могли стать общедоступными, то есть ими смогли бы воспользоваться китайцы, русские, да кто угодно... Фактически это будет означать, что деньги были выброшены на ветер...

Помолчав, она заговорила снова, произнося каждое слово медленно и отчетливо:

— Когда два года назад Фог ушел, унеся с собой все свои разработки, вы, конечно, пришли в ярость. Я знаю, что примерно в то же время против него возбудили расследование на федеральном уровне. Месяц назад доктор Фог должен был принять участие в международном конгрессе хирургов-

ортопедов в Лос-Анджелесе. Но таинственным образом исчез. Не видите ли вы связи между всеми этими событиями?

— На что вы намекаете? — спросил Холлборн угрожающим тоном.

— Это вы натравили на него ФБР два года назад? Но он все-таки решился месяц назад сообщить о своих открытиях на международном конгрессе? Что с ним произошло? Что стало с теми его разработками, которые, как вы утверждаете, стоят миллионы?

Холлборн выдержал паузу — возможно, она понадобилась ему, чтобы нажать на какую-то кнопку срочного вызова.

— Миссис Борман, я не вполне понимаю смысл ваших расспросов, — сухо проговорил он. — Вы не могли бы связаться со мной позже?

— Спасибо, полковник.

Марион завершила соединение.

Щеки у нее пылили, дыхание было прерывистым. По вискам струился пот. Одежда тоже промокла от пота. Этот разговор полностью истощил ее силы.

Однако она сделала гигантский рывок в своем расследовании.

В окружающем ее мире наконец-то что-то стронулось.

Вот представьте себе: вам уже удалось наполовину сложить огромный пазл. И вдруг сложенные детали начинают сами собой рассыпаться, словно обломки гигантских тектонических плит. Они взмывают в воздух и вихрем носятся вокруг вас. Затем снова соединяются, но образуют уже совершенно новую конфигурацию.

Адриан Фог получал финансовую помощь от министерства обороны на свои исследования. Он открыл собственный благотворительный фонд, где бесплатно лечил бедняков, вроде индейца Уойяка, неспособных самостоятельно оплатить операцию. Но поскольку его отец был одним из главарей преступного мира, это неизбежно навлекло подозрения на Адриана. И он все потерял. Затем погибла его жена. И наконец, его похитил Троянец.

Самым важным вопросом из тех, что на данный момент оставались без ответа, был такой: что стало с его научными разработками стоимостью в миллионы долларов?

Еще один вопрос: действовал ли Троянец в одиночку или — такая гипотеза впервые пришла в голову Марион — работал на кого-то другого?

Может быть, его нанял Холлборн?

Марион продолжала размышлять.

Итак, Фог рассорился с министерством обороны. Все свои наработки он унес с собой. Холлборн не хотел, чтобы они стали общедоступными, и

натравил на Фога ФБР. Но Фог оказался упрямым, никакие доводы на него не действовали. Поэтому Холлборн приказал одному из своих людей — такому же, как он, морскому пехотинцу — заняться им вплотную. Этот человек и есть Троянец. Вначале он убил жену Фога, замаскировав ее смерть под обычную автокатастрофу. Это было первое предупреждение. Адриан понял его смысл и на какое-то время притих. Но затем вновь взбунтовался. Он решил сообщить о своих исследованиях на международном конгрессе. И тогда Троянец его похитил.

Марион обдумывала эту гипотезу. Вроде бы все сходилось... Разве что... получалось, что американская армия использует те же методы, что и обычные преступники. Так могло происходить в каком-то из малобюджетных фильмов, но в реальности... Марион в этом сомневалась.

Такие методы скорее подходили Большому Па.

Но если бы Троянец работал на Большого Па, тогда Микадо и Брауни не стали бы ему противостоять. А она... какую роль она играла во всем этом? После всех событий, разыгравшихся в Лагуна-Бич в непосредственной близости от нее, зачем понадобилось Троянцу увозить ее в Юту?

Нет, в этой версии по-прежнему зияло множество дыр. Марион вошла в Интернет, желая продолжить поиски. В почтовом ящике оказалось еще одно письмо от ее знакомого под ником Pasadena:

Я нашел еще кое-что! В послужном списке доктора Фога, размещенном в Сети, перечислены все его места работы. Среди них — хирургический центр при министерстве обороны США, в городе Пейдж, штат Аризона. Я знаю Пейдж. Это городок посреди пустыни, в буквальном смысле повисший в пустоте. Шесть тысяч жителей, из них четверть — индейцы. С чего бы строить там военный госпиталь? Я посмотрел в электронном справочнике — по этому адресу нет никакого хирургического центра. Вместо него там фабрика промышленного льда. Странно, правда? Может, стоит копнуть глубже?

У Марион перехватило дыхание.

Пейдж? Она была уверена, что совсем недавно видела это название на придорожном указателе. Марион развернула атлас автомобильных дорог. Посмотрела географические координаты. И, поведя пальцем по карте, нашла то, что искала.

Пейдж действительно находился в Аризоне.

У самой границы с Ютой.
Меньше чем в пятидесяти километрах от нее.

Глава 43

Сквозь прошлое

Сквозь стекло операционного блока Марион наблюдала за тем, как работает Натан.

Сегодня он проводил особо сложную и тонкую операцию. В прежние времена одна лишь возможность присутствовать при этом вызвала бы у Марион безумный восторг. Но сегодня был не тот случай — поскольку счастье, абсолютное счастье, почти всегда порождает глубокую грусть.

Такую реакцию легко понять. Вот вы и достигли вершины. Вы здесь. Вы всегда мечтали о том, чтобы достичь своей цели — выиграть в лотерею, выучиться на хирурга, возглавить предприятие, стать актером, иметь детей, хотя врачи диагностировали у вас бесплодие, взойти на Эверест, встретить величайшую любовь всей своей жизни, — и вот наконец вы ее достигли.

Вы и сами не знаете толком, как вам это удалось.

Одни скажут, что это случилось благодаря вашей настойчивости. Другие — что вам просто повезло. Что вы оказались, как говорится, в нужном месте в нужное время. И вы никогда не узнаете о точном соотношении первого и второго.

Но одно известно точно: теперь вам придется спускаться с ваших заоблачных высот. И вас охватывают тревога и грусть.

Сколько еще продлится ваше счастье? О чем теперь мечтать, когда вы уже получили свои миллионы? Стали хорошим хирургом? Блестящим менеджером? Великим актером? Справитесь ли вы с воспитанием детей? Будут ли другие горы, на которые вы сможете подняться, еще более прекрасные? Долго ли продлится ваша великая любовь?

Поскольку все сводится к этому.

Сколько времени?

Долго ли еще?

Марион опустила голову.

Чертовски неприятный вопрос, не так ли?

— Что ты говоришь? — спросил Натан, выходя из операционного блока.

— Так, ничего, — ответила она. — Мысли вслух.

Он стянул халат и бросил его в корзину для стирки. Они перешли в раздевалку. Здесь они были одни.

— Ты смотрела, как я оперирую?

— Да нет, почти не смотрела...
— Ты думала обо мне?
— Еще бы. О тебе и о твоей самодовольной улыбочке. Той самой, которой ты улыбаешься и сейчас.
— Она всегда неотразимо на тебя действовала, правда же?
— Я ее называю «Натан Чесс номер три».
— Нет, — возразил он, — это номер два. — Затем обнял ее. — А вот это — номер три.

Некоторое время они стояли, обнявшись, среди медицинских халатов, панталон и обуви. Больничная романтика во всей своей красе.

Но Марион еще никогда не чувствовала себя такой счастливой.

— У меня для тебя подарок, — сказала она.

— Вот как?

— Да.

— В честь чего?

— Решила отметить наш первый месяц.

— С того дня, как я поцеловал тебя на площади перед Нотр-Дам?

— Именно.

— Ну, надо же. Все и впрямь серьезно!

Марион раскрыла пластиковый пакет и вынула оттуда небольшую гипсовую плитку.

— Что это? — спросил Натан.

— Это плитка с отпечатками рук, вроде тех, что на Голливудском бульваре. Я взяла гипс в отделении первой помощи и сама ее сделала. На ней отпечатки обеих моих ладоней. Раз уж ты постоянно занимаешься чужими руками, пусть у тебя будут и мои. Имей в виду, это хрупкая вещь. Так же, как и я. Ты не должен меня разбить.

Улыбка Натана исчезла.

— Я тебя не разобью.

— Никогда?

— Никогда.

— Почему ты так в этом уверен?

Он взглянул на нее очень серьезно.

— Потому что я тебя люблю, Марион Марш.

В тот же вечер они в обнимку зашли в ресторанчик в Латинском квартале. Был канун Рождества, на столиках горели свечи. Снаружи шел то дождь, то снег, словно зима колебалась, не зная, что ей выбрать, и раскачиваясь, как на качелях, между двумя сезонами.

— В детстве мне всегда хотелось лодку, — сказал Натан.

— Лодку?

— Да, совсем маленькую. Но отец все время мне отказывал. Не позволил иметь даже надувную. Он как будто боялся, что я от него уплыву, что в конце концов и случилось. С тех пор я не перестаю о ней мечтать. Маленькая парусная лодка, где-нибудь в спокойном месте, посреди красивого пейзажа... Плывешь куда хочешь, и никто не заставляет тебя выбирать то или другое направление... Лодка — это ведь так символично, правда?

— Да, наверно...

— Что-то не так? Ты сегодня не в своей тарелке...

— У меня болит живот.

— Опять? Ты уже столько раз на это жаловалась. Ты не...

— Нет, не беременна. Я соблюдаю все необходимые предосторожности.

— Хочешь, я тебя осмотрю? Моя специальность — хирургия кисти, но я умею делать любые хирургические операции. За время учебы я проходил стажировку по многим специальностям...

— Ничего страшного. Может быть, позже... Скажи лучше, зачем ты меня сюда привел?

Натан принял нарочито таинственный вид и поставил на стол небольшую коробочку.

— Что это? — спросила Марион с внезапно заблестевшими глазами.

— Открой — и увидишь.

Она открыла коробочку — очень медленно и осторожно.

Внутри оказался небольшой свиток пергамента, перевязанный красной шелковой ленточкой.

— Что это?

— Разверни.

Марион развязала ленточку и развернула пергамент.

На нем каллиграфическим почерком было написано:

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

— Это магический пергамент, — торжественно произнес Натан. — Он рассчитан на три желания. Иными словами, сегодня вечером я пригласил сюда невидимого доброго гения, который готов их исполнить.

— Хм... Ну что ж, это прекрасная идея. Но твой гений действительно может это сделать — или это просто трюк, чтобы затащить меня сегодня в

постель?

Натан сделал вид, что смертельно оскорблен:

— Не шути так с гениями! Тем более что этот действительно очень могущественный! Если ты в него не поверишь и откажешься загадывать желания, он сильно разгневается!

— Ну, хорошо...

Несколько секунд она раздумывала. Потом сказала:

— Значит, так. Желание номер один: небольшой подарок, не обязательно дорогой. Желание номер два: музыка, которая всегда напоминала бы мне о тебе...

Натан пожал плечами:

— Ну, пока все довольно просто...

— Да, но я уверена, во-первых, что твой гений — мужчина, а во-вторых, что он очень занят. На всякий случай я дам ему несколько дней на выполнение желаний. А то вдруг и вовсе останусь ни с чем... — Слегка потерев подбородок, Марион прибавила: — И желание номер три: я хочу что-то особенное. Какой-то единственный и неповторимый момент, только для нас двоих. Над этим твоему гению придется немножко поломать голову. И приложить какие-то усилия. Это должно быть настоящее маленькое чудо. Ну вот. Подарок, мелодия и чудо. Ты запомнил?

Натан пристально посмотрел на нее:

— Нет нужды запоминать. Гений все слышал.

— Думаешь, он сможет все это выполнить?

— Конечно. На то он и гений.

Глава 44

Сейчас

Марион ехала в старом открытом «бьюике», придерживая рукой дверцу. Солнцезащитные очки она сдвинула на лоб, волосы ее развевались на ветру.

Ей пришлось потратить часть денег на покупку этой развалюхи, поскольку взять машину напрокат она не могла — все ее документы, включая паспорт и водительские права, Троянец у нее забрал. Выбор остался несложный — либо старый «бьюик» за гроши, либо что-то более приличное, но уже совсем за другие деньги.

Скрепя сердце она остановилась на первом варианте и рассчиталась наличными с продавцом.

Тот, разумеется, ни словом не обмолвился о недостатках машины — огромный расход бензина, минимальная оснащенность и нулевая безопасность, — вместо этого, напирая на романтичный аспект, он упомянул о том, что на таком же автомобиле путешествовали героини известного фильма «Тельма и Луиза». На что Марион ответила, что если бы Тельма и Луиза в самом деле путешествовали по штату Аризона при сорока пяти градусах в тени, то они, скорее всего, выбрали бы для этого «хонду» с кондиционером.

Ей удалось добиться значительной скидки.

Затем она поехала по 89-му шоссе на юг.

Пейзаж вокруг нее менялся невероятно быстро. Температура росла стремительно, на горах становилось все меньше деревьев — словно волос на голове лысеющего старика. Очень скоро пейзаж стал напоминать лунный ландшафт. Голые холмы, светлые, будто выцветшие, скалы, дрожащее марево над асфальтом... Ничего живого, кроме редких чахлых кустиков юкки. И целые тонны пыли.

Из «Википедии» Марион узнала, что именно в этой местности снимали фильм «Планета обезьян». Теперь она понимала почему.

Она бросила взгляд на пассажирское сиденье, где лежал ее айпад, заряжавшийся от прикуривателя на приборной панели машины, благодаря конвертеру тока. Этот конвертер пришлось купить дополнительно, но Марион решила, что это необходимо: ни в коем случае нельзя было оставаться без постоянного доступа в Интернет, откуда могла в любой момент прийти какая-то новая информация.

А информация сейчас означала для нее выживание.

Путешествие заняло больше времени, чем она рассчитывала, — или, скорее, «бьюик» тащился еще медленнее, чем можно было предположить, — но в конце концов Марион с этим смирилась и расслабилась, убаюканная монотонностью дороги. Но как бы то ни было, она совсем не ожидала увидеть картину, наконец представшую ее глазам.

Сначала среди непрерывной цепи холмов появился ярко-голубой просвет, а затем... Это был настоящий шок. Перед ней в один миг выросли гигантские пики Колорадо.

У Марион перехватило дыхание.

Несмотря на непрекращающееся стрессовое состояние, вызванное чередой недавних событий, она остановила машину у обочины, в облаке пыли, и вышла.

Иногда просто необходимо найти время, чтобы выбраться на природу. Ее могущественная сила не только наполняет вас почтением — она позволяет вам на какое-то время свободно вздохнуть, забыть все те утомительные заботы, груз которых мы несем на себе изо дня в день, словно муравьи.

Десятки багровых скал образовывали гигантский зубчатый массив, протянувшийся вдоль всего горизонта. Кое-где виднелись расселины, словно прорубленные топором великана, сквозь которые струились потоки воды в ореолах сверкающих брызг. У подножия скал раскинулось ярко-бирюзовое озеро.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛЕЙК-ПАУЭЛЛ!» — гласила надпись на придорожном щите.

Некоторое время Марион любовалась этим захватывающим зрелищем, прикрыв глаза ладонью и вдыхая невероятный аромат, который мог быть таким и на заре времен, в первый день творения. Затем мимо пронесся огромный грузовик-цистерна, сигналив ей на ходу. Она вернулась к машине и продолжила путь.

Вскоре она преодолела узкое головокругительное пространство Гленканьона и въехала в крохотный городок Пейдж.

Как писал ее коллега, пользующийся ником Pasadena, здесь проживали всего шесть тысяч жителей, но у Марион сложилось впечатление, что их даже еще меньше. Единственная центральная улица, небольшие магазины, несколько старых отелей, буквально плавящиеся от жары дома... Почти другая планета, где явно не помешал бы скафандр. При всем желании невозможно было себе представить хирургический госпиталь в таком

месте. В лучшем случае — один-единственный кабинет врача широкого профиля.

Зато церковей оказалось на удивление много. На главной улице Марион насчитала целых три. Этот необычный феномен ей и раньше доводилось замечать в самых бедных районах Америки. Когда приходится выживать на грани нищеты, дешевле хоронить мертвых, чем лечить живых. Кроме того, поход в церковь зачастую становится единственным доступным развлечением.

Она поднялась вверх по одной улице, затем спустилась по другой, вновь поднялась по третьей — Пейдж был похож на гигантскую змею, обвившуюся вокруг вершины горы. Наконец, Марион оказалась в небольшой промзоне. Согласно прочерченному на карте маршруту, фабрика по производству промышленного льда находилась именно здесь.

Марион подняла глаза.

Невысокое белое здание, вытянутое в длину, сплошь покрытое тончайшим налетом пустынной пыли. Перед зданием — огороженная парковка. Ограждение — в сплошных пятнах ржавчины...

Место казалось абсолютно заброшенным.

Припарковав свой «бьюик» рядом с почти таким же древним «шевроле», Марион вышла.

С парковки можно было сразу войти в здание — через небольшую, словно в гараже, дверь. Она была открыта, проем загораживало только нечто вроде занавеса из вертикальных пластиковых полос. Время от времени за ним мелькал чей-то силуэт.

Значит, внутри все-таки находились люди.

Марион невольно оглянулась на свою машину, подумав о лежащем на переднем сиденье айпаде и о сумке с деньгами в багажнике.

— Не надо этой паранойи, — вслух подбодрила она себя. — Вперед!

Совсем не так она представляла себе фабрику по производству промышленного льда. И уж тем более — хирургический госпиталь.

Она уже собиралась войти, как вдруг изнутри донесся страшный грохот.

Марион резко остановилась.

Звук был такой, словно автомобиль на полном ходу врезался в бетонную стену. Он длился всего несколько секунд. Затем все стихло.

Набравшись храбрости, Марион сделала глубокий вдох и, раздвинув пластиковые полосы, шагнула внутрь здания.

В противоположном конце этого единственного цеха она увидела двух мужчин. Один из них заталкивал ледяную глыбу размером больше

стандартного холодильника в гигантскую машину для резки льда, а второй собирал ледяные осколки, размером чуть больше бейсбольного мяча, и грузил их в тележку. Машина для резки льда напоминала средневековое пыточное приспособление: она вся состояла из бесчисленных рядов вращающихся зубьев. Марион невольно вспомнила чудовищную акулу-убийцу из фильма «Челюсти».

— Здравствуйте, — осторожно произнесла она.

Двое рабочих одновременно повернулись к ней.

Марион заметила, что они работают голыми руками, которые покрыты крупными каплями воды, и что брови и ресницы у них заиндевели, как бывает зимой на морозе. Только у одного была защитная обувь.

— Я ищу фабрику льда, — произнесла Марион.

— Это она и есть.

— Вы только вдвоем здесь работаете?

— Мы справляемся.

Отвечавший ей человек повернулся к своему напарнику и сказал что-то на непонятном языке, сопровождая свою фразу знаком продолжать работу. Затем снова повернулся к Марион.

Улыбнулся.

Протянул руку:

— Здравствуйте.

Она слегка пожала огромную грубую ладонь, обратив внимание на большое количество шрамов и рубцов.

— Меня зовут Хуан. Мой приятель — индеец-навахо. Он не понимает нашего языка. Давайте выйдем на улицу. Тут слишком шумно...

Он вышел, попутно прихватив со стеллажа две банки пива, и протянул одну банку Марион:

— Держите.

Слегка удивившись такому непринужденному гостеприимству, она все же взяла банку и открыла.

Хуан открыл свою:

— Чем могу вам помочь?

— Я... хм...

— Вы хотите купить лед?

— Э-э... а что, вы его продаете?

— Ну, вообще-то частникам — редко. У нас промышленный лед.

— То есть?..

— Не пищевой. Такой используется в рефрижераторах для хранения и перевозки продукции — рыбы, например. Еще он используется для

некоторых видов климатизирующих систем, в офисах и отелях. Хотя, если нужно, мы можем продать и вам пару блоков. Местные иногда его покупают. — Он взглянул через плечо Марион на «бьюик» и прибавил: — Но вы ведь не местная?

— Нет.

Она не знала, с чего начать:

— Я прочитала... я думала, что...

— Вы хотели получить консультацию у доктора Фогга?

Марион невольно распахнула глаза:

— Да, именно это.

Хуан улыбнулся:

— Так бы сразу и сказали. Надеюсь, у вас не слишком серьезные проблемы со здоровьем — вы выглядите вполне бодро. Но, к сожалению, доктор Фогг здесь больше не работает.

Он сел на ограду парковки, свесив ноги. Через минуту Марион сделала то же самое.

Хуан смотрел на пустыню, потягивая пиво небольшими глотками.

— Здесь и так-то мало кто оставался. Но после того как Фогг уехал, не осталось, можно сказать, вообще никого. Я о медиках. Только он нас и лечил. — Он вытянул к ней правую руку, слегка отставив указательный палец с глубоким шрамом у основания: — Видите? Это он мне пришил. Этот палец держался на клочке кожи. Я уже собирался отрезать его совсем и выкинуть в помойку. А потом перевязать руку и выпить горсть обезболивающих. Я надеялся, что выдержу. Но Фогг сказал, что в этом случае у меня, скорее всего, начнется гангрена. И добавил, что у меня нет никаких оснований терять палец.

— То есть... доктор Фогг вас прооперировал?

— Да. В подсобке за этим зданием. Там он устроил что-то вроде небольшого медпункта, где постоянно дежурили врач и медсестра. Он это сделал на деньги военных, которые его спонсировали. Ему выдавали деньги на какие-то научные исследования. Ему оставалось только простерилизовать этот медпункт с помощью льда, который уничтожает микробов. Но чего-чего, а уж льда здесь хватало.

— И что, доктор Фогг часто проводил здесь операции?

— Ну, только если дело касалось мелочей — порезов, ожогов или травм пальцев, как у меня... Все им восхищались. Индейцы-навахо часто приходили к нему. Он проводил здесь несколько дней в месяц. Я знаю, что кое в чем он обманывал своих спонсоров. Говорил им, что построил здесь настоящую клинику. Но больше всего он хотел, чтобы они оставили его в

покое. Есть люди, которые любят одиночество, вы наверняка и сами знаете...

Марион размышляла о жизни Адриана Фога. Об огромном доме в Лагуна-Бич, о необыкновенном электромобиле «тесла», о состоятельных пациентах, о работе в известных на всю страну медицинских центрах, вроде «Седар-Синай» в Лос-Анджелесе... Она думала о его жене и Хлое, которым постоянно приходилось его ждать, полагая, что он участвует в каком-то очередном конгрессе...

Нет, она не понимала.

— А теперь, когда его нет, как же вы здесь справляетесь?

— Здесь осталась пара медсестер. Фог передал им кое-что из своих знаний. Он сказал, что многих можно многому научить, даже начинающих. И даже начинающие могут научить чему-то вас самих. Особенно если речь идет о *вас самих*. Сам он получил этот урок от одной женщины, с которой был знаком когда-то давно в другой стране.

Хуан пристально взглянул на Марион.

Она отвела взгляд.

— Но военные перестали оплачивать его эксперименты, — после паузы продолжал Хуан, — и ему пришлось остановить работу.

— Он... он здесь же и жил?

— Нет. У себя на корабле.

— На корабле?

— Недалеко отсюда, на озере Лейк-Пауэлл, раньше было оживленное курортное местечко. Но потом все заглохло... Там у Фога есть небольшое судно. Оно стоит в бухте на привязи у берега. Я могу вам показать, где это, если хотите. Туда всего минут пятнадцать езды.

Марион взглянула на Хуана. Лицо его было серьезным.

— Почему вы так любезны? Почему мне все это рассказываете?

Сделав небольшой глоток пива, Хуан ответил:

— Время от времени Фог рассказывал о женщине, с которой был знаком. Понятно было, что это не его жена. Обычно он о ней вспоминал, когда мы с ним вдвоем пили пиво, вот как сейчас с вами. — Он смял пустую банку и бросил ее на землю. — Я рассказываю вам все это потому, что вы, как мне показалось, кого-то ищете. Но здесь уже никого нет. Только призраки.

Хуан спрыгнул с ограды, затем по просьбе Марион нарисовал на листке, как проехать до бывшего курорта и найти бухту, в которой стоит у берега судно.

— И вот еще что, — добавил он. — Насчет этого судна рассказывают

всякое... Кое-кто видел там огни, среди ночи. Так что будьте осторожнее.

Глава 45

Как и говорил Хуан, бывший курорт находился всего в четверти часа езды от Пейджа. Незадолго до того Марион проехала это место, даже не обратив на него внимания. Сейчас она преодолела часть предыдущего пути в обратном направлении, затем свернула вправо на развилке и после еще нескольких поворотов въехала на усыпанную гравием парковку.

Здесь стояло несколько автомобилей, большинство из них — трейлеры. Но туристов, судя по всему, было немного. Жара стояла удушающая.

Марион закинула за спину свой рюкзак и направилась к небольшому зданию администрации, где ее снабдили планом окрестностей Лейк-Пауэлл и указали на пункт проката плавсредств. Там хозяин охотно предложил ей воспользоваться основательной надувной лодкой «Зодиак», хотя обычно в таких конторах выдавали хлипкие плавучие корыта. Пока лодку приводили в рабочее состояние, Марион отошла в тень и, достав айпад, проверила электронную почту.

В почтовом ящике оказалось новое письмо от Кору.

Привет! Сейчас 4 утра, а у меня сна ни в одном глазу!

В соседней палате скандалит какая-то старая полоумная карга. О, кажется, ей вкололи снотворное... Черт, я сама тут скоро свихнусь!.. Кстати, нашла один видеоролик, который, возможно, тебя заинтересует. Когда проснешься и посмотришь его, напиши о своих впечатлениях.

Видеоролик представлял собой запись выступления мировой знаменитости, доктора Дебьена, на международном конгрессе психиатров в парижском Дворце конгрессов. Доклад назывался своеобразно: «Психопатологии, связанные с Интернетом: троянский синдром».

Просматривая эту запись, Марион хмурилась все сильнее. Стоящий перед микрофоном человек лет сорока, представительный, бородатый, говорил с трибуны следующее:

...с развитием Интернета, социальных сетей, особенно «Фейсбука», возникли новые виды психических расстройств. Несмотря на то что это совсем недавние явления, их

последствия внушают серьезную тревогу. Среди наиболее примечательных синдромов одним из самых опасных является тот, который мы называем «троянским». Суть в следующем: даже когда к вам в Сети обращается незнакомец, тон вашего общения очень быстро становится фамилльярным. Это новое средство общения увеличивает степень доверия между незнакомыми людьми. Но человек, с которым вы откровенничаете, вполне вероятно, движим не самыми лучшими намерениями. Стоит ему лишь немного расположить вас к себе, и он, подобно знаменитому коню из древнегреческого мифа, тайно проникает в вашу доселе защищенную крепость. Вы рассказываете ему о своих пристрастиях, о своих привычках, показываете семейные фотографии. Порой вы прислушиваетесь к его советам. Но в сущности вы открываете дверь абсолютно незнакомому человеку. Как он может использовать свою власть над вами? Вы этого даже не представляете.

Вы — типичная жертва «троянского синдрома»...

Доклад продолжался еще довольно долго. Такое совпадение взволновало Марион. Служащий пункта проката сделал ей знак, что «Зодиак» готов. Марион убрала айпад в рюкзак и села в лодку. Спустя несколько минут она уже плыла по озеру.

Она насчитала еще десять других лодок. За одной из них тянулся большой плавательный круг, облепленный хохочущими детьми. Кто-то помахал Марион рукой, она, улыбаясь, помахала в ответ. Но тут же вспомнила о Хлое, отчего улыбка померкла.

Судя по плану, начерченному на листке Хуаном, судно Адриана находилось довольно далеко от нее, в одном из многочисленных боковых ответвлений, делающих озеро похожим на гигантскую морскую звезду. Примерно в течение получаса Марион обследовала небольшие бухты, на берегах которых возвышались острые скалы, огромные и величественные, темно-багровые, до блеска отполированные ветром. Людей, катающихся на лодках, встречалось все меньше, пока наконец она не оказалась совершенно одна.

Вскоре после этого она обнаружила то, что искала, в почти круглой бухте, окруженной обрывистыми холмами. На берегу был установлен большой деревянный щит с надписью: «ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ. СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА», а рядом стояло у берега судно, нечто вроде большой понтонной лодки с плоским дном, напоминающее плавучий

домик.

Увидев судно, Марион изумленно округлила глаза.

Она хорошо помнила самую первую фотографию Натана, которую получила от Троянца еще в Париже. Там он стоял на капитанском мостике судна, очертания которого в точности совпадали с теми, что были перед ней сейчас.

Может быть, Троянец уже здесь?

(Насчет этого судна рассказывают всякое... Кое-кто видел там огни, среди ночи...)

Марион оглядела окрестности. Ничего.

Она выключила мотор и позволила «Зодиаку» свободно скользить по воде. Добравшись до понтонного судна, она обнаружила, что глубина у берега лишь чуть больше полуметра. Марион сняла кроссовки, забросила на спину рюкзак и спрыгнула в холодную воду. Ноги ее тут же покрылись мурашками. Марион медленно подошла вплотную к борту судна:

— Есть тут кто-нибудь?

Никакого ответа.

Она ухватила за трап и поднялась на борт. Судно слегка покачнулось. В воздухе пахло нагретым песком. Вокруг жужжали насекомые. Одно из них уселось Марион на нос, затем улетело. На крыше поблескивала параболическая антенна, рядом был натянут тент от солнца.

Марион вошла в каюту.

Здесь было чисто и уютно. Телевизор, электроплитка, будильник... Солнечная батарея, обеспечивающая электроснабжение.

Затем она заметила лестницу, ведущую к люку в потолке: очевидно, это был вход в помещение уровнем выше. Люк был заперт на замок, но ей понадобилось всего несколько минут, чтобы найти спрятанный под лавкой ключ. Отперев люк, она поднялась вверх. В помещении царил полумрак из-за плотных занавесок, которые закрывали окна, служа, скорее всего, для защиты от жары. Марион осторожно прошла вдоль стены, ощупью пытаясь найти выключатель.

Наконец отыскала и включила свет.

Вся обстановка теперь стала отчетливо видна.

На стенах висело множество фотографий. Но это были не фотографии людей, а непонятные, почти абстрактные изображения: какие-то завитки, изгибы, концентрические круги... На некоторых снимках внизу стояли подписи — какие-то имена и даты. На других — только непонятные коды. Возле некоторых располагались бумажные квадратики, соединенные прочерченными по стене линиями. В целом все это напоминало то ли

систему распознавания, то ли некую классификацию.

Внезапно сердце Марион встрепенулось. Она поняла, что означают эти узоры.

Отпечатки пальцев.

Всевозможные узоры папиллярных линий.

О господи, что же это значит?

Марион не сразу заметила, что в комнате нет другой мебели, кроме стоявшего в углу шкафа.

Она подошла к нему и распахнула дверцы.

Внутри находился ультрасовременный сейф, вместо замочной скважины на его дверце помещался плоский блестящий прямоугольник размером с экран небольшого ноутбука. Сейф был вделан в стену, то есть в буквальном смысле спаян с кораблем.

Но не это удивило Марион сильнее всего.

На сейфе, в коробке с прозрачной стеклянной крышкой, она увидела обломки гипсовых пластин с отпечатками ладоней.

Своих ладоней.

Эти был ее подарок Натану, сделанный когда-то давным-давно, в другой жизни.

Хрупкие, растрескавшиеся, наполовину рассыпавшиеся отпечатки — но все же уцелевшие.

— Что это зна...

Но тут тишину разорвал грохот.

Марион инстинктивно бросилась на пол.

Пули градом обрушились на стены и крышу. Антенна рухнула. Солнечная батарея разлетелась вдребезги. Выстрелы не смолкали. Марион зажала уши. Щепки так и сыпались на пол. Металл корежился. Затем стрельба резко прекратилась.

Марион наконец-то осмелилась поднять глаза. Она была невредима.

Эти выстрелы означали всего лишь приказ выходить.

Снаружи завывала сирена — включилась сигнализация.

Марион выглянула в окно. Моторная лодка — с узким корпусом, быстрая, бесшумная — покачивалась на воде буквально в двадцати метрах. Должно быть, тот, кто вел лодку, выключил мотор перед тем, как войти в бухту, и приблизился за то время, что она осматривала судно.

В лодке встала в полный рост черная фигура. В руках человек держал какой-то прямоугольный предмет, которым он помахал над головой, явно чтобы Марион его заметила.

Когда она поняла, что это, по спине у нее заструился холодный пот.

Она быстро вынула айпад из рюкзака и вошла в Сеть.

— *Рад вас видеть*, — написал Троянец.

Глава 46

Появилось видеоизображение.

Девочка, связанная по рукам и ногам, с кляпом во рту, лежит на дне лодки.

Хлоя.

Марион прижала ладони ко рту.

Боже мой... Хлоя...

Хлоя жива!..

Она оставила девочку в руках психопата, но та по-прежнему жива — лежит связанной всего в каких-то двадцати метрах от нее.

Марион склонилась над экраном со слезами на глазах. Хлоя выглядела измученной, но, кажется, на теле не было ран.

По крайней мере, ничего заметного.

Страх Марион сменился яростью.

— *Не делайте глупостей,* — написал Троянец, словно прочитав ее мысли.

— *Вы меня ждали,* — напечатала Марион, чувствуя, как слезы бессильной ненависти скатываются по щекам.

Это был не вопрос, а утверждение.

— *Да.*

— *Как вы меня нашли?*

— *Манипулировать всегда проще, чем принуждать.*

Марион, не отвечая, ждала продолжения.

— *Загородный домик, кровь в ванной, деньги в шкафу — вот и вся мизансцена. Ваш айпад дублировал все ваши интернет-послания на мой. Pasadena — это тоже я.*

Марион оцепенела.

Pasadena, которого она считала просто своим коллегой, знакомым знакомых... Который подбросил ей информацию о полковнике Холлборне и городке Пейдж...

— Зачем? — напечатала она.

— Все очень просто. Это третья часть моего плана: «Выбить с позиций противников». Я даю информацию, вы осуществляете поиск. Я навожу вас на Холлборна, вы вытягиваете из него нужные сведения. Я сообщаю вам о Пейдже — и вы бежите по следу. Хорошая собачка.

Марион показалось, что она наяву услышала довольный смех Троянца. Голова у нее пошла кругом.

— Приложите руки к биометрическому датчику на дверце сейфа.

— Что?

Ответ появился не сразу.

Мерцающий квадратик внизу экрана указывал на то, что Троянец печатает довольно длинное объяснение:

— Прямоугольник на двери — это замок. Ключ — вы сами. Я скопировал отпечаток вашего большого пальца, но этого оказалось недостаточно. Нужны отпечатки обеих ваших ладоней. Фог заложил на судне взрывчатку. При малейшей вашей оплошности все взлетит на воздух.

Несмотря на жару, Марион почувствовала озноб.

— Все его научные материалы, — медленно напечатала она, — внутри сейфа?

— Да.

Затем последовала еще одна фраза:

— Вы должны были приехать сюда. Я мог бы отрезать вам кисти рук. Заморозить их во льду, привезти сюда. Но не хотел рисковать, так как папиллярные линии за прошедшие годы могли подвергнуться изменениям. Вероятность ошибки была велика. А я не совершаю ошибок. Никогда.

Марион задрожала еще сильнее. Она лихорадочно думала, подыскивая ответ, но дело в том, что, когда тебе объявлен шах и поставлен мат, остается

только признать поражение. Троянец получил все, чего хотел — Адриана, его дочь и вот теперь ее. Никто из них не уйдет от него живым.

Если только не...

Она приложила правую ладонь к блестящему прямоугольнику на дверце сейфа. На прямоугольнике появилась зеленая вертикальная черта — сканер начал проверку. Затем настала очередь левой ладони. Последовала та же самая операция. Потом послышался слабый шипящий звук, и дверца открылась. Внутри лежала одна-единственная папка из прозрачного пластика, сквозь который виднелась стопка соединенных между собой листов.

Конечно, у Троянца было вдоволь времени, чтобы допросить Адриана и пытками добиться от него всей нужной информации. Если ему понадобилась вся эта операция, этот план, больше напоминавший стратегию боевых действий, это могло означать только одно: материалы, хранящиеся в папке, существовали в единственном экземпляре. Не было ни бумажных копий, ни электронных файлов — ничего. Иначе Троянец давно добрался бы до них. По какой-то загадочной причине Адриан решил, что Марион — или, точнее, слепок ее ладоней — станет ангелом-хранителем этого святилища.

Она взяла папку.

Теперь в распоряжении Марион появился ценный предмет торга.

— *Будьте осторожны,* — напечатала она, — *иначе я легко смогу уничтожить эти материалы.*

Едва она успела закончить фразу, раздался пронзительный визг. И следом за ним послышался всплеск.

Она взглянула на видеоизображение: Хлои больше не было в лодке!

— Хлоя!

Бросившись к окну, Марион распахнула его. Троянец только что сбросил девочку в воду. Уже без кляпа, но по-прежнему связанную.

Она вот-вот могла захлебнуться.

— Хлоя! — снова закричала Марион.

Она отшвырнула папку и в следующую секунду спрыгнула в воду. Хлоя барахталась примерно в пятнадцати метрах от нее, с трудом удерживая голову над водой и хватая ртом воздух.

— Я сейчас! — закричала Марион, не переставая судорожно грести.

Троянец спокойно завел мотор. Образовавшаяся волна накрыла Хлою с

головой. Девочка полностью скрылась под водой и больше не показывалась.

Марион больше не пыталась кричать, полностью сосредоточившись на собственных движениях. Глубина здесь была уже серьезная. Волны, расходящиеся от моторной лодки Троянца, создавали дополнительное препятствие. Но Марион подхлестывал ужас. Она не отрывала глаз от того места, где скрылась под водой Хлоя, и гребла изо всех сил.

Еще десять метров... еще пять...

Троянец подвел свою лодку к судну Адриана и поднялся на борт.

Три метра... два...

Троянец скрылся в каюте и вскоре снова появился — с папкой в руках.

Марион нырнула.

В темной воде ей не удалось ничего разглядеть. Марион наугад вытягивала руки и водила ими по сторонам, из последних сил задерживая дыхание.

О господи... ну пожалуйста...

По-прежнему ничего. Хлои здесь не было. Марион почувствовала, что сейчас задохнется.

Воздуха!..

Что ж, тем хуже для нее. Она беспорядочно двигала руками и ногами, погружаясь все глубже. Никого.

Воздуха!

Она сделала гребок обеими руками. Нужно подняться на поверхность. Иначе она утонет. И тут ее рука что-то нащупала. Чужую руку. Марион сжала ее изо всех сил и рванулась вверх, к свету.

Дышать... дышать...

Она поднималась слишком медленно. Перед глазами плясали черные точки.

Дышать!

Вода просочилась ей в рот. В легкие. Последнее усилие...

Они одновременно вынырнули на поверхность. Марион жадно глотнула воздух. Хлоя судорожно закашлялась. Все ее тело сотрясало. Но это был спасительный кашель — легкие выталкивали воду. Марион осторожно удерживала голову девочки над водой.

О боже, да она могла бы держать ее несколько часов, если бы потребовалось!

Затем она повернула голову в сторону берега, ожидая увидеть своего торжествующего врага.

Но лодки Троянца уже не было.

Он исчез.

Генеральный прокурор Лос-Анджелеса вихрем ворвался в кабинет Аарона Альтмана.

Затем рухнул в кресло для посетителей, даже не спросив разрешения.

— Я вас предупреждаю, — без предисловий начал он, — у меня очень плохое настроение. Этот ваш псих устроил настоящую бойню в Санта-Монике. И уже одно это — вопиющее доказательство вашей некомпетентности! Впрочем, не только лично вашей, но и всего вашего Бюро! Утренние газеты захлебываются сенсациями! Вы знаете, сколько сынков и дочек богачей было среди студентов на том пляже? Их родители мобилизовали всех адвокатов в городе! Мой кабинет трещит под грузом жалоб...

Он нацелил на Альтмана указательный палец, словно дуло револьвера.

— Ваши служебные подразделения уже сокращены. С делом Фога вы потерпели фиаско. Недавно вы с чего-то вдруг распорядились отменить «тревогу Амбер»... И вот теперь еще и это! — Прокурор в ярости ударил кулаком по столу и добавил: — Вас не просто готовятся катапультировать из вашего кресла — считайте, что вы уже вылетели из него и повисли в пустоте. Ну, и как вы думаете приземляться?

Генеральный прокурор занимал одну из наиболее высоких должностей в штате Калифорния. А значит, и во всей стране. Альтман помедлил, прежде чем отвечать.

Сначала он убрал фотографию сына в ящик стола. Перед этим он долгое время рассматривал ее, думая о своем домике на Багамах, о годах, незаметно утекающих, как песок сквозь пальцы, о грузе ответственности и скромной зарплате, назначенной ему правительством, — жалких крохах по сравнению с состоянием какого-нибудь типа вроде Фога...

Разумеется, он подготовился к этой беседе.

Он просто искал подходящую причину для того, чтобы не выставить визитера за дверь — резко и сразу, без всяких объяснений.

Но вместо этого провел рукой по лицу и заговорил:

— Расследование застопорилось из-за француженки, Марион Марш...

— Что? Какие еще французы? Вы не могли выбрать козла отпущения получше?

— Но это правда, — продолжал Аарон Альтман. — Мы могли отыскать доктора Фога. Но когда сюда прибыла Марион Марш, которой, по ее словам, манипулировал этот самый Троянец, все пошло наперекосяк. Я только что имел долгую беседу с полковником Холлборном, который

занимается подготовкой морских пехотинцев в тренировочном лагере Кэмп-Пендлтон. Ему позвонила какая-то женщина, представившаяся французской журналисткой, и долго пыталась у него информацию, связанную с программами научных исследований, которые спонсирует его ведомство. Мы абсолютно уверены, что это была Марион Марш. Холлборн в ярости. Кстати, из Пентагона мне сегодня тоже звонили.

Глаза прокурора едва не вышли из орбит.

Альтман машинально подумал, что от таких новостей собеседника вполне может хватить удар.

— Ах, вот как. Значит, Холлборн в ярости, и из Пентагона вам тоже звонили, — с трудом выговаривая слова, повторил прокурор. — ФБР, стало быть, разывается на части! И это я уж не упоминаю о Большом Па, одном из криминальных боссов, который отправил своих головорезов на поиски своей внучки, и они вместе с Троянцем радостно приняли участие в заварушке на пляже! Да что ж такое с вами происходит? Можно подумать, кто-то бросил на поляне кусок мяса, и все волки вышли из леса!

Альтман внимательно посмотрел на прокурора:

— Сэр, именно это и произошло. — Положив на стол фотографию, он прибавил: — Мясо, то есть приманка, о которой вы говорили, — вот она.

Прокурор бегло взглянул на фотографию и перевел взгляд на Альтмана:

— А это еще кто?

— Этого человека зовут Уойяк Вово'Кеноохи. Он индеец из племени шайенн. Он провел год в тюрьме в Пеликан-Бэй за кражу машины. Это он помог Марион Марш ускользнуть от нас в первый раз.

— Выглядит как живой мертвец. Он, скорее всего, наркоман. У него ни одного зуба... Что вы хотите мне сказать? Что это гений преступного мира?

— Нет. Сам по себе он не представляет интереса. Дело в его операции.

— Какой операции?

— Хирургической. Экспериментальной. В тюрьме Уойяк получил серьезную травму во время работ. Он согласился, чтобы на нем опробовали новую хирургическую методику в обмен на уменьшение тюремного срока. Операция была бесплатной, а оставшуюся часть срока сделали условной.

— И что?

— Операцию делал Адриан Фог.

— И что нам это дает?

— Он заново нарастил этому человеку пальцы.

— Вы что, шутите?

— Я абсолютно серьезен. Поскольку мы уже были в курсе новейших

хирургических достижений.

— Мы?

— Министерство обороны и ФБР. Доктор Фог был объектом федерального расследования. Он забрал себе все материалы научных разработок, проведенных в сотрудничестве с Холлборном, и угрожал заявить о них во всеуслышание. Если бы это произошло, объединение Холлборна потеряло бы несколько миллионов долларов, переданных ему Пентагоном.

Прокурор скрестил руки на груди:

— При всем моем уважении к Пентагону почему его проблемы должны меня волновать? Ну, допустим, военные выбросили на ветер несколько миллионов — подумаешь! Что для них такая сумма? Капля в море. Пентагон и мое учреждение — это совершенно разные ведомства. В чем проблема?

— Ошибаетесь. Нас это тоже касается.

— Нас?

— Мы полагаем, что Троянец умышленно вывел этого Уойяка на сцену. Чтобы показать нам что-то. Некий элемент того открытия, которое сделал доктор Фог и о котором полковник Холлборн даже не догадывается. Вплоть до недавнего времени мы сомневались в этом, но теперь у меня есть доказательство.

Альтман положил перед собеседником еще одну фотографию.

Прокурор недоуменно взглянул на переплетающиеся узоры:

— Это отпечатки пальцев?

— Да. Вы ведь знаете, что у каждого человека они уникальны и неизменны?

— Разумеется, знаю. Даже у однояйцовых близнецов они разные.

— Именно. Они формируются еще в период внутриутробного развития. Они обусловлены как генетическими, так и механическими факторами. Генетическая наследственность определяет форму, но эта форма модифицируется в зависимости от движений в первые месяцы жизни — как, например, при сосании большого пальца. Как раз поэтому папиллярный узор различается даже у близнецов. Раз сформировавшись, он остается неизменным навсегда. Он может восстановиться даже в том случае, если вы, например, сожжете себе пальцы кислотой.

— К чему вы клоните?

— Вам известно, что ФБР заключило соглашение относительно замены системы IAFIS?

— Разумеется.

— IAFIS содержит отпечатки пальцев более сорока семи миллионов человек. Это самая большая картотека в мире. Но этого все еще недостаточно. Мы работаем над новой базой биометрических данных. Базой нового поколения. Новая система увеличит возможности нынешней и сильно ее расширит — помимо отпечатков пальцев, в нее войдут отпечатки ладоней, а также добавится сканирование радужной оболочки глаза и лицевых тканей. Вы знаете, каких затрат это потребует?

— Я слышал о пятистах миллионах.

— Миллиард, — уточнил Альтман. — На это потребуется миллиард долларов. Именно столько ФБР готово заплатить группе Локхида Мартина, чтобы это осуществить [\[15\]](#). Все это для того, чтобы создать самый мощный, самый гибкий, самый фантастический инструмент в помощь правосудию и борьбе против терроризма.

— Еще раз спрашиваю: в чем проблема?

Альтман взглянул прокурору прямо в глаза:

— Отпечатки пальцев Уойяка, которые вы видите на этой фотографии... Они не те, что были раньше. Они изменились.

Часть IV

Для того, чтобы зло восторжествовало

Глава 47

Раньше

Под Рождество Марион попала в больницу.

За последние сутки боли в животе постоянно усиливались. Натан осмотрел ее, сделал все положенные в таких случаях анализы и несколько дополнительных — на всякий случай, как он сказал. Повода для срочного хирургического вмешательства не было. Основная гипотеза звучала так: аппендицит в начальной стадии. Поскольку явной опасности это не представляло, а плановых операций накопилось достаточно, Натан решил оставить Марион на ночь в больнице под постоянным наблюдением. В случае если ее состояние не улучшится, он собирался прооперировать ее на следующий день.

От этого она почувствовала себя увереннее.

В любом случае, Натан оставался на ночное дежурство, так что она будет не одинока. Тем более что он поместил ее не в отделение внутренней хирургии, а в свое — ортопедической хирургии, поскольку больше полагался на своих ассистентов и медсестер, с которыми давно сработался.

Марион рассматривала свою палату.

Впервые она находилась в Отель-Дье в качестве пациентки.

Игла капельницы в локтевой ямке. Неоновый свет с улицы. Ночной столик, на нем графин с водой и стакан. Шкаф. Кровать.

Сейчас она замечала детали, на которые никогда не обращала внимания раньше, когда принадлежала другому миру, миру людей в белых халатах, совершающих визиты к больным.

Игла причиняла ей боль. Неоновые огни, на которые она теперь смотрела снизу вверх, слепили глаза. Графин находился слишком далеко, и она не могла бы до него дотянуться. Стакан был не очень чистый. Шкаф — колченогий. Кровать ужасно скрипела. Матрас был продавленный и неудобный.

На самом деле ее просто одолевал страх.

Конечно, она знала, что аппендицит — это пустяк. Сотни раз она говорила пациентам: «Вас нужно госпитализировать». Однако вплоть до сегодняшнего дня не могла осознать степень отчаяния и ужаса, которые эти простые слова вызывали у людей, всех без исключения.

У вас забирают одежду. Взамен выдают балахон с завязками на спине, в котором ваши ягодицы при каждом движении оказываются на виду. Вам

меряют температуру. К вам приходят люди в белых халатах. Эти люди кажутся вам огромными, гораздо выше вас, потому что вы смотрите на них снизу. Они говорят между собой на непонятном языке. Улыбаются вам. Ощупывают вас. Дают вам понять, что все хорошо. Потом вам приносят поесть. Потом гасят свет.

По сути, вы превращаетесь в младенца.

Марион знала, что это ощущение потери контроля над происходящим может вызвать общую панику у всего организма. У пожилых людей в таких случаях может развиваться даже паническое расстройство, которое длится порой довольно долго. В таких случаях им колют нейрелептики — точно так же, как настоящим сумасшедшим. Но в той или иной форме такое состояние испытывают все без исключения. Например, Марион переживала нечто похожее всякий раз, когда уезжала на каникулы, а позже — в отпуск. Оказавшись на новом месте, она была вынуждена первые несколько дней принимать успокоительные, чтобы не запаниковать.

— Мне страшно.

Натан улыбнулся:

— Это нормально.

— А ты попадал когда-нибудь в больницу?

— Да.

— И тебе тоже было страшно?

— Конечно.

Марион перевела взгляд на капельницу, потом снова посмотрела на Натана:

— Я хочу, чтобы это был ты.

— Чтобы я — что?

— Чтобы ты сделал мне операцию.

Натан удивленно взглянул на нее:

— Ты серьезно?

— Ты можешь это сделать?

— Да, конечно. Это же просто аппендицит. Я практиковался в хирургии внутренних органов — правда, давно, но все же мои познания отличаются от средневековых.

— А это не запрещено?

— Нет. Правда, обычно так не делается. Но это не запрещено.

— Тогда сделай это.

— Ты уверена? Ты действительно этого хочешь?

Мужчины любопытны.

Порой — такие умные, такие знающие... И все же постоянно

сомневающиеся во всем.

Они смотрят на вас и нерешительно спрашивают: «А ты уверена?..», в то время как вы уже знаете, что вы будете жить вместе, потом поженитесь. Вы знаете, как обставите ваш дом. Знаете, сколько заведете детей.

Марион облачилась в свой балахон, словно в подвенечное платье.

— Да, я этого хочу, — ответила она.

Натан Чесс тщательно мыл руки раствором бетадина, обуреваемый самыми противоречивыми чувствами.

Он знал, до какой степени Марион доверяется ему.

Она была самым невероятным из всех посланных ему даров судьбы. Живая, хорошенькая, умная, обаятельная — она расточала радость вокруг себя, сама того не замечая. Она горела как путеводный огонек. И смятение, которое из-за нее поселилось у него внутри, все больше завладевало всем его существом.

Порой ему казалось, что он заболел каким-то неизлечимым недугом. Вплоть до недавнего времени он думал только о работе. Но вот уже несколько недель чувствовал симптомы некой душевной болезни, трудно поддающейся описанию: что-то среднее между полным отчаянием и абсолютным счастьем. Это чувство родилось где-то в груди и с каждым днем разгоралось все сильнее, понемногу захватывая мозг, руки, живот — все.

Раньше медицина была для Натана единственным средством ускользнуть от отца и связанных с ним опасностей. Служила единственным способом оставаться свободным. Но теперь он больше не ощущал уверенности — ни в своей работе, ни в жизни.

Профессия обязывала его постоянно совершенствоваться. Импровизировать — иногда прямо во время операции. Хороший интерн может стать неплохим практиком. Но чтобы стать великим хирургом, нужно обладать познаниями ученого, работоспособностью одержимого и даром художника.

Натан был именно из таких людей — он это знал.

Он не сомневался в этом, так же как в своей любви к Марион.

Но что она подумает о нем спустя несколько лет, если он станет обыкновенным специалистом, каких сотни, все время остающимся на втором плане, делающим обычные операции? Она так молода, так увлечена медициной... Что помешает ей уйти к другому человеку, моложе и талантливее его?..

Хирургия кисти сулила хорошие перспективы. Всюду развивались

специализированные подразделения. Технологии пересадки тканей постоянно совершенствовались. Но Натан смотрел еще дальше.

У него была заветная мечта, фантастический проект.

Больше чем обычная пересадка тканей — полное их восстановление. Регенерация пальцев. Метод, благодаря которому они отрастали бы снова, как отпавший хвост ящерицы.

Генетическая картография уже набирала силу. Хирургия регенерации развивалась. Нужно было лишь проявить настойчивость.

Но его замыслу недоставало одного существенного элемента. Если бы только этот чертов Комитет по этике не был таким трусливым, если бы он дал свое гребаное разрешение на эксперименты!..

Натан закончил сушить руки.

На голове у него уже был медицинский колпак, лицо закрывала маска. Медсестра подала ему халат. Затем он натянул перчатки.

Анестезиолог жестом дал понять ему, что все готово.

Марион улыбнулась поверх специального защитного покрытия, закрывавшего верхнюю часть ее тела.

— Я тебя люблю, — прошептала она одними губами.

— Я тебя люблю, — ответил Натан.

— Позаботься обо мне.

— Можешь на меня положиться.

— Начинайте обратный отсчет с десяти, мадемуазель, — сказал анестезиолог.

Он прижал к ее лицу кислородную маску и впрыснул анестетик в трубочку.

Натан смотрел, как она постепенно теряет способность к внешним восприятиям, и пытался собрать все силы и весь опыт, чтобы ничем не показать своего страха.

— Десять. Девять... Восемь... Семь...

Марион погрузилась в сон.

В этот момент он принял решение.

И осуществил его.

Это была самая большая ошибка в его жизни.

Глава 48

Сейчас

Марион вернулась на судно Адриана за своим рюкзаком. Айпад и деньги исчезли — Троянец их забрал. Взяв рюкзак, она спустилась в резиновую лодку, где ждала ее Хлоя, завела мотор и повела «Зодиак» обратно, направляясь к базе отдыха. За все это время они с Хлоей не обменялись ни словом.

Девочка все время молчала, взгляд у нее был потухшим.

Марион не знала, что сказать. Сердце у нее разрывалось. Она с трудом сдерживала желание обнять и утешить девочку и в то же время ощущала собственную вину за то, что вырвала ее из привычной обстановки, увезла из дому, втянула в эту ужасную историю, а потом оставила в руках безумца.

Она не осмеливалась даже подумать о том, что Хлое пришлось пережить.

Девочка осталась жива — но какой ценой? Теперь вся ее дальнейшая жизнь будет отравлена последствиями случившегося. Должно быть, Хлоя испытывает к ней только безграничную ненависть.

Марион отдала бы что угодно, лишь бы повернуть вспять случившееся. Или, по крайней мере, найти сейчас нужные слова. Но это ей не удавалось. Поэтому она просто положила перед Хлоей сухую одежду и сосредоточилась на управлении лодкой, желая без проблем добраться до цели.

Когда вдалеке показался причал, она замедлила скорость.

На парковке у причала стоял полицейский автомобиль с включенными фарами. Хорошенькая встреча...

— Я на вас не сержусь, — внезапно сказала Хлоя. — Я видела вас в том фургоне...

— Что? В каком фургоне?

— Вы были накачаны снотворным. Или наркотиками... Мы ехали в этом фургоне вместе.

Марион невольно открыла рот.

Снова закрыла.

— Если я на кого и злюсь, — продолжала Хлоя, — то только на себя. — Она машинально провела рукой по голове. — Этот тип вырвал у меня целую прядь волос. Но больше ничего мне не сделал.

Ее взгляд посуровел.

Марион безошибочно узнавала в ней унаследованные от отца черты.

— Я хотела его убить. Хотя бы попытаться это сделать. Но оказалось, что я на это неспособна.

Хозяин пункта проката плавсредств ждал их у причала. Рядом с ним стояли еще два человека: Хуан, рабочий с фабрики по производству льда, и еще один — в полицейской форме.

— Я беспокоился о вас, — сказал Хуан, когда Марион приблизилась. — Решил сам сюда приехать и проверить, все ли в порядке...

— Я помощник шерифа, моя фамилия Скотт, — перебил его полицейский. — Отдыхающие слышали выстрелы с другого берега, и местная служба безопасности вызвала меня.

Марион поблагодарила его.

— Не стоит благодарности, — с улыбкой сказал Скотт.

В руках у него появились наручники.

— Вам придется это надеть, мисс Марш. Вы арестованы.

Марион не протестовала. Она не чувствовала ни страха, ни досады. В глубине души она была даже рада, что все сложилось именно так.

Как и все остальные полицейские службы штата Аризона, Скотт получил извещение о «тревоге Амбер» с суточным опозданием по сравнению с Калифорнией. Он тут же поместил фотографии Марион и Хлои на заднее стекло своей патрульной машины.

Когда он узнал женщину и девочку, медленно подплывающих в резиновой лодке к берегу, Скотт почувствовал себя как в детстве, когда получал заветный подарок на Рождество. От волнения у него даже выступили слезы на глазах. Он уже видел фургоны тележурналистов, отовсюду съезжающиеся к его дому.

— Куда вы их отвезете? — поинтересовался Хуан.

— В участок.

— Они в розыске?

— Да. Женщина похитила девочку.

— Похитила?

— Я видел их по телевизору. Девочка — Хлоя Фог.

— Фог?

Скотт смерил Хуана взглядом:

— У вас что, эхололия^[16]?

— Простите, — сказал Хуан. — Я просто не знал.

— Теперь знаете. Можете быть свободны.

Они вышли на парковку.

— Вот он! — внезапно воскликнула Хлоя, показывая пальцем на грузовик.

— Кто? Что? — проговорил Скотт.

— Фургон Троянца!

Помощник шерифа нахмурился. Девочка указывала на небольшой медицинский автомобиль для перевозки медикаментов. На его кузове, под названием фармацевтической фирмы, было написано «Срочно!», а еще ниже — «Спасаем жизни».

При виде этой надписи у Марион перехватило дыхание.

— Эта женщина тут ни при чем! — возбужденно продолжала Хлоя. — Она моя подруга! Она приехала сюда, чтобы меня спасти! Меня похитил мужчина! Он запер меня в этом фургоне, я провела там два дня!

— Ты уверена, малышка? — с сомнением спросил полицейский.

— Абсолютно! Проверьте, там сзади есть отсек с двойным дном!

Скотт раздумывал. История становилась все более интригующей. Должно быть, многие захотят его о ней расспросить...

Он осторожно приблизился к медицинскому фургону, держа наготове пистолет. Задние дверцы были приоткрыты. Он приказал девочке оставаться на месте, распахнул дверцы полностью и забрался внутрь.

Хуан по-прежнему не уходил.

Марион заглянула внутрь фургона из-за спины полицейского. Она узнала и этот фургон, и запах бензина... О господи, она тоже была там, рядом с Хлоей, даже не замечая ее присутствия, поскольку была одурманена морфином!

Скотт вылез из фургона.

— Да, там действительно есть дополнительный отсек — полностью звукоизолированный, с раскладушкой и биотуалетом. Также я нашел чемодан с целой кучей вещей, в том числе с паспортом и другими документами. Там есть и ваши документы, мисс Марш... — Он задумчиво потер подбородок: — Пожалуй, стоит вызвать подкрепление.

Скотт вынул из нагрудного кармана мобильник.

В этот момент Хуан ударил его в висок.

Помощник шерифа мешком рухнул на землю.

Хуан быстро втащил его в фургон, отцепил от его пояса связку ключей, забрал вещи Марион и Хлои и захлопнул дверцы.

— Вы с ума сошли! — вскричала Марион. — Зачем вы это сделали?

— Мне очень жаль, — сказал Хуан, снимая с нее наручники, — но у меня не было выбора. — Забросив вещи в кабину, он прибавил: —

Садитесь в мою машину.

Хлоя забралась в машину первой, Марион — следом за ней. Они уселись среди брикетов льда, сложенных в изотермические контейнеры.

— Простите, мисс Фог, — сказал Хуан, обращаясь к девочке, — я должен был сразу вас узнать. Ваш отец показывал мне ваши фотографии, когда работал в нашей местной клинике. Я не мог оставить вас и вашу знакомую в руках полиции. По крайней мере, не посоветовавшись с моим патроном. Поэтому пришлось действовать единственно возможным путем.

Хлоя взглянула на Марион:

— Мой отец действительно работал в местной клинике?

— Да.

Марион повернулась к Хуану:

— Куда вы нас везете?

Хуан не ответил.

Хлоя, оглядевшись, спросила:

— Вы производите лед?

— Да.

— Как называется ваша компания?

— «Эль-Пасо айс».

Хлоя кивнула, словно убедившись в правильности какой-то своей догадки.

Переведя взгляд с девочки на Хуана и обратно, Марион проговорила:

— Кто-нибудь мне объяснит, в чем дело?

— «Эль-Пасо айс», — ответила Хлоя, — обеспечивает льдом все пограничные штаты. Она принадлежит моему деду. — Потом, кивнув на Хуана, добавила: — Этот человек работает на Большого Па.

Глава 49

Несколько раз, не прекращая вести машину, Хуан кому-то звонил, причем разговор всегда шел на испанском языке.

Хлоя молчала.

Состояние Марион было близко к панике.

Испанский она знала на самом примитивном уровне, так что смогла разобрать лишь имя Большого Па и упоминание о какой-то назначенной встрече, но и этого хватило, чтобы напугать ее почти до беспамятства. Может быть, попробовать выпрыгнуть из машины?.. События разворачивались слишком быстро, чтобы можно было хладнокровно все проанализировать.

С большим трудом она заставила себя собраться с мыслями.

Что ей известно?

Прежде всего то, что Адриан Фог проводил эксперименты по регенерации пальцев и изменению папиллярных узоров. Результаты экспериментов имели огромную важность и были засекречены. Все рабочие материалы он забрал с собой, рассорившись с министерством обороны.

После этого его жена погибла в автокатастрофе, сам он был похищен, а его материалы попали в руки какому-то психопату, который, не исключено, был профессиональным военным, судя по терминологии, которой он пользовался.

Так какой же была конечная цель Троянца? Что означал четвертый пункт его плана: «Водрузить знамя»?

Но, в сущности, ответ на этот вопрос не имел никакого значения.

Хлоя была свободна — но не Адриан. Марион приехала сюда для того, чтобы найти человека, которого любила пятнадцать лет назад. Он по-прежнему оставался в заключении, в каком-то неизвестном месте. Всем своим существом она надеялась, что Адриан еще жив.

Разве она могла его оставить?

У нее было четыре варианта дальнейших действий. Первый: обратиться в полицию. Второй: искать Адриана в одиночку. Третий: отказаться от поисков. Четвертый: заручиться поддержкой Большого Па.

Первый вариант она отвергла сразу же. Обращение в полицию примерно равнозначно тому, чтобы повторно сдать ФБР. Если она это сделает, то окажется в тюрьме. Список ее правонарушений довольно

внушитель: похищение ребенка, кража автомобиля, сопротивление силам правопорядка, нападение на индейца Уойяка, нападение на помощника шерифа, попытка к бегству... Для того чтобы выпутаться, ей потребуются месяцы. К тому же понадобятся деньги, адвокаты, сотни формальных процедур... и еще неизвестно, каким будет результат.

Учитывая все это, второй вариант тоже вряд ли удалось бы осуществить.

Что касается третьего, о нем не могло быть и речи. Эмоции, которые ей пришлось испытать за последние несколько дней, встряхнули ее, словно старую пыльную вещь, извлеченную из недр сундука. Сейчас ей казалось, что последние пятнадцать лет — просто сон. В тот момент, когда она кликнула по нику Троянца в «Фейсбуке», ее прошлая жизнь перевернулась. Она словно бы открыла дверь в прошлое. И в собственное сердце. Она не знала, на что ей надеяться, чего ждать. Но одно было очевидно: она уже не вернется назад.

Оставался лишь четвертый вариант.

Она повернулась к Хлое:

— Я должна тебе кое-что сказать.

— Ты боишься моего деда, — проговорила та.

Снова — в который раз! — Марион удивила сообразительность девочки.

— Да, так и есть.

— Если честно, я и сама не знаю, на что он способен.

— Я — тем более.

— Но меня он всегда защищал, — продолжала Хлоя. — А ты спасла мне жизнь. Он не может с этим не считаться. — Она опустила глаза и уже тише прибавила: — И еще... Ты мне нужна. Ты хочешь найти моего отца, потому что когда-то давно любила его. Остальные не так уж этого и хотят. Отец был занят только своей работой. Иногда он бывал невыносим. В конце концов все от него отвернулись. Даже мама. Даже я... — Девочка подняла голову: — Но я все равно хочу его найти. А вдвоем мы сильнее.

Некоторое время Марион молчала. Потом сделала выбор.

Примерно полчаса спустя Хуан остановил машину возле небольшого частного аэродрома прямо посреди пустыни. Там их уже ждал двухмоторный самолет. Лопасты пропеллеров вращались.

— Куда мы летим? — крикнула Марион, когда Хуан жестом пригласил их подняться по трапу.

— В Эль-Пасо.

— Это далеко?

— Два часа. Полетите без меня, я остаюсь.

На прощание он пожал ей руку:

— Удачи. Скажите Большому Па, что я хорошо заботился о его внушке.

Он захлопнул дверцу. Самолет взлетел.

Марион чувствовала, как ее сердце проваливается куда-то в желудок, по мере того как самолет резко взмывает вверх, затем делает вираж над цепью холмов. Хлоя держала Марион за руку. Обе смотрели вниз, на великолепный пейзаж Аризоны, освещенный заходящим солнцем.

Затем Хлоя принялась рассказывать о том, что случилось с ней за это время.

48 часов назад

Сбежав из Лагуна-Бич, Марион и Хлоя сели в междугородный автобус, а затем оказались среди ночи на пустынной парковке. Из темноты вынырнул нетрезвый индеец. Марион села вместе с ним в его грузовик. Затем грузовик скрылся, и Хлоя осталась одна.

Она огляделась. Едва заметный ветерок шевелил листву деревьев, окружающих парковку, отчего Хлое постоянно мерещилось непонятное движение вокруг. Ей казалось, что за деревьями прячутся какие-то люди. Мрачноватого вида придорожный ресторанчик, из окон которого просачивался тусклый свет и доносилась музыка, тоже не внушал особого доверия.

Хлоя пыталась сохранять самообладание. Она чувствовала страх и в то же время облегчение. Страх от того, что Марион уехала с каким-то незнакомцем. И облегчение, что на месте Марион оказалась не она. Ей не слишком нравилось это осознавать.

Эта француженка ей очень нравилась. Встретились они при весьма странных обстоятельствах, но в самый первый миг между ними что-то пробежало. Не нужно много времени, чтобы узнать людей: они либо *фальшивые*, либо *настоящие* — такой урок получила она от Большого Па. К тому же Марион когда-то давно любила ее отца, и эта любовь была взаимной. Хлое очень хотелось узнать об этом подробнее.

Она продолжала смотреть на ресторан. Марион посоветовала ей зайти внутрь — это были ее последние слова перед отъездом. Но Хлоя понимала, что люди, собравшиеся там, не имеют ничего общего с ее одноклассниками в колледже: взрослые, особенно пьяные, могут быть жестокими и даже опасными.

Она решила, что лучше всего спрятаться среди грузовиков и позвонить в полицию или Большому Па. Она уже достала мобильный телефон...

...как вдруг его выхватила у нее чья-то рука.

Над ней нависла темная тень. Лицо человека скрывала какая-то странная маска, похожая на шлем древнего воина. Он приложил палец к губам, давая понять, чтобы она молчала, а затем брызнул ей в лицо какой-то едко пахнувшей жидкостью из ингалятора.

Примерно через полчаса Хлоя очнулась в тесной крошечной комнате.

Застеленная кушетка, несколько упаковок печенья, бутылка минеральной воды, биотуалет — и все.

Троянец — это, разумеется, был он — забрал у нее мобильник, но оставил плеер. Какая трогательная забота... Хотя, скорее всего, он просто хотел, чтобы она лишний раз не дергалась и сидела спокойно.

Вместо этого она завопила во весь голос. Никакой реакции. Хлоя закричала снова, одновременно колотя кулаками по стене. И снова ничего. Звуки словно отражались от стен, возвращаясь в комнату. При этом комната слегка покачивалась. Время от времени она замирала, потом снова начинала двигаться, и Хлоя заключила, что едет в чем-то вроде трейлера. Значит, Троянец везет ее в какое-то тайное место... где сначала будет пытаться, а потом убьет, как обычно бывает в подростковых фильмах ужасов.

Она никак не могла отогнать от себя эту мысль.

В конце концов, хотела того или нет, она была внучкой Армандо Сантоса Фигероа, крестного отца одного из самых могущественных преступных кланов на Западном побережье. Троянец не мог этого не знать. Он должен был отдавать себе отчет, что Большой Па не оставит похищение своей внучки безнаказанным. И довольно быстро о нем узнает. Члены его семьи всегда находились у него под наблюдением — или под контролем, кому как больше нравится. Так что вскоре по пятам Троянца бросится целая армия. А он и без того уже разъярил ФБР — тоже не самого слабого противника. Но ФБР, по крайней мере, соблюдало законы. А противостоять человеку вроде Большого Па — могущественному, богатому, абсолютно безжалостному, не признающему ни законов, ни границ, — это было кое-что посерьезнее.

Через какое-то время Хлоя поняла, что не так уж сильно и боится. В глубине души она была даже рада — надеялась, что скоро встретится с отцом.

Она снова принялась перебирать в памяти все свои ссоры с ним. Часто она демонстративно надевала наушники, при этом даже не включая музыку, — просто чтобы дать ему понять, что разговор окончен. А несколько месяцев назад они поругались в торговом центре в Ньюпорте. Отец повез ее туда, чтобы она выбрала себе что-нибудь из одежды. Хлоя

пришла в восторг. Но почти сразу же после того, как они оказались внутри, отцу кто-то позвонил, и он больше не обращал на нее внимания. Ее охватила страшная досада, и она незаметно сбежала от него. Спустя два часа они столкнулись в одном из фастфуд-кафе, и гневные вопли отца разнеслись по всем ярусам торгового центра. Правда, чувствовалось, что он скорее тревожился за нее, чем по-настоящему злился, но она все равно заявила, что он ей не настоящий отец и никогда им не был, так что не стоит даже и пытаться сейчас разыгрывать из себя такового.

Он сразу замолчал.

На следующий день, рано утром, она обнаружила его вдрызг пьяным, заснувшим прямо в операционном блоке Фонда Фога. Очевидно, отец провел там ночь. По полу были разбросаны фотографии его жены и матери Хлои, Евангелины, которую все называли просто Евой, вперемешку со страницами отчета о вскрытии ее труп.

Хлоя подобрала листки и прочитала отчет, гласивший: «Евангелина Фог скончалась в результате прекращения сердечно-дыхательной деятельности, наступившей вследствие многочисленных травм и внутричерепной гематомы. Однако сдавливание трахеи, как представляется на данный момент, вызвано не ударом. С учетом этого обстоятельства необходимо провести повторное вскрытие, прежде чем устанавливать точную причину смерти. До тех пор версия гибели в результате автокатастрофы сохраняется...»

То есть версия «гибели в результате автокатастрофы» вызывает сомнения?.. Что это значит? Что маму убили? И отец не сказал об этом ей, дочери, чтобы ее не травмировать?..

Она укрыла отца одеялом и поехала в колледж на велосипеде. Они больше никогда об этом не говорили. А спустя еще несколько месяцев — Лос-Анджелес, отель, человек в маске, стреляющий в отца на парковке...

И вот теперь она тоже оказалась пленницей. Мамина фотография, как всегда, лежала у нее в кармане. Хлоя сжала ее в руке, затем выбрала музыку в плеере — группу «Кин». Отцу она очень нравилась. Окружающий мир понемногу утратил свои мрачные очертания, и Хлоя снова погрузилась в сон.

Следующий день — воскресенье — прошел примерно так же. Хлоя обратила внимание, что, несмотря на тесноту помещения, воздух внутри остается свежим — значит, где-то было вентиляционное отверстие.

В какой-то момент она потеряла терпение и снова принялась кричать и стучать в стену. Обезумев от ярости, она представляла себе, как Большой Па пытается Троянца — самыми изощренными способами. К ярости

примешивался страх за отца. В самых мрачных своих кошмарах она видела пытки, которым Троянец подвергает уже ее. Наконец, полностью обессилив, она снова провалилась в сон.

Примерно через сутки задние дверцы фургона распахнулись, и кто-то втащил в смежный отсек новый груз. Хлоя услышала стоны и неразборчивое бормотание — судя по всему, человек был пьян или чем-то одурманен, но, несмотря на это, пытался сопротивляться. Потом дверцы захлопнулись, и фургон тронулся с места. Хлоя опять заснула.

В наушниках продолжала играть композиция «Любовь — это конец»^[17] группы «Кин» — единственное оружие, с помощью которого можно было одолеть панику.

В пять утра Хлоя резко пробудилась, ошеломленная и напуганная. К этому моменту она полностью утратила ощущение времени.

Снаружи пахло травой. Хлоя представила себе, как скачет верхом по долинам Монтаны. Она была неплохой наездницей. Когда-нибудь она и вправду покатается верхом... На глазах у нее выступили слезы. Она поняла, что находится уже на грани отчаяния.

Фургон остановился.

Задние двери открылись.

Затем открылась дверь в ее комнатку.

Троянец, с пистолетом в руке, сделал ей знак, чтобы она выходила.

На этот раз Хлою охватил ледяной, парализующий ужас.

Она поднялась, дрожа всем телом. Хлоя понимала, что этот кошмар реален и что она слишком маленькая и слишком слабая, чтобы его выдержать. Что она сейчас умрет.

Ее нога зацепилась за чье-то тело.

Другая жертва...

Чувствуя, как все внутри сжимается от ужаса, она вышла из машины, убежденная, что Троянец сейчас выстрелит. Он жестом велел ей идти прямо, затем указал дулом пистолета на какую-то штуку, укрепленную у него на голове, и Хлоя узнала прибор ночного видения, она уже видела такие у своих телохранителей.

Она повернулась к Троянцу спиной, еле передвигаясь из-за сковавшего все тело напряжения, каждую секунду ожидая выстрела.

Но ничего не происходило.

Она сделала еще несколько шагов. Глаза понемногу привыкали к сумеркам. Она едва осмеливалась дышать. Перед ней была опушка леса, над которым мерцали яркие звезды.

Всего в каких-то двух метрах впереди зашевелилось что-то массивное.

Хлоя замерла.

— Это... олень?! — забывшись, выдохнула она.

Животное было почти втрое больше нее.

Олень щипал траву почти у самой дороги. Над землей покачивались его огромные рога. Затем он повернулся и исчез среди деревьев.

Хлоя перевела дыхание.

Троянец сделал ей знак снова зайти в фургон.

Она повиновалась, ничего не понимая. Зачем понадобилась эта остановка? Что он хотел ей показать? Этот олень — какое-то зашифрованное сообщение?..

Зайдя в фургон, она снова споткнулась о чье-то тело. Послышался стон. Затем человек повернулся.

Хлоя узнала Марион.

Марион жива... здесь, рядом с ней!

Через несколько часов Троянец снова распахнул задние дверцы. Хлоя увидела огромное озеро и лодочную пристань.

— Вот и все, — завершила она свой рассказ.

Марион, больше не в силах сдерживаться, обняла ее. Они долго сидели молча, прижавшись друг к другу. Затем пилот сделал им знак, что самолет идет на посадку.

Настало время встретиться с Большим Па.

Глава 50

Самолет приземлился поздно вечером в международном аэропорту Эль-Пасо, штат Техас. Марион и Хлоя, выйдя из самолета, оказались в частном ангаре компании «Эль-Пасо айс», откуда их провели в небольшую, скромно обставленную комнату, где им пришлось провести еще несколько часов. В конце концов они заснули прямо на банкетке.

Проснувшись утром, они обнаружили, что аэропорт стал похож на гигантский муравейник. Марион попросила разрешения выйти на небольшую бетонированную площадку перед ангаром и, оказавшись там, увидела множество фрахтовых самолетов, из которых выгружали товары. Город Эль-Пасо раскинулся на берегах знаменитой реки Рио-Гранде. Американская часть, расположенная на северном берегу, могла гордиться тем, что предоставляет работу тремстам тысячам человек, в основном латиноамериканского происхождения, и получает промышленное сырье из двадцати четырех штатов. Другая часть, на южном берегу, называлась Хуарес и жила точно так же, как если бы находилась в Мексике.

Сейчас было время «трансфера». Марион, и Хлое велели спрятаться в контейнере с искусственным льдом. Хлоя переводила слова сотрудника компании, говорившего по-испански:

— Он говорит, что нам не о чем беспокоиться. На этом направлении контроль не такой строгий, как на обратном. Не так уж много американцев мечтает нелегально пробраться в Мексику.

Замолчав, она улыбнулась.

«Разве что преступники», — подумала Марион, имея в виду прежде всего себя.

Каждой из них выдали кислородный баллон, чтобы можно было без проблем дышать в закрытом контейнере со льдом, и теплую одежду. Хлоя продолжала переводить, говоря, что собакам нелегко учуять запах товаров, хранящихся во льду, и что лед также затрудняет работу термических камер, которые используются на таможне.

Марион вспомнила, что рассказывал ей Аарон Альтман о нелегальном бизнесе Большого Па: тот сколотил себе состояние, перевозя наркотики в контейнерах с мороженой рыбой. Очевидно, он решил возродить прежнюю технологию, с той лишь разницей, что сейчас перевозил не наркотики, а более ценный товар — нелегальную рабочую силу.

Контейнер запечатали, как и все остальные, и вокруг стало темно.

Хлоя зажгла карманный фонарик. В слабом свете Марион различила грустное выражение ее лица. Должно быть, ей было стыдно, что она, пусть невольно, причастна к преступному бизнесу, который был сродни работорговле.

Примерно через полчаса контейнер беспрепятственно миновал таможенную, и Марион с Хлоей вышли.

— Bienvenido a Mexico! — с улыбкой произнес сотрудник «Эль-Пасо айс».

Марион и Хлоя сели в черный «порш-кайенн», окруженный целым эскортом автомобилей охраны, и вся процессия двинулась по петляющей среди холмов дороге, на которой то и дело попадались выбоины. Кортёж проезжал мимо деревушек, притормаживая на крутых подъемах и спусках, напоминавших верблюжьим горбам, где на обычной скорости можно было запросто разбиться.

Марион обратила внимание на детей, играющих в футбол на школьных спортплощадках. И если школы были старыми и обшарпанными, то форма на мальчишках выглядела абсолютно новой.

— Подарки от Большого Па, — по-английски объяснил ей шофер-мексиканец, явно довольный такой щедростью.

Марион повернулась к Хлое:

— Ты здесь уже была?

— Нет. Большой Па все время переезжает в разные места. Иногда живет в горах. Или в Мехико-Сити. Или на Юкатане... У него много резиденций.

Они проехали небольшой городок. Большинство домов было выкрашено в желтый цвет. Тротуары шли почти вровень с шоссе. Впрочем, большинство улиц были немощеными, по ним бродили куры. Пахло жиром и какими-то отходами. Затем машины свернули и вскоре остановились перед красивыми въездными воротами, выглядевшими очень странно в подобном месте: они скорее напоминали парадный въезд в Версаль.

Асьенда.

Марион заметила электрическую сигнализацию, расположенные вдоль всей ограды видеокамеры, а также вооруженных людей, охраняющих территорию. Дверцы машины распахнулись, и Марион с Хлоей, пройдя через ворота, оказались в очаровательном саду, созданном во французском стиле. В воздухе разливался аромат бугенвиллей. Марион непроизвольно вспомнила, что своим названием эти цветы обязаны французскому исследователю Луи-Антуану де Бугенвиллю. Они дошли до вытянутого в длину здания, крашенного охрой, перед которым ряды горгулий извергали

воду в бассейн. Интерьер оказался под стать: старинная мебель, деревянные вентиляторы под потолком, кожаные кресла, цветы повсюду. Один из слуг провел Марион и Хлою через анфиладу комнат, а затем отвел в предназначенные для них спальни, мимоходом заметив, что однажды в этой резиденции провели ночь президент Билл Клинтон с супругой.

Марион приняла душ — впервые после пребывания в камере ФБР, — надела белый костюм, зачесала волосы назад и закрепила обручем.

Затем взглянула на себя в зеркало.

За последние дни она заметно похудела. Черты лица заострились и выглядели теперь жестче. Мускулы стали крепкими, как у спортсменки.

Куда делась маленькая парижанка? Девочка на побегушках у главы телекомпании, вечно таскавшая с собой набитую бумагами папку и боявшаяся ездить в метро?

Иногда вы убеждаете себя, что вы незначительный человек. Беспомощный. Слабый.

Потом судьба подхватывает вас и с размаху швыряет об стену. И все меняется.

Марион вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Она была готова.

Армандо Сантос Фигероа, он же Большой Па, был в антрацитово-черном костюме, как и в первый раз, когда Марион его увидела, — правда, тогда они общались через видеокамеру. В реальности он оказался выше ростом и сильно походил на Кристофера Ли — английского актера, сыгравшего роль Дракулы в одноименном фильме.

Хлоя бросилась к нему и расцеловала в обе щеки.

Он слегка сжал ее запястья.

— Я тоже рад тебя видеть, девочка моя, — произнес он звучным глубоким голосом. — Мы с тобой еще наговоримся. Но сейчас мы с мисс Марш пообедаем наедине... Иди, — прибавил Большой Па.

Хлоя не шелохнулась:

— Она спасла мне жизнь.

Несколько секунд внучка и дед пристально смотрели друг на друга.

— Иди, — повторил Большой Па.

Опустив глаза, Хлоя вышла.

По идее, Марион должна была находиться в состоянии оцепенения от сильного страха. Ей предстояла игра, ставкой в которой была ее собственная жизнь. Тем не менее она ничего не чувствовала.

По ее персональной градации, Большой Па должен был занимать

весьма высокий пост в иерархии зла — что-то вроде Управителя Преисподней. Но совсем недавно ей удалось выжить в схватке с Троянцем — самым дьяволом во плоти. Теперь ей было уже не страшно встретиться с кем-то из его свиты.

— Ну, вот мы и встретились, — произнес Большой Па.

Затем предложил ей садиться.

Они разместились в двух противоположных концах длинного стола. Большой Па был в антрацитово-черном, она — в белом. Возле него и возле нее на столе стояли серебряные канделябры.

У Марион создалось впечатление, что каждая деталь в этой мизансцене неслучайна.

Большой Па развернул свою салфетку.

— Это *ros chus*, мексиканское блюдо, — пояснил он, придвигая к себе тарелку. — Свинина, запеченная на гриле.

Он жестом предложил Марион наполнить свою тарелку и принялся аккуратно разрезать мясо на кусочки и с аппетитом поглощать их.

— Город Эль-Пасо — отныне новые врата Америки, — спустя некоторое время произнес он. — Вы знали об этом, мадемуазель Марш?

— Нет.

— Некогда иммигранты прибывали в США, высаживаясь на острове Эллис, расположенном по соседству со статуей Свободы. Третью нынешних американцев утверждают, что их предки прибыли сюда именно таким путем. — Он поднес ко рту очередной кусочек мяса. — Сегодня новый остров Эллис — здесь. Латиноамериканцы обновляют застоявшуюся американскую кровь. Уже целые города говорят по-испански. В Лос-Анджелесе, Сан-Диего, Майами этот язык стал первым по распространенности. В витринах многих магазинов вы можете увидеть горделивую надпись: «Здесь не говорят по-английски».

— И все это благодаря вам, — иронически произнесла Марион.

Она подумала о нелегальных иммигрантах, живущих в фургонах на заброшенных парковках — в двух шагах от роскошных особняков Лагуна-Бич. О рабочем с фабрики по производству промышленного льда. Обо всех этих людях, получавших низкую зарплату, эксплуатируемых, на которых наживаются работодатели. Там все заканчивалось — здесь начиналось. В результате кварталы, подобные Лагуна-Бич, росли один за другим — находились все новые миллионы людей, приносящие миллионы долларов прибыли.

В погоне за американской мечтой...

Большой Па промокнул рот салфеткой:

— Я — патриарх бедняков. Благодаря мне все эти отверженные, которых США заставляют агонизировать и умирать по ту сторону границы, зарабатывают достаточно, чтобы каждый день кормить свои семьи.

— Вот как? — сказала Марион. — Да вы просто благодетель человечества!

В глазах старика промелькнула молния.

Уже гораздо более сухим тоном он произнес:

— Перейдем к нашей истории, мисс Марш.

— Этого я и хочу, мистер Фигероа.

— Что ж, у вас есть характер.

— Вы настояли на моем присутствии здесь.

— Потому что хотел задать вам несколько вопросов.

— У меня тоже есть вопросы к вам.

— Итак, — произнес Большой Па, направив на нее кончик своего ножа, — начнем с Адриана. Мне известно о вашем давнем романе с моим сыном. Хотя с самого начала вы утверждали, что вы просто журналистка...

На этот раз Марион действительно удивилась. Она была убеждена, что Адриан никогда не рассказывал о ней своему отцу.

— Вы вышли на его след? — спросил Большой Па нарочито безразличным тоном.

— Нет.

— Что вы видели у него на судне, на том озере?

Марион не знала, что именно знал Большой Па. Она предпочла рассказать ему правду — упомянула о сейфе, о научных материалах и о том, как они попали в руки к Троянцу.

Большой Па кивнул:

— Стало быть, открытия Адриана и в самом деле очень ценные.

— Что вы имеете в виду?

— Вы все еще не поняли? Речь идет не просто о регенерации пальцев. Речь идет об изменении отпечатков.

Марион автоматически запомнила эту информацию, решив, что это может быть полезно для полицейских служб. Но она не располагала временем, чтобы подумать о возможных последствиях и их масштабах.

Но Большой Па, судя по всему, уже придумал тысячи способов применения подобного открытия.

— Я говорила с одним высокопоставленным руководителем из министерства обороны, — сказала Марион. — Они уже в курсе.

— ФБР тоже. Мой источник мне об этом сообщил. Там это вызвало изрядный переполох.

Выходит, в ФБР у него есть осведомитель... Ее былая догадка подтвердилась.

Вот почему он знал о недавней операции.

— Вы собираетесь что-то делать? — поинтересовалась она.

— Ради чего?

— Ради того, чтобы найти своего сына.

— Разумеется.

— Но вы думаете только о его научных разработках...

— И о них тоже. Теперь, когда стало очевидно, что они существуют, все захотят их заполучить. ФБР, армия...

— ...и вы, — закончила Марион.

Большой Па рассмеялся:

— И я, конечно.

Марион неотрывно наблюдала за ним.

С какого времени он был осведомлен о научных исследованиях Адриана? Что он за человек? Мог ли он оказывать давление на своего сына? До какого предела?

— Теперь я хочу задать вам вопрос, — сказала она.

— Я вас слушаю.

— Вы уже пытались получить у него эти материалы, не так ли? И каким образом — применяя силу или убеждения? Это вы убили жену Адриана?

Рука Большого Па, в которой он держал вилку, застыла в воздухе.

— Не забывайте, мадемуазель Марш.

— Вы, кажется, не очень торопитесь снова его увидеть, — продолжала Марион.

— Я всегда заботился о нем.

— Мне что-то не очень в это верится.

— Как вы можете об этом судить?

— Пятнадцать лет назад он сбежал от вас во Францию.

— Это было так давно...

— Он стал хирургом. Он хотел избавиться от вашего давления.

— Вы не знаете, о чем вы...

— Натан вас ненавидел.

— ЗАМОЛЧИТЕ!

Пауза.

Затем Большой Па взял себя в руки:

— Мисс Марш, хорошие отцы защищают своих детей. Даже когда у них сложные отношения. Вам ли этого не знать.

Марион заметила перемену тона. Секундой раньше она нашла бы, что возразить отцу Адриана. Но сейчас чувствовала, как почва уходит у нее из-под ног.

— На что вы намекаете?

— Сейчас объясню.

Большой Па отпил глоток вина. Затем продолжил:

— Местные дети играют в довольно жестокую игру. Она называется la frontera. Они надевают на голову непрозрачные мусорные мешки и цепочкой идут через дорогу. Не видя ничего вокруг. Задача состоит в том, чтобы перейти ее и не попасть под машину. Иногда это заканчивается печально. — Он пристально посмотрел на нее: — Мне кажется, вы точно так же идете вслепую, мисс Марш.

— Тогда просветите меня.

— Что вы сказали бы, если бы я предложил вам вернуться домой, во Францию? Прямо сейчас, без каких-либо условий?

Такого она не ожидала.

— Вы серьезно?

— Да.

— Почему вы мне это предлагаете?

— Я вам уже сказал. Отцы защищают своих детей.

— А еще почему?

— Потому что я говорил с вашим отцом. И он хочет, чтобы вы вернулись.

Марион побледнела:

— Что?

— Я говорил с ним сегодня утром. Как уже сказал, я в курсе вашей истории с Адрианом пятнадцатилетней давности. Поэтому узнать координаты вашего отца для меня не составило труда. Мне все равно, что вы обо мне подумаете, но ваше место не на этом континенте. Итак, я назвал вашему отцу место, где вы с ним встретитесь.

Пауза.

— У него рак, — снова заговорил Большой Па. — Сейчас ваш отец проходит курс химиотерапии. Поэтому он и не отвечал на ваши телефонные звонки.

Марион подумала, что ослышалась. Неужели Большой Па говорит правду?

— Это... этого не может быть.

— Мы долго с ним разговаривали.

— Вы что, были знакомы?

— Познакомились сегодня утром. Он сказал, что не стал встречаться с вами в день вашего рождения, потому что не находил в себе мужества сообщить вам о своем диагнозе. Он боялся, что этот груз вас раздавит. Поэтому выдумал историю о гастролях, а сам лег в больницу. Я сказал ему, что он вас недооценивает. Что вы сильная женщина. Достаточно сильная, чтобы выдержать такой удар.

Большой Па замолчал.

Марион вцепилась в край стола, чтобы не пошатнуться. Она все еще не знала, верить ей этому известию или нет.

— Одно только слово, Марион, и ваш кошмар закончится. Возвращайтесь домой. Я сам займусь поисками Адриана. Если Троянец продолжит преследовать вас и во Франции — в чем я сомневаюсь, поскольку научные материалы он уже получил, — я обеспечу вам защиту. Что до ФБР, я это улажу. У меня очень хорошие адвокаты. Ваш отец нуждается в вас. Итак, каков ваш ответ?

Марион взяла свой бокал и осушила его до дна одним глотком.

Поставила на стол.

— Вчера я говорила с Хлоей... — начала она.

— И что же?

— Так вот, мой ответ — нет.

— Нет?

— Я остаюсь здесь.

Разговор прервало появление слуги, который принес «кофе майя». Он разлил горячий алкоголизированный напиток в две чашки, присыпал сверху корицей и поджег. Затем высоко поднял обе чашки и слегка покачал ими, отчего языки пламени всколыхнулись, образуя причудливые завитки.

Марион смотрела на пляску огненных языков, которые казались ей вырвавшимися откуда-то из глубин преисподней. Сгорающий коричный порошок слегка потрескивал, источая сладковатый аромат.

Закончив огненное шоу, слуга поставил кофе на стол и удалился.

Марион взглянула на собеседника:

— Мистер Фигероа. Хлоя и я хотим одного и того же. Спасти Адриана. Он в руках маньяка. Помогите нам. В обмен на это я передам вам все его материалы.

— Мисс Марш, почему вы думаете, что мне понадобятся ваши услуги?

Марион ответила не сразу.

Хотя ответ на этот вопрос она приготовила еще накануне.

— Потому что я знаю, как захватить Троянца.

Глава 51

Раньше

Операция Марион прошла без проблем.

Диагноз — острый аппендицит — подтвердился, но никаких осложнений не было. Марион полагалось провести неделю в больнице, однако Натан разрешил ей выписаться через двое суток, поскольку отец хотел забрать ее к себе, чтобы обеспечить надлежащий уход для скорейшего выздоровления. Он регулярно контролировал ее состояние с помощью биологических экспресс-анализов. Каждый день они виделись либо часами говорили по телефону. Иногда — и то и другое.

Однажды вечером Натан приехал за ней, желая вдвоем отпраздновать полное выздоровление. Это был ее первый «выход в свет» после операции, и она чуть ли не полдня подбирала одежду и макияж. Ближе к назначенному времени она уже чувствовала себя как на иголках и то и дело подходила к окну. Шел снег. К дому подъехал роскошный лимузин. Марион округлила глаза.

Она спустилась вниз в сопровождении отца. Натан вышел из машины, протянул ему руку:

— Мистер Марш.

— Натан.

— Ваша дочь хорошо себя чувствует?

— Ее пока еще надо поддерживать, когда она поднимается или спускается по лестнице. В остальном, кажется, все в порядке.

— Я верну вам ее вечером в целости и сохранности.

— Не слишком поздно, я надеюсь?

— Папа... — укоризненно произнесла Марион.

— Я пошутил, — улыбнулся ее отец. — Само собой, в вашем распоряжении столько времени, сколько вы захотите.

Марион разглядывала автомобиль.

— Лимузин, — вполголоса произнесла она. — Ну, надо же. Вообще-то... это уж слишком, тебе не кажется?

Натан обнял ее и прошептал на ухо:

— Я сделал это ради твоего отца. Он американец. В США принято ухаживать за девушкой официально, это традиция. Вообще-то, я предпочел бы открытый экипаж, но поскольку сейчас зима...

На прощание отец Марион улыбнулся им и помахал рукой.

— Кажется, он это оценил, — прошептала Марион.

Натан открыл ей дверцу, затем обошел машину, сел с другой стороны и велел шоферу ехать.

— И потом, сегодня особенный вечер, — прибавил он, обращаясь к Марион. — Так что лимузин вполне уместен.

— Особенный вечер? — переспросила Марион.

Он снова обнял ее:

— Три желания. Подарок, музыка и чудо. Ты не забыла?

Автомобиль ехал по ночному Парижу. Старинные дома на набережных Сены были ярко освещены. Это великолепное зрелище Марион видела уже много раз, но не переставала им восхищаться.

Затем лимузин остановился у собора Парижской Богоматери, и они вышли. Рядом с ним репетировали музыканты, настраивая инструменты для вечернего концерта. Порой они беспокойно поглядывали на небо, откуда все сильнее сыпал снег.

Натан повел Марион к какому-то, судя по всему, заранее выбранному месту.

Затем указал вниз. Среди старинных каменных плит располагался большой гранитный круг. Марион никогда раньше его не замечала. В центр круга был вделан бронзовый восьмиугольник — роза ветров.

— Это место называется «нулевой километр», — объяснил Натан. — Ты о нем знаешь?

— Нет.

— Это специальный знак, географический ориентир. Отсюда начинаются все дороги Франции. Отсюда началась и наша история... Здесь я впервые тебя поцеловал.

Он замолчал, словно сильное волнение мешало ему говорить. Это было совершенно ему не свойственно.

— Что-то не так? — с тревогой произнесла Марион.

— По правде говоря, что-то я разнервничался...

Она хотела расспросить, в чем дело, но Натан жестом дал ей понять, что все в порядке.

— Прежде всего, хочу сказать, что ужасно боялся, когда делал тебе операцию. Я понимал, насколько ты мне доверяешь. И меня это сковывало. Я боялся сделать неверное движение. Представлял себе, что могу тебя потерять... и это было ужасно. Со мной первый раз в жизни такое происходило...

Он сопровождал свои слова резкими, но незавершенными жестами,

словно стремясь за что-то ухватиться, но срываясь в последний момент.

Марион никогда еще не видела его таким.

— Но сейчас все хорошо, — продолжал Натан. — Не волнуйся. То, что я пытаюсь тебе сказать... так, чтобы ты в этом убедилась... то есть... ну, в общем, неважно... словом... я думаю, что ты женщина всей моей жизни.

Марион вздрогнула, не в силах произнести что-либо в ответ.

Натан вынул из кармана свечу и зажег ее с помощью зажигалки:

— Ну что, можешь ее задуть... Это было первое желание.

Марион дунула на свечу. Пламя погасло.

Затем Натан протянул ей пергаментный свиток.

Она его развернула.

Это был восхитительный рисунок звездного неба, с идущими поверху цифрами — очевидно, координатами. Рисунок окаймляла красивая узорчатая рамка очень тонкой работы. Чувствовалась рука настоящего художника.

— Что это? — спросила Марион.

— Звезда.

— Звезда?

— Твоя.

Он обнял Марион и указал на небо. Их щеки соприкасались.

— Сейчас идет снег. Но где-то там, высоко-высоко, чуть в стороне от Большой Медведицы, сияет огромная звезда, которая носит твое имя. Причем совершенно официально. Пергамент, который ты держишь в руках, это подтверждает, и здесь указаны точные координаты звезды. Я заказал пергамент в США и договорился об экспресс-доставке — специально для тебя. Звезда Марион. Она сияет, как сияешь ты, давая свет всем людям, которые тебя окружают. И она будет сиять еще целую вечность.

Марион почувствовала, как на глазах выступают слезы. Она взглянула на Натана:

— Ты... ты подарил мне звезду? Настоящую звезду? Она... только моя?

— И это еще не все. Пойдем.

Он увлек ее за собой. Они прошли вдоль Нотр-Дам. Марион едва успевала за Натаном, задыхаясь и прижимая пергаментный свиток к груди. Они дошли до архиепископских садов, расположенных за собором. Сейчас здесь было безлюдно. Натан довел Марион до очаровательного музыкального магазинчика, расположенного среди деревьев. На верхней площадке лестницы, ведущей к двери, стоял большой рояль, перед ним сидел пианист во фраке, словно здесь должен был состояться официальный

концерт.

Натан зажег свечу во второй раз:

— Второе желание.

Марион снова задула свечу.

Музыкант положил руки на клавиши. И посреди пустынного заснеженного сада зазвучала нежная, чарующая мелодия.

«Лунный свет» Дебюсси...

У Марион защемило сердце.

Натан обнял ее, словно желая защитить что-то очень ценное и хрупкое. Они медленно танцевали среди падающих снежинок. Марион закрыла глаза, растворяясь в любви Натана. Все часы во Вселенной замерли. Какие-то невидимые волны набегали на них со всех сторон, но в этом не было никакой опасности — океан вокруг них был ласковым и безмятежным. Глубоким... Натан сильнее прижал к себе Марион. Она сделала то же самое. Они баюкали друг друга в этом волшебном сне, который длился бесконечно долго...

Пианист поднял руки от клавиш.

Марион взглянула на Натана.

Он выглядел таким же взволнованным, как и она.

— Пойдем, — тихо сказал он. — Осталось еще третье желание...

Они вернулись на соборную площадь. К нулевому километру.

В этот раз Натан не стал зажигать свечу.

Он просто обнял Марион и, коснувшись губами ее уха, что-то прошептал.

Затем, словно скрепляя эти слова, поцеловал ее.

Уже поздно ночью они поднялись на крышу больницы Отель-Дье, желая посмотреть, как снег засыпает ночную столицу.

Внизу поблескивали рождественские огоньки на белом покрывале заснеженной площади перед собором Парижской Богоматери. Было четыре часа утра, и автомобили проезжали по улицам лишь изредка. Одинокие редкие прохожие возвращались домой. Звуки, доносившиеся снизу, слышались будто сквозь вату. Марион рассматривала эту картину, стараясь сохранить в памяти каждый звук, каждую деталь, малейшее ощущение, вплоть до вкуса снежинок на языке. Она даже не решалась лишний раз моргнуть — из страха нарушить хрупкое равновесие этого мига. Ей было всего двадцать лет, но она уже знала, что такие моменты — уникальные творения некой волшебной алхимии, они никогда не повторяются дважды. Поэтому она лишь старалась продлить мгновение настолько возможно.

Тем более что она находилась в объятиях человека, в которого была безумно влюблена.

— Что означает эта улыбка?

— Ничего, — ответила она. — Так... грезы наяву.

— Тебе хорошо?

— Лучше не бывало.

Он привел ее на крышу после совершенно удивительного дня. Сюда можно было попасть только по крутой винтовой лестнице, расположенной за железной запертой дверью на последнем этаже больницы. Марион даже не спрашивала, каким образом ему удалось раздобыть ключ. С Натаном она уже давно ничему не удивлялась. Когда они пришли, он усадил ее на расстеленное одеяло, достал из рюкзака плеер, бутылку вина, какую-то еду... Все было припасено заранее.

Внезапно она почувствовала боль в животе. Такое уже было сегодня несколько раз, но она ничего не сказала об этом Натану, чтобы не омрачать чудесные минуты, проведенные вместе.

— Что-то не так?

— Нет-нет, все в порядке.

— Ты вся съежилась...

Она выпрямилась, внезапно ощутив непонятную тревогу, и обхватила лицо Натана ладонями:

— Скажи, что ты меня любишь.

— Конечно люблю.

— Нет, не так.

— Ну, хорошо.

Он глубоко вздохнул и посмотрел ей прямо в глаза:

— Марион Марш, я тебя люблю. Ты возлюбленная моей души. И я никогда с тобой не расстанусь... Никогда.

— Мы будем вместе до конца своих дней?

— Да.

— Ты уверен?

— Без вариантов.

Марион уткнулась лицом ему в грудь:

— Спасибо.

Она чувствовала себя немного смешной.

— Извини. Что-то я запаниковала. Так много счастья сразу — это даже пугает.

— Я понимаю. И мне тоже страшновато, если честно. Но это несерьезно. Я думаю, что иногда бывает лучше, если все идет как идет.

— Поцелуй меня еще раз.

Он так и сделал. Поцелуй длился долго. Затем Натан слегка отстранился и озабоченно взглянул на нее:

— Ты не слишком замерзла? У тебя губы холодные...

— Со мной все хорошо.

— Да нет же, ты прямо заледенела!

Он поднялся:

— Подожди, я схожу принесу еще одно одеяло. Внизу, у врачей «скорой», их полно.

— Не надо, все в порядке, — попыталась протестовать Марион.

— Это займет пять минут, не больше, — мягко сказал он.

И направился к лестнице.

— Натан!

Он остановился.

Марион пристально взглянула на него:

— Я тебя люблю.

Он улыбнулся:

— До скорого.

И исчез.

Марион повернулась, желая еще раз посмотреть на Нотр-Дам.

Внизу неоновая вывеска, горевшая над отделением скорой помощи, бросала красноватые отсветы на снег. Марион обхватила колени руками, чтобы согреться. Собственное тело казалось ей далеким, почти отсутствующим.

Она закрыла глаза и принялась ждать мужчину своей жизни.

Марион не чувствовала нетерпения. Она думала о множестве волшебных сюрпризов, о всех тех незабываемых моментах, которые он так хорошо умел создавать — только для нее.

Она ждала.

Сейчас он вернется.

Обязательно.

Глава 52

Сейчас

Хлоя о чем-то говорила с дедом, сидя на качелях в саду. Большой Па внимательно ее слушал. Вокруг них пестрели всеми цветами радуги клумбы, источая дурманящий аромат.

Марион наблюдала за Большим Па и Хлоей издалека. Затем вернулась в свою комнату и заказала международный телефонный разговор.

— Папа?

— Марион!

— Ты знаешь, где я сейчас нахожусь? — без всяких предисловий спросила она.

Пауза длилась несколько секунд.

Может быть, отец ждал, что она скажет еще что-нибудь.

Может быть, нет.

Но ей было это безразлично.

— Да, — признался он наконец. — Я знаю, откуда ты звонишь.

— Как же так? Значит, ты знаком с Армандо Фигероа?

— Это он связался со мной.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Это было в первый раз?

— Да.

Ответ прозвучал не слишком уверенно.

— Ты уверен?

— Я... не могу об этом говорить, Марион. Не сейчас. Не по телефону.

Она закрыла глаза:

— А все остальное — правда? У тебя действительно рак?

На этот раз отцу лишь с трудом удалось выговорить:

— Я думал... думал, что...

— Папа, почему ты мне ничего не сказал?!

— Ты и без того уже столько пережила...

— Ты думал, что я не смогу это выдержать?

Хорошие отцы защищают своих детей.

— Ты думал, что я с этим не справлюсь, да?

— Пожалуйста... — произнес он умоляющим тоном, — попытайся понять...

— Ты должен был мне сказать, что болен!

— Возвращайся домой, Марион.

— Что?

— У тебя нет никаких причин там оставаться. Мистер Фигероа обещал, что поможет снять с тебя все обвинения. Он сказал, что не будет заявлять о похищении внучки. Он лично займется твоим делом. У него хорошие адвокаты. Предоставь ему все уладить.

— Я тебя люблю, папа, — сказала Марион посуровевшим голосом. — Мне больно, когда я думаю о тех испытаниях, которые тебя ждут. Но сейчас я приехать не смогу. Мне нужно закончить то, что я начала.

— Марион... Когда Натан тебя оставил, последствия были ужасными... Тебе понадобились годы, чтобы восстановиться. Потом ты стала журналисткой. Начала другую жизнь. Не разрушай все снова...

— Я должна его найти.

— Ты гонишься за призраком.

— Я нужна ему.

— Может быть, он уже мертв.

— НЕТ! — Голос Марион сорвался на крик: — Он жив! Я это знаю! Такое ощущение, что никто не хочет увидеть его живым!

Она не выдержала и разрыдалась.

Отец молчал.

Успокоившись, она вытерла глаза и произнесла:

— Мое решение уже принято, папа. — И, помолчав, прибавила: — Я думаю, ты мне лжешь. И отец Адриана тоже.

— Марион...

— Замолчи.

Она поднесла трубку к другому уху:

— Вы оба сказали, что познакомились только сегодня. Но мне кажется, вы знакомы давно. Вы оба хотели держать меня в изоляции. Вы хотели защитить своих детей, каждый своего. Но со временем оказалось, что ваши тайны нас задушили. — Она говорила все более твердым тоном. — И в конце концов, папа, может выясниться, что ты прекрасно знал обо всем, что происходило в эти пятнадцать лет. Ты ничего не хочешь мне об этом рассказать? Тем хуже. Эта эпоха осталась позади. Потерянное время никогда не вернуть, ты сам повторял мне это постоянно. Но сейчас я сама принимаю решения. Так помогите мне, вместе с отцом Адриана. Или хотя бы оставьте меня в покое... Но даже не вздумайте мне мешать! — жестко добавила Марион.

И положила трубку.

Большой Па зашел к ней около полудня и сообщил, что уладил все проблемы с ФБР. Он также выразил надежду, что Марион и Хлоя завтра возвратятся в Лос-Анджелес.

— Я помогу вам, — прибавил он, — потому что материалы Адриана меня действительно интересуют. И потому, что хочу снова увидеть моего сына. И потому, что Хлоя вас любит. Итак, вы сказали, что сможете найти Троянца. Это правда?

— У меня есть идея, как за это взяться, — ответила Марион.

— Вы были суровы с вашим отцом.

— Вы снова с ним говорили?

— Он позвонил мне, чтобы попросить вам помочь.

— С чего вдруг его просьба на вас подействовала?

— Он ваш отец. Я знаю, что ему пришлось испытать.

— Такие типы, как вы, никогда не бывают сентиментальными.

Большой Па вплотную приблизился к ней:

— Такие типы, как я, мисс Марш, убивают направо и налево без всякого сожаления всю свою жизнь. А потом они стареют. И стараются убивать уже не так часто.

Марион не поверила ни одному его слову.

Он слегка коснулся кончиками пальцев ее щеки:

— Вы боитесь того, что в результате можете выяснить о моем сыне, ведь так?

Она отвернулась:

— Возможно.

— Вы сильная натура. Я неплохо разбираюсь в людях. Для таких, как вы, существует только два способа действовать — сражаться или... сражаться... — Он улыбнулся. — Да, сознаюсь, я вас обманул. На самом деле только один способ...

Он направился к выходу, но перед дверью обернулся и сказал:

— Один из моих охранников, Микадо, тот, который похож на баскетболиста... так вот, он умер. Троянец нанес ему серьезную рану, и спасти его не удалось. После этого я больше не видел его напарника, Брауни. Надо полагать, он больше не работает на меня. ФБР в курсе. Я знаю, что вы не виноваты в его гибели, и нет никаких причин полагать, что Брауни вздумает расправиться с вами. Но все же я советовал бы вам почаще оглядываться. — Слегка помахав ей рукой на прощание, Большой Па добавил: — В следующий раз мы поговорим с вами, когда вы уже будете на том берегу.

И удалился.

Все нужные телефонные звонки были сделаны. Все соглашения достигнуты.

Марион и Хлоя всю ночь пили чай и разговаривали. Марион рассказала девочке всю их с Натаном историю с самого начала — с того дня, когда она, двадцатилетняя студентка-практикантка медицинского университета, впервые пожала руку знаменитому Натану Чессу, фактическому руководителю отделения срочной ортопедической помощи в больнице Отель-Дье, — вплоть до того момента, как он исчез.

Утром они сели в самолет до Лос-Анджелеса. Марион — под охраной полицейского. По прибытии ее сразу же отвезли в ФБР. В уже знакомом ей конференц-зале состоялся брифинг, во время которого она рассказала обо всем, что знала. Оттуда ее повезли в суд. Внушительная коллегия адвокатов, нанятых Большим Па, блестяще справилась с защитой. Обвинение в похищении Хлои было снято сразу же: Марион была другом семьи, и девочка уехала с ней без всякого принуждения. Адвокаты постоянно отмечали изъяны и огрехи противоборствующей стороны: так, они заявили, что агенты ФБР самым безжалостным образом использовали Марион Марш в собственных целях, значительно превысив свои полномочия, что привело к трагическим последствиям. Они также доказали, что Марион не нападала на Уойяка, бывшего заключенного, освобожденного условно-досрочно, а лишь защищалась. Что касается самого индейца, его, как выяснилось, снова отправили в тюрьму. Адвокаты добились снятия обвинения и в нападении на помощника шерифа в Лейк-Пауэлл, поскольку Марион лично в этом не участвовала.

Также адвокаты особо подчеркнули добровольное сотрудничество своей подзащитной с органами правопорядка, при том что — они еще раз упомянули об этом — операция ФБР была очень опасной, плохо подготовленной и закончилась настоящей бойней. Инцидент в Санта-Монике был еще свеж в памяти всех присутствующих. Тогда Марион, как выяснилось, имела полное право вызвать бесплатного адвоката и отказаться принимать участие в операции, где ей отвели роль приманки.

Другие обвинения, уже гораздо менее серьезные, с легкостью отпали одно за другим.

Множество раз возникали заминки, звучали обоюдные оскорбления и едва завуалированные угрозы, и наконец стороны приходили к соглашению. Наконец судья в полной тишине отчетливо произнес всего несколько слов, объявив об освобождении под залог.

Адвокаты внесли деньги.
Марион была свободна.

Глава 53

Марион сидела за столиком под тентом возле бассейна. Отель, в котором они с Хлоей остановились, находился недалеко от здания ФБР. Хлоя тоже сидела в шезлонге у самой воды, слушая плеер в наушниках.

Марион отпила глоток воды со льдом из своего бокала, стараясь отогнать возникающий из глубин прошлого образ Натана.

Она боялась, что если не сделает этого, то сломается.

В нынешней ситуации было что-то сюрреалистическое. «Свободна», — объявил недавно судья. Однако вместе с тем ее обязали в кратчайшие сроки покинуть территорию США — ей дали всего лишь сорок восемь часов на сборы. Этот приговор обжалованию не подлежал. Что касается Хлои, ей предстояло отправиться в приемную семью в Лагуна-Бич. В оставшееся время обе должны были оставаться под наблюдением ФБР и максимально ограничить свои перемещения.

Но если не считать всего этого, Марион была свободна.

Она наблюдала за Хлоей, сидящей в шезлонге. Через какое-то время девочку сморил сон.

Но Марион не могла заснуть. Она находилась в пограничном состоянии. У нее было ощущение, что она уже очень давно не касалась земли. Однако потребность в транквилизаторах отпала. Давний рефлекс, основа ее предшествующего существования, отныне перестал быть необходимостью. Словно бы, пережив восхождение к самым высотам ужаса и отчаяния, она уже не нуждалась в защите.

Она машинально покрутила свой бокал, вращая кубики льда.

Будущее напоминало чье-то лицо, размытое, очень бледное, почти прозрачное, парящее над ней в воздухе. Лицо человека, которого она некогда любила. Она пыталась дотянуться до него, но каждый раз оно отдалялось.

Хлоя, проснувшись, стянула наушники.

— Батарейки сели, — пожаловалась она. — Надо их перезарядить.

Марион улыбнулась.

Участь отца, конечно, не могла не тревожить Хлою, но она старалась этого не показывать. «Сильная натура», как сказал Большой Па.

Марион вздохнула:

— Мои личные батарейки, кажется, тоже сели.

— Мне нравится эта музыка, — сказала Хлоя. — Отец слушал ее

часами. Он всегда бегал с плеером в ушах по Венис-Бич. Вы там были?

— Нет.

— Это очень хорошая беговая дорожка, которая тянется вдоль пляжа. Одна из самых красивых в Лос-Анджелесе.

— Да, наверно это здорово.

— Он никогда не звал меня побегать вместе с ним. Он везде и всегда предпочитал оставаться один.

Молчание.

Спустя некоторое время Хлоя снова заговорила:

— Можно задать вам вопрос?

— Да, конечно.

— У вас ведь были мужчины... после отца?

— Да, но это было уже совсем другое.

— Вы не любите детей?

— Нет, почему же.

— Тогда почему вы не стали их заводить? Вот, например, моей матери, Еве, это пошло только на пользу. Отца почти никогда не было рядом, но со всеми теми проблемами, которые я ей доставляла, ей было некогда скучать.

Марион невольно рассмеялась:

— А ты доставляла матери много проблем?

— Вы не ответили на мой вопрос.

Лицо Марион омрачилось.

— По поводу детей?

— Да.

— Я не могу иметь детей, Хлоя. Даже если бы захотела. Вот так.

В этот момент к ним приблизился спецгент ФБР Аарон Альтман и уселся напротив Марион в пластиковое кресло. Одежда его выглядела неряшливо. В руке он держал бокал с коктейлем, украшенный кружком апельсина.

Марион взглянула на мужчину с легким удивлением:

— Что вы здесь делаете?

— То же, что и вы. Принимаю солнечные ванны в ожидании, пока упакуют мои вещи.

— Это алкогольный коктейль? — поинтересовалась Марион, кивая на его бокал.

— Да. Меня попросили освободить мой кабинет до конца этой недели. Я отказался от нескольких заманчивых предложений в разных госконторах. Отныне мне на госслужбе делать нечего.

Он отпил глоток коктейля, искоса посмотрев на Хлою. Та, не обращая

на них внимания, увлеченно нажимала сразу двумя большими пальцами клавиши своего телефона.

— Чем занята малышка?

— Я думаю, что ее стрессоустойчивость побольше, чем у нас обоих, вместе взятых. Она, как это у них называется... чатится со своими подружками.

— В «Фейсбуке», да? — Альтман сделал еще глоток. — У моего сына та же история. Может быть, и я втянусь. Это, наверно, хорошо — иметь друзей.

— А что, у вас их нет?

— Ни одного. Ни реальных, ни виртуальных. Сферы моих занятий — литры крови и тонны бумаги, и это занимает все мое время.

Марион рассеянно рассматривала солнечные блики на воде:

— Чем вы собираетесь заняться, агент Альтман?

— Даже не знаю. Поеду на Багамы, буду рыбачить... — Он безрадостно усмехнулся. — Может быть, заведу друзей, как знать...

— А кто будет заниматься поисками Адриана Фога?

— Кто-нибудь другой. — Он в один глоток допил свой коктейль и поставил бокал на стол. — Я знаю, что вы думаете о мерах, принятых ФБР по розыску Адриана Фога. На данный момент очевидно, что этот гребаный Троянец всех перехитрил. О существовании научных материалов Фога известно немногим. И вам перед отъездом придется дать подписку о неразглашении. И полковник Холлборн, и ФБР, и генеральный прокурор — все сидят как на иголках. Вскоре в США должна появиться новая база биометрических данных. Вам, конечно, это мало что говорит, но поверьте на слово: открытие доктора Фога угрожает национальной безопасности. И я говорю вовсе не об информационных проблемах. Я имею в виду настоящую катастрофу национального масштаба. Может быть, даже мирового.

— Всего-навсего, — иронически произнесла Марион.

Помолчав, Альтман прибавил:

— Кстати, хочу у вас кое-что спросить по поводу Фога. Я прочитал отчет, присланный коллегами с Кэ-д'Орсе, где собрана вся информация о вас. О вас и о нем. В тот период, когда он еще звался Натан Чесс...

Марион окаменела.

— Я прочитал ваше заявление в суд.

— Это не было заявление в суд. Просто объяснение.

— Ну, так или иначе, я его прочитал. Конечно, дело давнее, но, насколько я понял, последствия для вас были ужасными. Он навлек на вас

столько бед — и вы после этого не возненавидели его?

— Как вы сами сказали, агент Альтман, дело давнее.

Альтман, вероятно, ждал продолжения, но Марион больше ничего не сказала.

Наконец он поднялся.

— Ну что ж, другие агенты придут мне на смену, — сказал он, кладя перед ней свою визитку, — но все-таки сохраните мои координаты на всякий случай. До того момента, когда сядете в самолет, я все еще босс.

И ушел.

— Что он от вас хотел? — поинтересовалась Хлоя.

— Ты все-таки подслушивала?

— Так, что-то слышала краем уха. Он говорил что-то о заявлении в суд. Об ужасных последствиях для вас.

— Тебе не стоит об этом знать.

Хлоя резко выпрямилась:

— Что, вы тоже считаете, что я еще *недостаточно взрослая*? И *недостаточно сильная*? Также хотите сохранить при себе все свои секреты, как мой отец, и Большой Па, и все остальные?

Некоторое время Марион пристально смотрела на девочку. Затем сказала:

— Ну, хорошо.

Она сделала глубокий вдох.

И начала рассказывать о том, что случилось после исчезновения Натана.

Глава 54

Раньше

Марион спустилась с крыши Отель-Дье около пяти утра, когда окончательно замерзла и уже отчаялась дожидаться возвращения Адриана.

Может быть, какой-то непредвиденный случай в отделении скорой помощи?.. Но почему тогда он ее не предупредил?

Ей с трудом удалось спуститься по крутой винтовой лестнице. Каждый раз, когда ступала на правую ногу, она испытывала жгучую боль в животе.

Дойдя до лифта, она нажала кнопку вызова.

По обе стороны от нее тянулись пустые полутемные коридоры с редкими огоньками ночных ламп.

Двери лифта разъехались, и Марион, войдя, нажала кнопку первого этажа.

Она не понимала причины отсутствия Натана, однако испытывала все более сильный страх, подсознательный и необъяснимый. Что-то было не так, но она не могла точно сказать, что именно.

На первом этаже ей пришлось прислониться к стене — дыхание стало прерывистым, ноги подкашивались. Боль в животе ослабла. Но почему же она чувствует себя такой усталой?

Она посчитала удары пульса в течение пятнадцати секунд, затем умножила результат на четыре.

Сто сорок ударов. Пульс был прерывистый и нервный.

Ненормально. Абсолютно ненормально.

— Натан?.. — Она толкнула дверь в отделение скорой помощи. — Натан, ты здесь?..

Никто не отозвался.

Сейчас было «пустое время». И оно же — время катастроф. В этот час поступали в основном тяжелые пациенты, к ним всегда нужно было относиться очень внимательно, как к бомбам замедленного действия. Одно из первых правил, которое она здесь усвоила...

Она дошла до комнаты отдыха и приоткрыла дверь. Там пили чай две медсестры.

— Натан?..

Повернувшись к ней, обе одновременно выронили чашки и в ужасе замерли.

Но смотрели они не на нее, а на пол.

Там расплывалось огромное пятно крови.
Ее крови.
В следующий миг Марион потеряла сознание.

Она очнулась в реанимационном отделении. На животе у нее были зажимы. Уже начался день. Она поняла, что ее недавно привезли из операционной.

Вторая операция за неделю...

Марион нажала кнопку звонка для вызова медсестры.

— О, вы уже очнулись, мадемуазель Марш?

— Что со мной случилось?

— Хотите, я впрысну вам еще морфина?

— Нет.

Медсестра с профессиональной ловкостью занялась ею, явно умышленно избегая встречаться с ней взглядом.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— У вас началось кровотечение.

— А потом?

— Вас прооперировали.

— Кто?

— Дежурный хирург больницы.

— Вы видели доктора Чесса?

— Нет. — Медсестра по-прежнему не поднимала на нее глаз. — Сейчас придет директор больницы, он хочет с вами поговорить, — наконец сказала она.

— Директор? С чего это вдруг?

Медсестра закончила свою работу и удалилась.

Марион ждала, изнывая от беспокойства.

Наконец дверь палаты открылась, и вошли двое мужчин. На одном из них был белый халат, на другом — обычный костюм.

— Здравствуйте, — сказал человек в белом халате. — Я — директор больницы. — Марион никогда раньше его не видела. — Простите, я даже не знаю, как вам об этом сказать... На прошлой неделе доктор Чесс сделал вам операцию, которая выходила за рамки его специализации...

— Вы про аппендицит? Да, Натан не специалист, я знаю, но...

— Нет, я не об этом.

Он прошелся по комнате, нервно теребя пуговицы халата.

— Вы знаете, какими научными экспериментами занимался доктор Чесс?

— Он специализировался по операциям кисти руки...

— Его интересовала регенерация пальцев. На данный момент этот проект остается чисто гипотетическим. Вот через десять — пятнадцать лет, может быть... Он хотел создать внеклеточную матрицу, которая могла бы восстанавливать поврежденные ткани, чтобы затем заполнять эту матрицу стволовыми клетками. Существуют различные экспериментальные техники...

— Зачем вы мне все это рассказываете?

Он наконец оставил пуговицы в покое:

— Для некоторых подобных экспериментов нужны стволовые клетки эмбрионального происхождения. Они обладают огромной силой в плане регенерации. В некоторых странах с ними можно экспериментировать, но не во Франции. Комитет по этике вынес отрицательное заключение по этому вопросу.

— Я помню. Натан говорил, что комитет не дал ему возможности продолжать исследования...

— Да, потому что ради этого потребовалась бы пункция яичников для извлечения репродуктивных яйцеклеток — в чисто научных, экспериментальных целях. А это запрещено.

Человек в костюме по-прежнему молчал.

Директор приблизился к Марион:

— Возможно, если бы обстоятельства сложились по-иному, Чесс смирился бы с отказом. Но случилось то, что случилось. Когда доктор Чесс делал вам операцию, он произвел у вас изъятие яйцеклеток.

— Что?!

— Он обманул операционную бригаду. После удаления аппендикса он сказал, что с вашими яичниками что-то не в порядке и нужно взять небольшой образец для анализа, чтобы определить, в чем проблема. На самом деле никаких проблем не было. Ему просто нужны были яйцеклетки для дальнейших экспериментов...

Марион почувствовала, как вся кровь отхлынула от лица.

— Изъятие яйцеклеток обычно происходит без всяких последствий. Ваш яичник мог бы остаться неповрежденным, без каких бы то ни было следов хирургического вмешательства. Ни вы, ни кто-то другой никогда бы об этом не узнали. Но доктор Чесс совершил ошибку. Он задел артерию, и у вас началось кровотечение. Сначала слабое, потом все более сильное. Периодические боли в животе, чувство тревоги, слабость, озноб, учатившийся пульс — вы ведь узнаете все эти симптомы, правда? Вас срочно прооперировали. Но кровотечение оказалось слишком сильным.

Пришлось удалить некоторые органы...

— Что... что вы хотите сказать?

— Вы потеряли правый яичник, фаллопиевы трубы и матку. Остался только левый яичник — для поддержания гормональной системы.

— Вы хотите сказать... я не смогу иметь детей?

— Мне очень жаль, мадемуазель Марш.

Эти слова как будто зависли в воздухе, не сразу найдя дорогу к ее сознанию.

— А... Натан?..

— Вот в этом-то и проблема. Он прибыл из Чили два года назад. Большинство коллег с ним не общалось, но мне удалось узнать его получше. Он хороший человек и замечательный хирург. Разумеется, он не хотел причинить вам вреда и уж тем более не хотел для вас таких ужасных последствий. Но он совершил противозаконную вещь, и это стало известно. Мы позвонили ему, но... его нигде невозможно найти. Он исчез.

После этих слов к Марион приблизился человек в деловом костюме:

— Мадемуазель Марш, я инспектор полиции. Мне жаль расстраивать вас еще больше, но, боюсь, я не разделяю мнение вашего директора относительно Натана Чесса. Вы хорошо знаете этого человека?

Марион переводила взгляд с одного мужчины на другого, не успевая осознать смысл их слов:

— Что значит *исчез*?..

— Я приехал к нему, — ответил инспектор, — и обнаружил, что входная дверь не заперта, а вещи разбросаны по полу, словно он в спешке куда-то собирался. Я нашел его вид на жительство, и оказалось, что это фальшивка. Тогда мы провели полную проверку, чтобы установить его личность...

Директор больницы слегка сжал запястье Марион, словно для того, чтобы придать ей сил выслушать остальное.

— Натан Чесс — вымышленное имя. Такого человека не существует. Все его бумаги, которые он предоставил руководству больницы, поддельные. В Чилийском университете никогда не было студента с таким именем.

— Что?..

— Должно быть, у него имеются связи с преступным миром, потому что все поддельные документы изготовлены с большой тщательностью.

— Это... это невозможно...

— Он обманывал людей. Несмотря на то что ваш директор высокого мнения о его человеческих и профессиональных качествах, лично мне

кажется, что он просто использовал вас как подопытного кролика.

— Вы лжете!

Инспектор в упор посмотрел на Марион:

— Мадемуазель Марш, мне тяжело вам об этом говорить, но никакого Натана Чесса не существует. Это искусно созданный фантом. Его разоблачили, и он скрылся. Я буду очень удивлен, если в один прекрасный день он появится снова.

У нее больше не было сил слушать.

Ее затрясло.

Срочно позвали медсестру.

Та сделала успокоительный укол, но одного оказалось недостаточно.

Пришлось сделать второй.

На следующий день к ней вызвали психолога.

Внешне ее состояние казалось стабильным. Но психолог заметил, что ее душевное равновесие очень сильно нарушено.

Отец каждый день приходил ее навестить. Иногда он плакал, иногда молчал. Марион оставалась безразличной ко всему.

Она не захотела подавать жалобу в суд и настаивать на дальнейших поисках. В конце концов, это был выбор Натана. Так или иначе, полицейское расследование ни к чему не привело. Натана так и не нашли.

К сожалению, подобные истории были нередки. Каждый год некоторому количеству людей удавалось нечестными путями просочиться через все барьеры иммиграционных служб. Тех, кого удавалось разоблачить, арестовывали; если же им удавалось этого избежать, они залегали на дно. Что касается Натана Чесса, полицейские изучили все его хирургические досье, ища какие-нибудь зацепки, но не нашли ничего нового. Если не считать случая с Марион, он нигде больше не оступился. Пациенты и коллеги пели ему дифирамбы. Руководство больницы приложило все усилия, чтобы замять скандал, и вскоре место Чесса занял новый сотрудник.

Настал день, когда Марион вышла из больницы. Лечащий врач предписал ей дважды в неделю посещать психолога, чтобы ее душевное состояние еще какое-то время оставалось под контролем.

Она прошла по площади перед собором Парижской Богоматери, желая еще раз оказаться на том месте, где еще совсем недавно была абсолютно счастлива.

Затем она добралась до метро «Сен-Мишель», где купила билет на одну поездку.

Спустилась по ступенькам со странной улыбкой на губах.

Подойдя к краю платформы, она, словно в забытьи, вытянула перед собой руки.

Ей было почти хорошо, она парила в воздухе...

Платформа завибрировала от грохота приближающегося поезда.

Марион сделала шаг вперед.

И устремилась в лучший мир.

Глава 55

Сейчас

Хлоя слушала этот рассказ, сидя абсолютно неподвижно, с расширенными от ужаса глазами. Бассейн, отель, окружающие люди, пылающее солнце Лос-Анджелеса — все вокруг них, казалось ей, исчезло.

— Поезд ехал быстро, — помолчав, продолжала Марион. — А я стояла в самом начале платформы. Это и спасло мне жизнь. Я опоздала буквально на секунду. Вместо того чтобы упасть на рельсы, я ударилась о переднюю часть головного вагона, и меня отбросило почти на середину платформы.

— А... потом?

— Потом я три недели провела в коме. Меня отвезли в Ла Питье-Сальпетриер. Вначале прогнозы у врачей были самые пессимистичные, но мое тело не собиралось легко сдаваться. Пришлось перенести еще с десяток операций. Я была молода, вынослива. В конце концов мне удалось выкарабкаться.

— Долго вы восстанавливались?

— Я была прикована к постели два года. Потом еще два провела в инвалидном кресле. Потом наконец смогла передвигаться на костылях. Врачи, которые меня лечили, оказались совершенно потрясающими людьми. К тому же отец постоянно меня поддерживал. Я боролась, потому что они вернули мне волю к жизни. Постепенно я восстановила все нарушенные функции организма, одну за другой.

— А потом вы вернулись к медицине?

— Нет, на это у меня не хватило мужества. Это потребовало бы очень много времени. Когда выздоровела окончательно, я выбрала другой путь. Дело в том, что, пока болела, я перечитала тонны книг. Чтение стало для меня настоящей опорой. Я так к нему привыкла, что и позже не прекращала читать. Если бы увидела мою квартиру, ты удивилась бы — она больше похожа на библиотеку. Повсюду книги... там едва остается место для меня.

Хлоя улыбнулась.

— Поэтому я решила пойти в школу журналистов. И позже стала работать в разных изданиях внештатной журналисткой. Долго мыкалась, пока не получила постоянную работу во «Франс телевизьон».

Поколебавшись, Хлоя спросила:

— А... мой отец? Вы, должно быть, его ненавидели?

— Нет. Я продолжала верить в реальность всех тех счастливых моментов, которые мы пережили вместе. Его бумаги были фальшивыми, но, кроме них, есть и человеческие чувства, с которыми невозможно справиться. Я верю, что он совершил невольную ошибку, которую не смог исправить. Или же кто-то другой лишил его такой возможности. Но что касается меня, я принимала свои решения самостоятельно. Сначала я решила умереть. Потом — продолжать жить. Твой отец был ни при чем ни в том, ни в другом случае.

Их разговор был прерван подошедшей к ним женщиной — латиноамериканкой в строгом деловом костюме и с револьвером в кобуре у пояса.

Марион узнала женщину:

— О, агент Перес. Здравствуйте. Теперь вы придете на смену Аарону Альтману?

— В числе прочих.

— В числе прочих?

— Нам нужно поговорить. Кое-кто хочет узнать у вас новости.

— Кто же?

Латиноамериканка склонилась к ее уху:

— Вы хорошо знаете этого человека, Марион.

Вдвоем с агентом Перес они поднялись в номер Марион.

Латиноамериканка протянула ей мобильный телефон:

— Этот номер не прослушивается. Можете говорить свободно.

— Мисс Марш?

— Мистер Фигероа?..

— Ну, разумеется, кто же еще.

— Перес работает на вас?

— Когда мне это нужно. Видите ли, часть ее семьи живет в Мексике.

Лицо Марион исказила гримаса отвращения.

— Вы... да вы просто...

— Просто деловой человек, вы хотели сказать? Совершенно верно. А бизнес — это безжалостная вещь. Теперь скажите мне, как вы рассчитываете найти психопата, который украл мои материалы.

— Ваши материалы, — не удержавшись, повторила Марион.

— Ну, моего сына, это одно и то же.

Марион сделала агенту Перес знак выйти. Ей нужно было остаться одной.

Затем, снова поднеся телефон к уху, сказала:

— Я знаю, как за это взяться. Я вам уже говорила. Но сначала мне нужны ответы на многие вопросы.

Недавний разговор с Хлоей действительно вызвал у нее множество вопросов — точнее, напомнил о них.

— Когда ваш сын исчез пятнадцать лет назад — это ведь произошло из-за вас, не так ли?

В трубке послышался вздох.

— Какое это имеет значение?

— Для меня — очень большое.

— Ну, хорошо, — согласился Большой Па.

Послышался щелчок — вероятно, он зажег сигарету.

— Адриан всегда был независимым. Из него мог получиться блестящий хирург, и ему нужна была другая жизнь. В которой никто не знал бы, что он — сын наркобарона. Я согласился выполнить его просьбу. Я обеспечил ему фальшивые документы и позволил учиться, где он пожелает. И во Франции, и в других местах.

— Он рассказывал вам обо мне?

— Да. Когда у меня впервые случился инфаркт, он ненадолго прилетал в Мексику. Он выглядел очень взволнованным. Говорил, что собрался прочно обосноваться в Париже вместе с вами. Я ему сказал, что он грезит. Что это временное умопомрачение. Но он меня не слушал.

— Вплоть до того злополучного вечера, — сказала Марион.

— Да. Когда он спустился с крыши Отель-Дье, он наткнулся на того самого анестезиолога, который давал вам наркоз во время операции. Тот случайно увидел результаты ваших анализов крови и заподозрил внутреннее кровотечение, а заодно, видимо, вспомнил, что говорил Адриан по поводу проблемы с яичниками, которую он у вас якобы обнаружил. Он начал угрожать моему сыну. Адриан понял, что его могут разоблачить. Он позвонил мне, совершенно убитый случившимся. Я велел ему уезжать немедленно, если он не хочет оказаться за решеткой и, хуже того, встретиться после этого с вами на суде и выдержать ваш взгляд. Сознавая свое предательство. Он этого не хотел. И я вернул его в Мексику той же ночью.

— А... потом?

— Он узнал о вашей попытке самоубийства. Он был раздавлен этим известием. Во всем винил себя. Я должен был что-то предпринять. Я прилетел в Париж и встретился с вашим отцом.

Марион выдержала этот удар, поскольку была к нему готова.

— Значит, вы с ним знакомы уже давно.

Было слышно, как Большой Па сделал очередную затяжку.

— Я не стал говорить ему всего. Лишь подтвердил его подозрения в том, что Натан Чесс — неподходящий человек для его дочери. И дал ему большую сумму наличными. Чтобы оплатить ваше лечение — лекарства, все необходимые приспособления, текущие расходы...

И чтобы купить его молчание, про себя закончила Марион.

— Он выполнил свой отцовский долг, — продолжал Большой Па. — Защитил свою дочь. Я дал ему свой телефон и попросил позвонить мне, если вы когда-нибудь отправитесь на поиски Адриана. Это могло помешать его карьере. Неделью назад ваш отец мне позвонил. Впервые за пятнадцать лет. И мы оба поняли, что многое теперь изменится.

Марион села на кровать. Теперь она понимала все. Значит, у Натана никогда не было выбора.

— А в последующие годы?

Большой Па снова щелкнул зажигалкой, прикуривая новую сигарету.

— Адриану следовало вас забыть. Я познакомил его с молодой женщиной, Евангелиной. Понадобилось некоторое время, но в конце концов все устроилось. Их отношения были не такими, как у него с вами, — более спокойными. Они любили друг друга. Через два года родилась Хлоя. У Адриана началась другая жизнь. Он много путешествовал. Совершенствовался в своем мастерстве. Со временем достиг уровня, необходимого для работы в США. Его успехи были необыкновенными. Университет Южной Калифорнии принял его с распростертыми объятиями. Он американизировал свое имя, и Адриан Фигероа стал Адрианом Фогом. Период его жизни во Франции был предан забвению. Адриан всегда был скрытным, избегал фотографироваться и позаботился о том, чтобы уничтожить имеющиеся фотографии. Единственная, которую можно найти в Интернете на данный момент, это фотография на сайте университета. Других нигде нет.

Марион закрыла глаза.

Детали пазла одна за другой складывались в ее голове, образуя единое целое.

— Он был буквально одержим благотворительностью, идеей бесплатной медицинской помощи бедным. Он работал без отдыха. Я порекомендовал ему заняться этим на моей фабрике льда в Пейдж. Ему понравилось местечко на берегу озера, Лейк-Пауэлл: тишина, уединение... Он жил там на судне. Со мной больше не общался. Потом он создал Фонд Фога и начал сотрудничать с Холлборном в Камп-Пендлтон. Когда он произвел свои первые опыты по регенерации пальцев у раненых солдат,

вернувшихся из Ирака, его стали прославлять как настоящего гения...

Большой Па сделал паузу — видимо, чтобы затушить в пепельнице окурки.

— А потом все рухнуло. В армии проверочная система гораздо строже, чем в обычной больнице, — настоящее мелкое сито. Через какое-то время они выяснили, что Адриан — мой сын. И уже во второй раз его карьера рассыпалась в прах. Холлборн, возможно из ревности, натравил на Адриана ФБР. Оно рьяно взялось за дело. Адриан потерял и кредиты от министерства обороны, и свою богатую клиентуру. Он был вынужден работать где придется, чтобы хоть как-то поддерживать Фонд Фога на плаву, но едва сводил концы с концами. Разумеется, я предложил ему помощь. Но он и слышать не хотел ни обо мне, ни о моих деньгах...

Большой Па вздохнул.

— Год назад последовал самый большой удар. Его жена погибла в автомобильной катастрофе. Адриану удалось раздобыть отчет о вскрытии. Там говорилось о подозрительных повреждениях трахеи. Я и сам прочитал этот отчет. В самом деле, все наводило на мысль о преднамеренном убийстве. Автомобильная авария была устроена для того, чтобы замести следы.

Марион не сомневалась, что в таких делах Большой Па разбирается не хуже профессиональных экспертов.

— Адриан понял, что его жену допрашивали, вне всякого сомнения пытали, а потом задушили. Вероятно, хотели узнать местоположение тайника, где он прятал свои материалы. После этого преступления он стал как помешанный. Начал всех подозревать, включая меня. Однажды он напрямик заявил мне, что я хочу получить полный контроль и над ним, и над его открытиями.

— Так оно и было?

— Мисс Марш, я думаю, ответ должен быть для вас очевиден.

Нет. Совсем не очевиден.

— И наконец, — вместо этого произнесла она, — на него напали в Лос-Анджелесе, на парковке рядом с отелем.

— Да, какой-то человек в маске. Только Хлоя успела его разглядеть. По ее словам, на нем была обычная маска-шлем. Ничего общего с маской Троянца. Но все же я полагаю, что речь идет об одном и том же человеке, потому что вскоре Адриана похитили.

— Итак, Троянец подбежал к Адриану и выстрелил в него.

— Нет, это не Адриан был целью. Он сам бросился под пули.

— Я не понимаю...

— Целью была Хлоя. После жены Адриана настал черед его дочери. Именно поэтому я приставил к ней двух телохранителей.

Марион молча обдумывала эту информацию.

— Ну что ж, — нарушил молчание Большой Па, — теперь, когда вы все знаете, скажите, что вы собираетесь предпринять по поводу Троянца? У вас действительно есть план, как захватить этого мерзавца? Да или нет?

Глава 56

Марион нервно расхаживала по комнате с плиткой шоколада в руке. Шоколад сейчас был не прихотью, а средством для стимуляции мозговой деятельности.

Марион снова думала о том, что недавно узнала. Теперь наконец все загадки прошлого разрешились. Оставалось понять настоящее. И по поводу него интуиция кое-что ей подсказывала.

Когда-то давно Натан объяснил ей феномен «женской интуиции» — это был тот же логический анализ, только во много раз более быстрый, чем у мужчин. По его словам, женский ум вполне способен мгновенно определить полезные и вредные растения в густом лесу информации. Марион не знала точно, так ли это, но сейчас разум нашептывал ей самые простые слова: любое преступление складывается из трех элементов: жертва, подозреваемый, мотив преступления.

Она откусила от плитки шоколада, пытаясь сформировать гипотезы по каждому из трех пунктов.

Прежде всего — жертвы.

Жертва номер один: Евангелина Фог. Она погибла не в результате автокатастрофы — скорее всего, ее убили, причем перед этим, вероятно, пытали. Официальное доказательство нет, но судмедэксперт что-то заподозрил, Большой Па, со своей стороны, подтвердил эти подозрения, и Адриан в этом убедился. Следовательно, это можно считать свершившимся фактом.

Жертва номер два: Хлоя Фог, тринадцати лет, в которую неизвестный преступник стрелял на подземной парковке отеля. Только недавно Марион поняла, что истинной целью в этом случае был не Адриан, а его дочь.

Два безжалостных преступления против беззащитных женщин. Два подлых и трусливых нападения на дорогих Адриану людей. Нужно быть законченным негодяем, чтобы действовать подобным образом. Но самое важное не это. Самым важным был вопрос — почему?

Теперь нужно подумать о мотивах.

В тот период, когда было совершено первое преступление, Адриан рассорился с полковником Холлборном и угрожал опубликовать материалы о своих открытиях. После этого его жена погибла. Второе покушение произошло в тот момент, когда Адриан прибыл на международный конгресс хирургов, где собирался сделать доклад.

Намек абсолютно очевидный: ему запрещали представлять результаты своих исследований широкой публике.

Почему? Вне всякого сомнения, потому что они представляли собой необычайно ценный товар.

Итак, человека, совершившего преступления, интересовали деньги.

Кто стал бы оценивать открытия Адриана в первую очередь с точки зрения стоимости? Марион с ходу определила троих: это Холлборн, Большой Па и, разумеется, Троянец.

Она перестала есть шоколад и попыталась собрать все отдельные сведения в общую картину.

Два преступления. Трое подозреваемых. Мотив: деньги. Деньги, которые служили бы Холлборну для дальнейших исследований, Большому Па — для усиления влияния, а для Троянца стали бы наградой за похищенные материалы.

Кто из троих стрелял в Хлою, а до этого убил Евангелину? Троянец? Или все же человек в шлеме-маске на парковке не он, а кто-то другой?

На данный момент Марион не знала ответа на этот вопрос.

Но кем бы ни был этот человек, он должен был достаточно хорошо знать Адриана и его привычки, чтобы дважды подготовить нападения на его близких.

Марион взяла телефон и набрала номер.

— Агент Альтман?

— Мисс Марш?

— Попробуйте накопать что-нибудь на полковника Холлборна.

— На кого? — удивленно переспросил Альтман.

— Он военный. Ему известно о материалах Адриана, он знаком с их содержанием. Он представляет себе их ценность. Троянец, судя по его образу действий, тоже военный.

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

— Да. Но это самый подходящий кандидат. Возможно, он нанял Троянца, чтобы тот сделал за него всю работу. Проверьте, не было ли среди близкого окружения Адриана военных. Проверьте его бывших сотрудников из Камп-Пендлтон. Посмотрите досье тех солдат, которых он оперировал. Их было не так уж много.

— Вы действительно думаете, что искать нужно в этом направлении?

— Я уже сталкивалась с Троянцем. Мне известно, как он действует. Он военный, я в этом уверена.

Закончив разговор, она отправилась на поиски Хлои.

Девочка сидела в холле отеля с ноутбуком, пользуясь возможностью

свободного доступа к Интернету через вай-фай.

— Мне нужен твой совет, — сказала Марион.

Хлоя обернулась.

— Мой совет? — удивленно переспросила она. — С чего бы?

— Ты такая же сообразительная, как твой отец, — улыбнулась Марион. — И потом, один ум хорошо, а два лучше.

Хлоя, явно польщенная, переместилась ближе к ней.

— Так вот, — начала Марион, — чтобы найти твоего отца, нужно выманить Троянца из убежища. Благодаря агенту Перес, мы можем свободно выходить из отеля и перемещаться куда угодно. Кроме того, у меня есть одна идея.

Она объяснила, как собирается действовать.

Хлоя кивнула:

— Да, идея хорошая. Но она не поможет нам поймать Троянца. Если этот тип — профессиональный военный, с хорошей подготовкой, он наверняка все предусмотрел.

— Да... Но тут я рассчитываю на людей Большого Па.

— Проблема в том, что мы не знаем, как выглядит Троянец, — сказала Хлоя. — В последний раз он надел маску древнего воина, такую же, как у всех остальных... — И тут ее словно осенило. — Кажется, я знаю средство.

— Какое?

— Я вхожу в одно сообщество в «Фейсбуке». Члены этого сообщества могли бы нам помочь.

— Интернет-сообщество против профессионального убийцы? — с сомнением проговорила Марион. — А тебе не кажется, что лучше было бы попросить о помощи агента Перес или Большого Па?

— Они нам тоже понадобятся, — заметила Хлоя.

И в свою очередь посвятила Марион в детали своего плана.

Когда девочка закончила, Марион улыбнулась.

Сидя перед компьютером в холле отеля, Марион пыталась подобрать как можно более точные слова для сообщения. Она нервно ломала пальцы, набирала пробный текст, стирала его, набирала другой вариант. Наконец все было готово.

— Ну что ж, годится.

Она вошла в «Фейсбук» со своего нового аккаунта, о котором ФБР не было известно, и оставила на своей странице сообщение, которое могли видеть только друзья, включая Троянца. Она написала:

Марион...

И после недолгой паузы добавила:

...считает, что Т. совершил большую ошибку. У нее остался очень ценный предмет, без которого материалы в папке ничего не стоят.

Она рассчитывала, что самолюбие Троянца побудит его клюнуть на эту приманку.

Полчаса спустя она увидела «роке».

- Я никогда не ошибаюсь.
- Вы кое-что забыли.
- Что?
- На судне. В сейфе.
- Все материалы у меня.
- Но не капсула.
- О чем вы?

Разумеется, никакой капсулы в сейфе не было. Но Троянец не имел возможности это проверить, поскольку он не заглядывал в сейф — он лишь забрал папку, которую Марион оттуда вынула.

— Регенерация пальцев, — написала Марион, — очень сложный процесс. Для него нужен порошок внеклеточной матрицы и стволовые клетки. Идеальная дозировка, созданная по уникальной формуле, находится в герметичной капсуле. И эта капсула у меня в руках.

Пауза.

- Хитро, — наконец написал Троянец. — И чего вы хотите?
- Адриана в обмен на капсулу.
- Хорошо. Я выберу место для передачи.
- Нет. Санта-Моника, Третья улица, пешеходная зона. Там есть небольшая площадь со статуями динозавров. Завтра утром, ровно в 9.55. Либо вы соглашаетесь, либо передача не состоится.

— ОК.

Марион слегка удивилась, что Троянец согласился так быстро.

— *Мы в любом случае должны были встретиться,* —
неожиданно прибавил Троянец.

— *Почему?*

Слова вспыхивали на экране одно за другим:

— *ПОТОМУ ЧТО... ИГРА... ЕЩЕ... НЕ ЗАКОНЧЕНА.*

Глава 57

На залитой солнечным светом улице Марион ждала Троянца.

Всего через несколько часов она должна была сесть в самолет. Ее последний день в США... Сегодня вечером вся эта история так или иначе закончится.

Накануне они с Хлоей хорошо поработали, каждая в своем направлении. В то время как Хлоя, склонившись над клавиатурой, терпеливо отправляла послания другим членам своего интернет-сообщества, Марион, всецело положившись на интуицию, проверяла денежный след — единственный, которым она располагала. Используя все интернет-ресурсы, какие только могла найти, она наконец обнаружила весьма интересную информацию относительно финансирования Фонда Фога. Увы, на более подробные изыскания не хватило времени.

Рано утром они с Хлоей в сопровождении агента Перес наскоро позавтракали и отправились в условленное место.

Пешеходная зона Третьей улицы в Санта-Монике представляла собой длинную аллею, покрытую плиткой; по обеим сторонам улицы располагались разнообразные магазинчики. В этот час почти все они не работали, кроме нескольких кафе. Однако народу было на удивление много: туристы, студенты, джоггеры, разносчики, продавцы с тележками — все они, казалось, специально договорились здесь встретиться.

Марион посмотрела на часы. Уже скоро.

Она сидела на скамейке. По обе стороны от нее возвышались огромные статуи динозавров — металлические каркасы, увитые диким виноградом. Справа, чуть дальше, стояло трехэтажное здание, где располагались кафе и фитнес-клуб. С террасы третьего этажа за улицей наблюдали Хлоя и агент Перес.

У Марион зазвонил мобильник.

— Все нормально? — спросила Хлоя.

— Слегка нервничаю, но в общем все в порядке. А что у вас?

— Мы наготове. Отсюда все отлично просматривается. У меня в мобильнике есть фотокамера с зумом, я могу увеличивать изображение. Могу сделать видеозапись с крупными планами, если нужно. Когда Троянец появится, мы его не упустим.

— Пожалуйста, передай телефон агенту Перес.

— Мисс Марш?

— Все как договорились, без стрельбы? Троянец подходит ко мне, вы его вычисляете, а потом задерживаете в стороне от толпы.

— Да, все так, — ответила Перес.

Завершив соединение и вернув телефон Хлое, она, не удержавшись, с досадой взмахнула рукой:

— Я не понимаю, в чем заключается ваш план! Как мы вычислим Троянца? Здесь же полно народу!

Хлоя взглянула на часы. 9.51.

— Сейчас увидите.

Перес заговорила в «уоки-токи»:

— Все готово. Засранец должен появиться с минуты на минуту. Не упустите его!

Затем проверила предохранитель револьвера.

При виде оружия Хлоя широко распахнула глаза:

— Но Марион сказала...

— Мне плевать. Я пришла сюда, чтобы сделать свою работу. И я ее сделаю.

Перес вытерла пот со лба.

Хлоя промолчала.

9.52

— Что-то мне не по себе, — пробормотала Перес. — Я поставила двух своих людей на разных концах улицы и еще одного отправила в ближайшее кафе. Если ваш план провалится, Большой Па будет недоволен. А ты ведь знаешь, что это значит, правда?

— Всё получится, — прошептала Хлоя.

9.54

Толпа густела.

— Черт! — нервно произнесла Перес. — Все как с ума посходили! Это же невозможно — столько народу!.. Больше, чем в субботу вечером! Кстати, почему вы так настаивали на встрече ровно в девять пятьдесят пять, ни раньше, ни позже?

— Потому что продолжение будет ровно в десять, — ответила Хлоя. — Мы дали Троянцу пять минут форы, чтобы ровно в десять он уже точно был в толпе.

9.56

Хлоя наблюдала за движением в толпе через объектив камеры

мобильника, периодически нажимая на зум. Людей собралось несколько сотен. В основном молодых. Немало было и подростков. Она сосредоточилась на том месте, где сидела Марион, машинально отмечая находящихся поблизости людей. Какой-то рэпер в синей куртке с капюшоном... Велосипедист... Клоун...

— Перес — всем стрелкам. Троянец, скорее всего, уже здесь. Он должен бродить где-то рядом с Марион. Будьте бдительны. Это может оказаться кто угодно.

9.57

Рэпер в синей куртке застыл на месте. Велосипедист толкал перед собой велосипед. Клоун пускал мыльные пузыри. Чуть дальше скандалила какая-то пара. Еще дальше несколько человек танцевали.

— Как вы рассчитываете его узнать? — спросила Перес.

— Очень просто, — ответила Хлоя. — Помните ту историю на пляже? Троянец надел такую же маску, как все остальные. Так вот, мы решили применить его тактику, но обратить ее против него. Мы решили устроить фриз-моб.

9.58

— Фриз-моб? Это еще что?

Велосипедист оседлал велосипед. Клоун выдул огромный мыльный пузырь. Пара продолжала ругаться. Танцоры демонстрировали сложный хореографический номер.

— Есть интернет-сообщество, которое устраивает фриз-мобы. Или флеш-мобы. Я вхожу в лос-анджелесскую группировку, там больше тысячи человек ^[18]. Они договариваются между собой — собраться в определенном месте, в определенное время...

9.59.30

Перес сжала рукоятку револьвера, Хлоя — мобильный телефон.

— ...и ровно минута в минуту...

55 секунд. Велосипедист затормозил.

56 секунд. Клоун перестал выдувать мыльные пузыри.

— ...секунда в секунду...

58 секунд. Скандальная пара замолчала.

59 секунд. Танцоры замерли.

Было такое ощущение, что время вдруг остановилось.

10.00.00

Вся улица, как один человек...

...каждый прохожий...

...каждый из присутствующих...

...застыл неподвижно...

...словно внезапно окаменел!

— FRE-E-EZE! — закричала Хлоя. — Никому не двигаться!

Марион оглянулась по сторонам. Зрелище было совершенно сюрреалистичное. Не считая одного-двух прохожих, все люди превратились в статуи. Улицу словно парализовало. Теперь она напоминала фотографический кадр.

Марион знала, что фриз-моб длится минуту — таковы правила игры.

Теперь настала ее очередь вступить в эту игру.

Она вскочила с места и бросилась бежать.

Никто на нее не реагировал. Как и было предусмотрено. Никто... кроме одного человека.

Марион почти сразу его заметила.

Хлоя, указывая на него сверху, закричала:

— Вот он! Рэпер в синем капюшоне!

Человек попытался догнать Марион, одновременно оглядываясь по сторонам. Он явно не понимал, что происходит.

— Он бежит за ней! — закричала Хлоя. — Это он! Это Троянец!

— ПЕРЕС — ВСЕМ! ЧЕЛОВЕК В СИНЕМ КАПЮШОНЕ! ЗА НИМ! БЫСТРЕЙ! БЫСТРЕЙ!

В следующую секунду Перес бегом бросилась вниз по лестнице.

Один человек выбежал из уличного кафе, еще двое подбежали с противоположных концов пешеходной зоны. Толпа зашевелилась.

Трое мужчин окружили Троянца.

— Стоять, ублюдок! — приказал первый.

— Эй! — закричала Марион. — Вы же сказали, что не...

В воздухе что-то сверкнуло. Один из агентов упал на землю с ножом в шее. Двое других одновременно выстрелили. Толпа рассеялась с криками ужаса. Троянец бросился вперед, мгновенно оказался возле одного из своих противников, заломил ему правую руку за спину и ударил ребром ладони по горлу. Потом развернулся к другому и, резко вскинув ногу вверх, ударил его в лицо, отчего тот рухнул навзничь.

Три агента буквально за несколько секунд были выведены из строя.

Троянец повернулся к Марион. Из-под капюшона виднелась маска древнего воина. Он направился к ней.

— П-подождите... — пролепетала Марион, выставяя руки вперед.
Но тут появился еще один человек, вооруженный двумя пистолетами-пулеметами.

Брауни. Наемник Большого Па.

Вся улица заполнилась жутким грохотом.

Троянец повернулся и бросился бежать.

— Брауни! — закричала Перес. — Ты в него не попал!

Марион, бледная, дрожащая, была вне себя от страха и ярости.

— Вы обещали мне, что не будете применять оружие! Вы сказали, что никакой угрозы для посторонних не будет! А он... вот этот тип... он ведь уже не работает на Большого Па!

— Вот как? — невозмутимо сказала Перес. — Значит, Большой Па вам солгал? Тем хуже для вас...

Она повернулась к Брауни, не обращая внимания на лежавших на земле агентов:

— В этот раз мы его не упустим! Смотри не промахнись!

Они пустились вдогонку за убегающим Троянцем. Марион растерянно смотрела им вслед.

У нее зазвонил мобильник.

— Я его вижу!

Хлоя.

— Видишь?.. Где он?

Хлоя возбужденно подпрыгивала на месте, по-прежнему оставаясь на своем наблюдательном пункте — на балконе третьего этажа.

— Он перебежал на Четвертую улицу, прямо у вас за спиной! Там большое здание — паркинг. Троянец внутри.

Марион хотела позвать агента Перес и Брауни, но они были уже далеко.

У нее оставалась всего секунда на размышление.

Она бросилась на соседнюю улицу.

Марион пробиралась между рядами машин в полутемном паркинге.

Явиться сюда одной было глупо. Невероятно глупо. Что она рассчитывала сделать?

Ее взгляд упал на небольшой белый фургон.

Марион остановилась затаив дыхание.

Затем медленно и бесшумно приблизилась.

Обычный фургон, из тех, в которых развозят товары на заказ... Задние дверцы приоткрыты.

Марион раскрыла их пошире, чтобы заглянуть внутрь.
На покрытом армейским брезентом полу лежала папка с документами.
Марион сразу узнала их — это были научные материалы Адриана.
— Черт возьми!..
Мощный толчок в спину — и она оказалась внутри.
Дверцы захлопнулись. Звякнула задвижка. Марион оказалась в полной темноте.
— Нет!
Другого выхода не было. Прямо перед ней была глухая перегородка.
— Нет! — снова закричала Марион.
Ее охватил ужас.
Она снова стала пленницей.

Агент Перес осторожно двигалась по паркингу, держа пистолет обеими руками.
— Он здесь, я уверена, — сказала Хлоя. — Я его видела. Марион вошла почти сразу вслед за ним.
— Оставайся сзади! — приказал ей Брауни, устремляясь вперед. Его лицо искажала гримаса ненависти. — Этот подонок убил Микадо! Я с него шкуру живьем сдеру!..
В самом центре паркинга возник чей-то силуэт.
— Лежать!
В следующий миг раздался первый выстрел.
Агент Перес упала.
Второй.
На этот раз Брауни задел Троянца.
Третий.
Брауни рухнул на пол, лицом вниз.
Троянец, хотя и раненный, продолжал оставаться на ногах.
Он двинулся прямо к Хлое.

— Альтман! — закричала Марион в телефон. — Троянец захватил меня в плен! Все бумаги у меня!
— Что?!
— Я заперта в белом фургоне, на первом уровне паркинга на Четвертой улице! Я не могу выйти, но материалы Адриана у меня! Они здесь, я держу их в руках!
— Черт возьми! Но как...
— Нет времени объяснять! Действуйте!

Она расслышала обрывки приказов, которые Альтман отдавал подчиненным. Затем он произнес уже громче, обращаясь к ней:

— Не отключайтесь! Мы сейчас вычислим ваши координаты. В этом секторе десятки патрульных машин, полиция прибудет через пару минут! Они вас освободят!

Марион дрожала от озноба. Она все яснее осознавала, какое это было безумие — действовать подобным образом.

— Главное — не отключайтесь! — повторил Альтман. — Я выезжаю...

Он слегка запыхался. Кажется, он говорил на бегу.

— Кстати, насчет военного... вы были правы... — прибавил он.

— В чем?

— Мы вышли на след... Фог... действительно сотрудничал... с одним человеком... инструктором израильской армии... Тот лишился пальцев в Ираке... когда обезвреживал бомбу... Это не морской пехотинец... но тоже военный, как видите... этот сержант участвовал в эксперименте Фога...

Марион услышала, как хлопнула дверца кабины и почти одновременно взвыла сирена.

— Отчаянный человек, сорвиголова... — продолжал Альтман. — Много раз подвергался взысканиям... После операции ушел в отставку... пропал из виду... Где-то у меня было записано его имя...

Марион вздрогнула: кто-то открывал дверцы фургона.

Альтман произнес имя, но Марион его не расслышала.

— Как?... — переспросила она.

Дверцы распахнулись.

Троянец стоял перед ней.

Его одежда военного покроя и бронежилет были в крови.

В руке он держал пистолет, дуло которого приставил к виску Хлои.

— Шеновиц, — повторил Альтман. — Сержант Кора Шеновиц. Это женщина.

Троянец снял маску.

— Привет, Марион, — сказала Кора.

Глава 58

Марион, оцепенев, смотрела на нее.

И не верила своим глазам.

— Выключи телефон, — приказала Кора.

— Ты... так это ты... это ты — Троянец?..

— Выключи телефон! Сейчас же!

Марион повиновалась. Лишь после этого, очнувшись, перевела взгляд на Хлою.

— Хлоя, ты заходишь сюда. Марион — вместе со мной в кабину. Поживей.

Обе исполнили приказ без единого возражения. Кора села за руль и резко рванула с места, продолжая сжимать в руке пистолет. Фургон выехал на улицу.

На колени Марион упал плоский прямоугольный предмет — новый айпад, на экране которого была карта Санта-Моники.

— Видишь красные точки?

— Д-да...

— Это патрульные машины. Они все оснащены Джи-пи-эс. Я получила пиратский доступ к серверу полиции. Следи за ними и указывай мне безопасный путь.

— Но...

Кора нацелила на нее пистолет:

— Ты хочешь снова увидеть Адриана? Да или нет?

Марион кивнула.

— Тогда делай, что говорю.

Фургон ехал по улице. Марион давала указания. Они повернули налево, проехали пару сотен метров, потом свернули направо. Затем снова налево. Марион слышала вой сирен. Полицейские машины промчались по параллельной улице.

— Так, отлично, мы от них ускользнули, — сказала Кора. — Продолжай.

Марион действовала чисто механически. Потрясение было настолько сильным, что она не могла оценивать ситуацию рационально.

Ее подруга. Простая фельдшерица из районной службы скорой помощи...

Не выдержав, она повернулась к Коре:

— Как... такое может быть?..

Кора издала сухой смешок:

— Я ведь тебя предупреждала, что следует остерегаться незнакомцев. В том числе и друзей в «Фейсбуке». Помнишь лекцию про «троянский синдром»?

Кровь заливала ее бронежилет, но Кора вела себя так, словно этого не замечала.

— Ты была моей целью. Я связалась с тобой. И ты сама все мне рассказала — назвала адрес, место работы, телефон, имейл... перечислила свои привычки...

Она выплюнула сгусток крови.

Фургон ехал с прежней скоростью.

— В Париже я была то Корой, то Троянцем. Я похитила твоего кота, когда он вылез в форточку, чтобы прогуляться. Дала посыльному пакет, в котором был айфон. Потом ездила с тобой в комиссариат. Послания, которые ты получала после того, как встретила с отцом, я заранее составила и запрограммировала, чтобы ты получала их в определенное время. Ночные гонки, авария на загородном шоссе, перевернутая машина — всё это было запланировано. Я прекрасно научилась выполнять такие перевороты и заранее выбрала место, чтобы ничем не рисковать.

— А клиника?

— Я симулировала боли в позвоночнике. Когда знаешь, какие симптомы изображать, очень легко сделать так, чтобы твой обман не разоблачили. Потом я сделала несколько фотографий — как лежу в койке — и вышла из больницы сразу вслед за тобой. На всякий случай я предупредила персонал, что ложусь в другую больницу. Если бы ты позвонила, тебе просто дали бы номер моего мобильного телефона. Я вылетела в Лос-Анджелес следующим рейсом после твоего. А фотографии отправила тебе позже, чтобы ты думала, что я все еще прикована к постели. Но на самом деле я не отставала от тебя ни на шаг, Марион. Я профессионал. Я никогда не ошибаюсь.

— Зачем понадобился весь этот театр?

На губах Кору появилась зловещая улыбка.

— Чтобы создать Троянца.

Она остановила машину и стянула бронежилет. Футболка под ним насквозь пропиталась кровью. Кора достала из кармана шприц и вонзила его в бедро прямо сквозь одежду. Ее мертвенно-бледное лицо слегка порозовело.

— Нужно было, чтобы ты в него поверила, — продолжала она. —

Чтобы по-настоящему его испугалась. Чтобы слушалась его беспрекословно. Я буквально собрала его по частям, словно чудовище Франкенштейна. Но жизнь в него вдохнула ты. И преподнесла его на блюдечке всем остальным.

Фургон снова тронулся с места. Время от времени Кора словно невзначай приподнимала дуло пистолета, нацеливая его на Марион.

— Благодаря тебе, твоему страху, твоим реакциям наши диалоги стало изучать ФБР. Троянец стал для них противником номер один.

— Я по-прежнему не понимаю...

— Сейчас объясню. Я была инструктором в израильской армии. Одним из лучших бойцов лучшей армии в мире. Представь себя на моем месте. Ты знаешь десять языков, умеешь все: внедряться, сражаться, взламывать любые базы данных, манипулировать людьми и обстоятельствами. Ты воюешь в Афганистане, потом в Ираке. И вот в один прекрасный день у тебя в руках взрывается бомба, и ты теряешь пальцы. Армия назначает тебе пенсию и говорит: спасибо, вы свободны, всего хорошего.

Кора свернула в лабиринт узких улочек. Ее лицо исказила гримаса боли.

— Тогда я и встретила Адриана Фога. Он предложил мне участвовать в медицинском эксперименте. Он вернул мне то, что я потеряла. Для меня он был как бог. Если бы ты видела, на что он способен... Словом, я оставила военную карьеру, но мы с ним поддерживали связь. Через какое-то время у него начались проблемы. Когда погибла его жена, он чуть не съехал с катушек. Он подозревал всех. Особенно Холлборна и своего папашу, Большого Па...

Кора свернула в переулок.

— Адриан никому не доверял, он был совершенно раздавлен. Мы с ним общались в «Фейсбуке». Я тогда жила в Европе, искала работу. Он начал рассказывать мне о тебе. Он заплатил мне, чтобы я приехала в Париж и стала наблюдать за тобой. Он хотел узнать, что с тобой стало. Для меня это была просто рутинная работа. Но я понимала, что у него есть какие-то тайные соображения на твой счет. Так продолжалось несколько месяцев. Я подружилась с тобой. И вот однажды Адриан мне позвонил. И сказал, что в него стреляли в Лос-Анджелесе. Что теперь ему приходится скрываться.

Кора остановила машину.

Кровотечение из ее раны на груди все усиливалось.

— Я тут же вылетела к нему. Мы встретились прямо в аэропорту. Адриан был серьезно ранен. Он отдал мне свой отрезанный палец, в

специальном контейнере со льдом. Сказал, что целью убийц была Хлоя, его дочь. Что кто-то охотится за ним из-за его научных материалов, которые стоят целое состояние. Он собирался их опубликовать. Еще Адриан сказал, что оставил послание для тебя в компании по прокату автомобилей рядом с аэропортом. Он знал, что ФБР клюнет на такую приманку. Всё остальное он предоставил мне делать по моему усмотрению.

— Но... тогда получается, что...

— Да, Марион. — Кора выключила мотор. — Я не похищала Адриана Фога. Никто этого не делал. — И, повернувшись к Марион, она добавила: — Я работала на него.

Глава 59

Аарон Альтман метал громы и молнии:

— Черт возьми, да как же вы могли их упустить!

Вся улица, на которой располагался паркинг, была запружена полицейскими машинами. Вой сирен, толпы копов...

У Альтмана зазвонил мобильник.

— Кто там еще? — раздраженно рявкнул он.

— Штаб-квартира ФБР. Мы получили электронное письмо. Оно адресовано вам.

— И что? Думаете, у меня сейчас нет забот поважнее? Черт, кругом бардак!

— И у нас в том числе. Только что звонил полковник Холлборн. А также генеральный прокурор и мистер Фигероа. Все они получили точно такое же сообщение.

— Что?

— Точную копию письма, адресованного вам.

— Бред какой-то... Ну и что там, в этом письме?

Собеседник зачитал текст.

Альтман побледнел.

Кровь Кору уже пропитала все водительское сиденье. Ее лицо было синевато-бледным. Марион, объятая страхом и гневом одновременно, с трудом сдерживала желание закричать.

— Значит, Адриан нанял тебя на работу! Это он заставлял тебя все это делать?

— Нет. — Голос Кору звучал все слабее. — Он просто дал мне несколько основных указаний. Подробный план я составила сама. Он состоял из четырех частей: заставить тебя приехать, поместить Хлою в надежное место, обезвредить противников Адриана, водрузить флаг. Потом механизм запустился и начал работать. Мне оставалось только переходить от одного пункта к другому.

— Ты забыла об одной детали: вместо того чтобы защищать Хлою, ты решила ее убить! Ты бросила ее связанную в озеро!

— Это правда. Когда я увидела эти знаменитые материалы, у меня тоже помутилось в голове, как и у всех остальных, кто за ними охотился. Ты даже не представляешь себе, сколько они стоят. Но Адриан это знал. И

конечно, он полностью мне не доверял — не настолько он наивен. Материалы были неполными. Многих страниц не хватало. Так что мне пришлось вернуться к исходному плану. Поэтому я и собиралась назначить тебе новую встречу. Мне так или иначе пришлось бы связаться с тобой. — Кора снова выплюнула сгусток крови. — Адриан хитер — он устроил всё так, чтобы я нуждалась в тебе. А ты — во мне...

Кора опустила голову, разглядывая свою рану.

— Но в этот раз ты меня переиграла, чего уж там.

— Где Адриан?

— Я не знаю. Это ты должна его найти.

— Что?!

Кора все сильнее оседала в водительском кресле.

— Вот и все, Марион... Мы подошли к четвертому этапу. Осталось только водрузить флаг...

Она сунула папку в руки Марион:

— Материалы будут у тебя. Адриан так хотел... Ему нужно было, чтобы ты их получила. Он особенно настаивал на том, что никто, абсолютно никто другой не должен до них добраться, кроме тебя. Весь его план основывался на этом...

Ее окровавленные пальцы коснулись айпада.

— Я недавно отправила послание всем остальным. Посмотри... что там написано.

Марион нашла письмо и прочитала:

Отправитель: Троянец

Получатель: Холлборн/Большой Па/Альтман/Генеральный прокурор

Текст:

Привет всем. Марион Марш и я отныне единственные обладательницы всех материалов доктора Фога. Жаль, но никто из вас так и не догадался, что мы с ней были сообщницами с самого начала. Искать нас бесполезно. Там, где мы сейчас, никто нас не найдет. Счастливого оставаться и спасибо за развлечение.

Сержант Кора Шеновиц, она же Троянец

— Да ты совсем спятила! Они решат, что я виновна!

— Да, Марион. Флаг — это ты. Я тебя водрузила. На самом высоком

месте, чтобы было заметно издалека. Чтобы все смогли тебя увидеть. — Кора стиснула ее руку. — У тебя нет выбора... Если захочешь из этого выпутаться, тебе придется найти Адриана... Он назначил тебе свидание где-то... в Венис-Бич... Это здесь... Он сказал... Он сказал, что ты должна послушать его любимую мелодию... она поможет тебе найти место.

— Любимую мелодию?..

— Только... с тобой никого не должно быть... Это обязательно...

Никого...

— Кора!

Но та ее уже не слышала.

— Мне было приятно... быть твоей подругой... Привет, красотка...

Сержант Шеновиц выпустила руку Марион.

Дыхание Кору замерло.

Она была мертва.

Глава 60

Стоя в пустынном переулке, Марион и Хлоя в ужасе смотрели на мертвое тело Кору. Огромная лужа крови, растекшаяся по всей кабине, производила жуткое и одновременно застораживающее впечатление.

— Значит, моего отца никто не похищал, — наконец произнесла Хлоя бесцветным голосом.

— Нет.

— Но это... этого не может быть...

Она повернулась к Марион. В глазах девочки стояли слезы.

— И это — мой отец!.. Если он был свободен... зачем он все это делал?

Марион прижала ее к себе.

Она не знала, что ответить. Мысли у нее путались.

Вдалеке завывала полицейская сирена.

— Нужно уходить. Нельзя здесь оставаться. Кора говорила, что Адриан назначил мне встречу в Венис-Бич. Мы уже здесь. Она сказала, что я должна услышать его любимую мелодию. Что это поможет мне его найти.

— Я... я больше не могу...

Девочка дрожала всем телом.

Марион еще крепче обняла ее:

— Хлоя! Твой отец тебя любит. Ты ведь это знаешь, правда?

— Да...

— И я тоже тебя люблю! У него конечно же были причины... — Марион и сама с трудом сдерживалась, чтобы окончательно не сломаться. — Нужно держаться! Мы с тобой вместе! Ты и я!

— Ты и я...

— Вместе мы выстоим!

— Да...

— Сосредоточься. Вспомни, что ты говорила про его любимую музыку.

— «Кин». Так называется его любимая группа. Он ее слушал постоянно. Особенно песню «В том месте, о котором знаем только мы»^[19].

— В том месте, о котором знаем только мы... — машинально произнесла Марион по-французски.

Да, она знала эту песню. Романтическую и грустную, в которой говорилось о том, что близко каждому человеку, — об уходящем времени и

о тех вещах, которые от нас ускользают. О желании отдохнуть хотя бы недолго. О мечте начать все с нуля...

Звуки полицейских сирен приближались.

Марион обхватила голову руками:

— Черт!.. Место, о котором знаем только мы... Начать с нуля...

Адриан сказал, что я пойму...

— Он каждый день бегал вдоль здешнего пляжа...

Марион выпрямилась:

— Что?

— Отец бегал вдоль пляжа... С плеером, в котором звучала эта музыка... Помнишь, я тебе рассказывала?

— Да-да... я помню...

— Лагуна-Бич далеко отсюда. Иногда он здесь и ночевал.

— Что? Он оставался на ночь где-то здесь?..

— Да.

— Где? В отеле?

— Не знаю. Мама, наверное, знала...

Марион изо всех сил пыталась сосредоточиться.

Мест, о котором знаем только мы...

Тайное место...

Связанное с каким-то их общим воспоминанием...

Адриан говорил, что она поймет...

Начать с нуля...

Ноль!

Она буквально услышала, как что-то щелкнуло в голове.

— Карту, быстро!..

Марион схватила айпад. Вошла в Сеть. Загрузила местные карты. Ввела два слова в поисковик.

И ответ пришел.

Марион, потрясенная, обернулась к Хлое:

— Боже мой... кажется, я знаю, где твой отец!

Марион и Хлоя выбежали из переулка на улицу. Сирены завывали где-то совсем рядом.

— Быстрее на пляж! — закричала Хлоя. — Нас никто не различит среди джоггеров, их там всегда много...

Они пересекли улицу и выбежали на набережную.

Там был длинный променад, с маленькими магазинами и кафе с двух сторон. Народу гуляло довольно много. Туристы, родители с детскими

колясками, велосипедисты...

Марион ускорила, одновременно глядя по сторонам на номера домов.

Натан где-то здесь, рядом, совсем близко. Он оставил им эту песню как путеводную нить. Она вела их, указывала им дорогу. Марион казалось, что она уже различает его лицо...

Она двигалась все быстрее. Номера мелькали перед ней, соединяясь в сплошные ряды цифр.

Сердце болезненно колотилось, эти удары отдавались во всем теле.

Хлоя старалась не отставать.

Быстрее.

Еще быстрее.

И вот наконец нужный дом.

Они были на месте.

— Натан! — не выдержав, закричала Марион.

— Папа!

Двухэтажный дом напоминал один из бесчисленных сувенирных магазинчиков. Однако дверь была заперта, окна и витрины закрывали ставни. На фасаде был изображен Нотр-Дам. Вывеска гласила: «Нулевой километр».

Место, рядом с которым Марион и Натан впервые поцеловались.

Это не могло быть случайным совпадением.

— Нужно его обойти! — быстро произнесла Марион. — Сзади наверняка есть другой вход!

Они обежали дом, перелезли через ограду и прыгнули на небольшую пустую площадку.

Перед ними действительно оказалась небольшая дверь.

Марион подергала ручку. Заперто.

Оглядевшись, она увидела грудку каменных блоков.

Марион схватилась за один из них.

— Помоги мне, — попросила она Хлою.

Они с двух сторон взялись за этот импровизированный таран и ударили в дверь.

Еще раз.

И еще.

С третьего удара дверь подалась.

Глава 61

Марион и Хлоя ожидали чего угодно, но только не этого.

Изнутри дом ничуть не напоминал сувенирный магазин.

Он вообще ни на что не походил.

Двухэтажное здание словно выдолбили изнутри: все внутренние перегородки и перекрытия были убраны, так что образовалось одно огромное помещение с выкрашенными белой краской стенами, что-то вроде гигантского лофта. Здесь царила абсолютная тишина.

Можно было подумать, что они оказались в мавзолее.

— НАТАН! — во весь голос закричала Марион.

— ПАПА!

Их крики эхом разнеслись по пустому пространству.

Никакого ответа.

Они сделали несколько шагов вперед.

Обычная кровать. Кухонный гарнитур. Телевизор. Книги.

Пол выложен белоснежной плиткой, абсолютно чистой, лишь подернутой тонким слоем пыли.

От бывшего сувенирного магазина «Нулевой километр» остался только фасад. Все остальное напоминало оптическую иллюзию.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Хлоя. — Отец ведь должен быть здесь, разве нет?

Марион, не отвечая, разглядывала мебель и книги.

Что-то было не так.

— Здесь нет ничего настоящего, — наконец сказала она.

— То есть как? — недоуменно спросила Хлоя.

— Это не книги. Это муляжи. К телевизору не подключена антенна.

Марион подошла к кухонному гарнитуру. То, что издалика казалось плитой, на самом деле ею не являлось. Марион смотрела на непонятный шкаф, смутно припоминая, что недавно видела нечто похожее.

Она покрутила ручки конфорок. Никакого результата.

— И плита не работает...

— Сплошные подделки... — растерянно произнесла Хлоя.

Это место было полностью фальшивым.

Одной гигантской декорацией.

Приманкой.

Уже отойдя от плиты, Марион внезапно развернулась и снова

бросилась к ней.

Она вспомнила, где видела точно такую же прямоугольную металлическую пластину, как здесь, на передней панели — на дверце сейфа на судне Адриана.

Она прижала обе ладони к этой пластине. Спустя несколько секунд пластина осветилась изнутри. Марион ждала, пока сканирование закончится. Затем послышался слабый щелчок и тут же — какой-то шум у нее за спиной.

Марион обернулась.

В центре комнаты в полу открылся люк.

Здесь был еще и подвал.

Огромное подвальное помещение было пустым и страшно холодным. Его заливал безжизненный синеватый свет.

Марион и Хлоя спустились по крутой лестнице, держась за руки. Обе с трудом справлялись с учащенным сердцебиением.

Вдоль стен тянулись громоздкие металлические корпуса какой-то сложной медицинской аппаратуры. Она работала — на панелях приборов мигали разноцветные лампочки. Какие-то непонятные устройства, центрифуги, всевозможное лабораторное оборудование... В углу стояла больничная кровать. Марион ее узнала — именно на ней лежал Натан, прикованный за ногу наручниками. Они тоже были здесь, но уже расстегнутые. Натан исчез.

Марион увидела на стене выключатель и нажала клавишу. Под потолком вспыхнул яркий свет, и только тогда она заметила квадратную ванну посреди комнаты, наполовину вделанную в пол, — скорее нечто вроде небольшого бассейна, размером примерно три на три метра, заполненного прозрачной голубоватой жидкостью, студенистой на вид — чем-то средним между водой и льдом. Эта непонятная субстанция слегка колыхалась, образуя на поверхности гребешки, напоминающие рябь на воде, но более плотные.

Под ее прозрачной толщей на дне бассейна лежало неподвижное тело.

И Марион узнала его.

Она прижала обе руки ко рту, чтобы не закричать. Хлоя пошатнулась и бессильно опустилась на ступеньки лестницы.

Марион, плача, приблизилась к бассейну и обошла его по периметру.

Тело в прозрачном ледяном гробу выглядело застывшим и безмятежным, как надгробная скульптура.

Марион смотрела на свою былую любовь.

Натан был таким же, как в ее воспоминаниях.

Прекрасным. Нежным. Умиротворенным.

Казалось, он только что уснул.

С каждой стороны бассейна стояли деревянные щиты с надписями, запрещающими касаться замораживающей жидкости.

Марион подняла глаза. На столе перед собой, рядом с компьютером, увидела небольшой пульт, под ним лежала написанная крупными буквами записка:

ВКЛЮЧИ

Она нажала кнопку включения. Позади компьютера засветился огромный настенный экран.

На нем появилось лицо Натана.

Здравствуй, Марион. Я рад, что ты меня нашла. Надеюсь, что Хлоя с тобой. Я так люблю вас обеих. Вы — самое лучшее, что было у меня в жизни. У меня не так много времени.

Я должен постараться объяснить вам все как можно лучше... Меня серьезно ранило, когда я заслонил Хлою. Я хороший хирург, и здесь, в моей лаборатории, у меня есть все необходимое, чтобы какое-то время поддерживать в себе жизнь, но я не питаю никаких иллюзий на этот счет. Мне осталось недолго. Периодически я погружаюсь в бассейн, чтобы унять боль и приостановить кровотечение. С каждым разом я всё больше понижаю температуру. И когда придет время, я погружусь в бассейн насовсем... Это будет не больно. Примерно так, как было нам с тобой под снегопадом... помнишь, Марион? Снежинки падали и падали, и ты уже не чувствовала своих пальцев... Это будет как сон — счастливый сон, в котором я увижу, что мы с тобой вместе навсегда...

Хлоя, сидя на ступеньках лестницы, молча плакала.

Но прежде я должен закончить то, что начал, даже если придется заплатить страшную цену. Эта видеозапись — мое посмертное завещание. Если потребуется, ее можно будет представить в суд... Я вспоминаю знаменитую фразу Эдмунда Берка, который сказал: «Для того чтобы зло восторжествовало,

достаточно лишь, чтобы хорошие люди ничего не делали». Итак, я, доктор Адриан Фог, будучи в здравом уме и твердой памяти, заявляю, что не собираюсь бездействовать. Я нанял Кору Шеновиц, чтобы она сыграла роль Троянца. Марион Марш ни в чем не виновата. Я манипулировал обеими женщинами. Я сделал это с единственной целью: дать знать всем лицам, которых это касается, что ты, Марион, единственная обладательница моих проклятых материалов.

Натан схватил стопку бумаг со стола.

Вот они, эти чертовы бумаги!.. Плоды моей гордыни. Моей одержимости в стремлении быть лучшим. На них я потратил лучшие годы своей жизни. Из-за них отвернулся от моей дочери. Моя жена погибла. И тебя, Марион, я потерял. Я разрушил нашу любовь. Если бы ты знала, как я их ненавижу!

Он положил стопку бумаг обратно на стол. Плени Натана поникли.

Часть из них я спрятал в сейфе у себя на судне, другую часть — здесь. Мои исследования закончены, но они далеко не полны. В большинстве моих экспериментов регенерировавшие пальцы были далеко не совершенными. Лишь один раз стволовые клетки эмбрионального происхождения дали неожиданный результат: пальцы регенерировали полностью, на них появились новые папиллярные узоры. Пациент по имени Уойяк — это мое единственное достижение. Потребовалось еще несколько лет, чтобы это понять. И тогда я решил рассказать о моих открытиях научному сообществу. Но последствия были ужасны. Они затронули мою семью — два дорогих мне существа. Мне пришлось действовать иначе.

Я не мог допустить, чтобы зло восторжествовало.

Он глубоко вздохнул.

Затем пристально и в то же время нежно взглянул с экрана прямо в глаза Марион.

Марион, я от всей души надеюсь, что рядом с тобой сейчас нет никого из посторонних. Теперь, когда материалы у тебя,

прежде всего закрой люк — нажми рычаг в стене, он совсем рядом с тобой. Потом внимательно выслушай всё, что я тебе скажу. И сделай всё в точности, без единой ошибки. Пришло время спасти жизни. Не мою — ее уже не спасти. Твою и Хлоу.

Они с Хлоей выслушали Натана до конца. Потом, обнявшись, долго плакали. Потом занялись необходимыми приготовлениями. Когда закончили, Хлоя подняла глаза на Марион:

— И что теперь?

— Теперь будем ждать.

Глава 62

— Марион! Хлоя! Вы здесь? — донеслось сверху.

Они переглянулись.

— Это Альтман! — прокричал агент ФБР. — Всё в порядке! Мы обнаружили тело Кору Шеновиц! И проверили ее айпад. Марион, мы знаем, что это она отправила те четыре письма! Вы невиновны! Доказательства налицо! Вами манипулировали, как и всеми нами. Генеральный прокурор уже в курсе! Вы можете выйти, вам нечего бояться!

Марион открыла люк.

Альтман спустился по лестнице, вытирая пот со лба:

— Слава богу! Вы целы и невредимы!

Он раскинул руки и обнял обеих.

Хлоя не выдержала и разрыдалась — настолько сильным оказался стресс.

Марион сжимала в руках бумаги Адриана.

— Не беспокойтесь! — продолжал Альтман. — Троянец мертв, район оцеплен полицией. Я вызвал сюда копов со всей округи! Большому Па до вас не добраться.

Затем он произнес уже в «уоки-токи»:

— Центральная, это Альтман! Я нашел Марион Марш и Хлою Фог! Присылайте карету «скорой помощи».

Он назвал адрес и дал отбой. Потом сообщил:

— «Скорая» прибудет через пять минут.

И улыбнулся.

Хлоя продолжала сотрясаться в рыданиях.

Альтман подошел к бассейну и увидел застывшее тело Адриана:

— Невероятно!.. Так значит, Адриана Фога держали здесь в плену? Что же произошло?..

— Аарон?

— Да?

Марион по-прежнему не двигалась с места:

— Как вы нашли этот дом?

— Мы проверяли здесь все здания. Мы знали, что вы скрылись в этом районе.

— Да, но как вы смогли так быстро найти нужное место?

Альтман с некоторым замешательством ответил:

— Кое-кто видел, как вы сюда зашли... и сообщил об этом полиции...
Тут он заметил настенный экран, с которого на него смотрело застывшее лицо Адриана Фога.
— А это что?
— Адриан вам сейчас все объяснит, — ответила Марион. — Он оставил сообщение. Это должно вас заинтересовать.
Она взяла пульт и нажала кнопку «play».

...теперь, когда материалы у тебя, Марион, все мои враги будут тебя искать. Армия, ФБР, правительство и даже мой отец. Все они невероятно могущественны и невероятно жадны. У меня не было другого выхода, кроме как скрыться от них... О существовании этого дома, где ты сейчас находишься, никто не знал. Знала только моя жена, Ева. Но в день своей смерти она сообщила адрес еще кому-то. Мне это известно, потому что буквально через час после того, как она умерла, всё здесь было перевернуто вверх дном. Однако подвала убийца не обнаружил. Должно быть, он решил, что шел по ложному следу и что это просто дом, где я любил отдыхать...

Я обезумел от боли. Больше всего мне хотелось найти виновного. Но я не мог ни к кому обратиться — у Большого Па множество своих людей в полиции, да и у Холлборна длинные руки. Что касается ФБР, всё, чего они хотели, это прижать меня, чтобы дотянуться до Большого Па. При малейшем неверном шаге мой неизвестный враг мог нанести новый удар. Я совершил еще одну ошибку, и Хлоя чуть не погибла. Больше я не мог рисковать. Тогда я и придумал свой план. И вот теперь ты здесь, Марион, — словно знамя победы, поднятое ввысь... Это вызов моему врагу, против которого он не сможет устоять. Он обязательно вернется, чтобы проверить, не скрываешься ли ты здесь. И он будет один, потому что знает, что ты обладаешь сокровищем, о котором он всегда мечтал...

Пристальный взгляд ярко-зеленых глаз Адриана, казалось, пронзает комнату насквозь.

Никто не сможет явиться за тобой сюда, Марион. Никто не знает об этом месте. Кроме нашего убийцы — Евы и моего. Если не считать тебя, он — единственный, кто знает.

Марион выключила запись.

Затем повернулась к Альтману:

— Никто вам не звонил и не сообщал, в какой дом мы вошли. Вы знали адрес. Потому что раньше здесь уже бывали. Вы убили Еву. Стреляли в Хлою. И вы в конечном счете виновны в смерти Адриана.

— Что? Да вы с ума сошли! С чего я стал бы все это делать? Я работаю в ФБР! Принимаю участие в создании самой масштабной базы биометрических данных в мире! Я всегда пытался остановить Большого Па! Потому что, если люди вроде него получают возможность легко менять собственные отпечатки пальцев, мир захлестнет волна терроризма, и тогда...

— ВЫ ЛЖЕТЕ!

Альтман мгновенно замолчал.

Устремив на него безжалостный взгляд, Марион продолжала:

— Вы хотите заставить меня поверить, что действуете в интересах своей страны. Что вами движет патриотизм. Ничего подобного. Вас интересуют только деньги. Я нашла кое-какую информацию в Интернете. После того как министерство обороны перестало финансировать исследования Адриана Фога, ФБР начало против него расследование. У него не осталось средств. Как было продолжать работу в таких условиях? Фонд Фога требовал расходов, нужно было платить персоналу, приобретать оборудование... Как было удержаться на плаву? Оставался лишь один выход: обратиться к частным благотворительным организациям. Этих денег хватало на то, чтобы худо-бедно сводить концы с концами. Мне удалось найти список спонсоров, и вот что я выяснила: самым щедрым среди них было некое анонимное общество со штаб-квартирой в Нассау, на Багамских островах...

Марион обвиняющим жестом устремила указательный палец на агента ФБР.

— Да, на Багамах. Именно там, куда вы регулярно ездите рыбачить вместе с сыном, не так ли, Аарон? Интересно, что еще можно выяснить на этот счет, если навести дополнительные справки? Мне почему-то кажется, что всплывет именно ваше имя. А вот и ваш мотив — деньги. Клеточная регенерация, заново выросшие пальцы, а дальше, кто знает, и другие органы — печень, сердце, почему бы и нет? Перспективы открывались совершенно захватывающие. На этом можно было сделать громадное состояние. Холлборн преподнес вам Адриана Фога на блюде. Когда поняли истинную ценность его медицинских экспериментов, вы не смогли устоять. Вы завидовали Адриану — его деньгам, его таланту, его власти.

Итак, ваша личная операция, под прикрытием ФБР, преследовала только одну цель: присвоить Фонд Фога и все открытия Адриана, лишить его авторских прав. А заодно — жены и дочери. И в довершение всего — отца; Большой Па был для вас такой вишенкой на торте. Если бы даже об этом когда-нибудь узнали, вы, имея на руках материалы Адриана, могли сбежать с ними куда угодно — любая страна приняла бы вас с радостью.

Альтман все чаще моргал, словно желая очнуться от дурного сна. Его кулаки сжимались и разжимались. Затем на его лице появилась зловещая усмешка.

— Хорошо, Марион, хорошо... Предположим даже, что вы — чертовски догадливая маленькая сучка... Но теперь моя очередь объявить вам плохую новость. Как вы думаете, почему я вызвал «скорую»?

— Не знаю, — ответила Марион.

Альтман выхватил из кобуры револьвер:

— Потому что я, к несчастью, обнаружил здесь два мертвых тела. Ваше и Хлои. Отдайте мне бумаги. Немедленно!

Марион даже бровью не повела.

— Хлоя, — спросила она, — ты всё записала?

— Да, — ответила девочка.

— Отлично. Теперь можно отсылать файл.

Хлоя нажала кнопку пульта.

Альтман быстро переводил взгляд с Хлои на Марион:

— Что за?..

— Скрытая камера, Аарон, — ответила Марион. — Наш разговор записывался на видео.

— И я только что отправила эту видеозапись в «Фейсбук», — прибавила Хлоя. — Одно нажатие кнопки — и готово. — Она указала пальцем на экран. — Отец объяснил нам, как это сделать. Он заранее приготовил вам ловушку.

Из горла Альтмана вырвался нервный смешок:

— «Фейсбук»? Вы что, серьезно?.. Я агент ФБР! Я уничтожу эту видеозапись, как только она появится в Сети!

— Это вам вряд ли удастся. Адриан оставил нам очень большой список контактов. Всех своих друзей в «Фейсбуке» — журналистов, руководителей телеканалов, редакторов крупных газет... Я добавила в этот список Катрин Борман, мою патронессу, главу компании «Франс телевизьон». Прямо сейчас, пока мы с вами разговариваем, видеозапись с вашим саморазоблачением уже попала ко всем этим людям. Их тысячи в разных уголках мира.

Все это время Марион пристально смотрела своему противнику в глаза.

— Всё кончено, Альтман. Недавно вы жаловались, что у вас нет друзей. Ну что ж, теперь их у вас целая куча!

В следующий миг она швырнула бумаги в бассейн.

Альтман в ужасе завопил:

— Нет!

И бросился в густую замораживающую жидкость. Его кожа мгновенно посинела. Он поплыл. Листы бумаги трепетали на студенистой поверхности. Он протянул к ним скрюченные пальцы. Ему почти удалось их схватить. Мертвый Адриан, казалось, улыбался со дна бассейна.

Альтман плыл все медленнее.

Его рот раскрылся в немом крике.

Тело застыло в студенистой массе.

Больше он не двигался.

Эпилог

Адриана Фога похоронили на территории уютного зеленого кладбища, раскинувшегося на одном из холмов Лагуна-Бин. В прозрачном голубом небе ярко сияло солнце. Воздух был ароматен и свеж. Внизу, в океанской бухте, рыбаки вытягивали сети.

Предполагалось, что на погребальную службу придет не больше сотни человек, но им пришлось потесниться, поскольку собралась толпа раз в десять больше. Среди приглашенных бок о бок стояли Армандо Фигероа и генеральный прокурор Лос-Анджелеса. Вокруг стояли местные богачи и знаменитости, явившиеся в сопровождении телохранителей. Но их было не слишком много. Большую часть толпы составляли обычные люди, в их числе — прибывшие из Юты, Аризоны и других отдаленных уголков Америки бедняки; они добирались сюда целыми семьями на древних, полуразвалившихся автомобилях, желая отдать последний долг доктору Фогу — единственному человеку, который когда-то заботился о них.

Церемония получилась очень трогательной. Когда все закончилось, Марион предложила Хлое поехать с ней во Францию, чтобы пожить там некоторое время. Девочка согласилась.

Отец Марион встретил их в аэропорту. Он вышел из больницы и чувствовал себя неплохо. Судя по всему, лечение прошло успешно. В течение нескольких дней он постоянно разговаривал с Хлоей, засыпая ее вопросами, в то время как Марион пришлось давать объяснения множеству людей, стремящихся узнать подробности «дела Альтмана», недавно получившего широкую огласку во всей Сети благодаря «Фейсбуку». Бумаги, которые она бросила в бассейн, были фальшивыми. Настоящие Марион передала в американский департамент общественного здоровья, предоставив экспертам разбираться в том, какую пользу можно из них извлечь.

Катрин Борман лично позвонила ей и предложила обсудить условия нового контракта.

— Я не прошу вас дать ответ немедленно, Марион, — прибавила она. — Я понимаю, что вам сейчас нужно отдохнуть. Но вы же знаете пословицу: «Куй железо, пока...»

— Да, мадам Борман.

— О, пожалуйста, зовите меня просто Катрин! Кстати, вы знаете о том, что после смерти Аарона Альтмана выплыло множество сомнительных

историй? Кажется, он имел отношение еще к одному делу, которое наделало много шума несколько лет назад. Эта операция ФБР носила кодовое название «Монстр». Речь шла об одном враче из Флориды, у которого пропали жена и сын... Наш канал обязательно будет делать репортаж на эту тему, и я хотела предложить вам за это взяться. Обещайте, что вы об этом подумаете!

Марион обещала.

Чуть позже, когда более-менее пришла в себя, она предложила Хлое показать ей Нотр-Дам и Отель-Дье.

Хлоя запрыгала от радости, размахивая фотоаппаратом.

Юность — несокрушимая сила...

Они доехали на метро до станции «Ситэ», купили букет на цветочном рынке и направились к собору. Толпа здесь была густой, как обычно.

Марион отпустила Хлою фотографировать — у нее было такое ощущение, что девочка решила запечатлеть каждый квадратный сантиметр исторического центра Парижа.

Сама же села на скамейку и вынула из кармана письмо. Последние слова, написанные Натаном, были предназначены только для нее.

Марион перечитала это письмо уже сотни раз. Она помнила его наизусть. Но ей хотелось перечитать его именно в этом месте. Она развернула сложенные листки и погрузилась в чтение.

Здравствуй, Марион.

После всего, что пережила, ты должна была бы меня возненавидеть. И оказалась бы совершенно права. Я даже не пытаюсь вымолить у тебя прощение. Я его не заслуживаю.

Но перед тем как умереть, открою тебе последнюю тайну.

Она ошеломит тебя и даже, может быть, причинит тебе боль.

В тот день, пятнадцать лет назад, когда тебя оперировал, я проник в самую глубь твоего существа. В твою сокровенную плоть. Я взял у тебя несколько яйцеклеток, чтобы получить возможность продолжать свои исследования. Это был безумный и эгоистичный поступок. Я никогда и ничем не смогу его загладить. Но я никак не воспользовался результатами.

Я увез эти замороженные клетки с собой в Америку, совершенно раздавленный ужасными последствиями своего вмешательства. Позже отец познакомил меня с Евангелиной. Но мне не удавалось тебя забыть. И тогда мне пришла в голову еще

одна безумная идея. Я заключил с Евой договор. У меня были деньги, связи и опыт, которые обеспечивали всю необходимую конфиденциальность. Из твоих и своих собственных клеток я создал эмбрион и попросил Еву стать суррогатной матерью. Она согласилась.

Марион.

У нас с тобой есть дочь.

Ее зовут Хлоя.

Я украл ее у тебя — точно также, как украл и многое другое. Сейчас Хлое тринадцать лет. Она чудесная. Она не знает ничего о нас. У нее впереди целая жизнь.

Итак, выбор ее будущего — за тобой.

Я растратил столько времени впустую. А ведь время — это самое ценное благо. Но, вместо того чтобы проводить его с теми, кого любим, мы тратим его на достижение каких-то абсурдных целей. И в конечном счете у нас не остается ничего. Несколько часов, оставшихся до смерти, едва хватает на то, чтобы написать прощальное письмо.

Мои враги так многочисленны. А ты такая хрупкая... И сам я полностью бессилен. У меня не было выбора — мне пришлось создать Троянца. Он твой противник и союзник одновременно. Я надеюсь, вместе вы найдете убийцу. Защитите Хлою. И в конечном итоге ты и твоя дочь наконец воссоединитесь.

Я догадываюсь, что, прочитав это письмо, ты примешь меня за сумасшедшего. И будешь права. Всё, что я сделал в этой жизни, пошло прахом. Мне казалось, что передо мной распахнуты дороги в великолепное будущее, но в конечном счете все они вновь и вновь возвращали меня к самому себе. Я постоянно обманывался. Я был слеп. Я сам разрушил свое счастье.

Мне остается лишь надеяться, что ты сохранишь в своем сердце воспоминание о молодом человеке, мечтателе и идеалисте, который когда-то подарил тебе звезду. Этот человек до сих пор здесь. Во мне.

Вот так, Марион. Это была моя последняя хирургическая операция. Самая сложная из всех — я попытался препарировать мою жизнь. Жизнь, которую мы с тобой могли бы прожить вместе...

Я прошу у тебя прощения. Я всегда буду тебя любить.

Натан

Марион сложила письмо и снова убрала его в карман.

В нескольких метрах от нее Хлоя остановилась в центре бронзового круга. Затем повернулась к Марион и помахала ей рукой. Марион улыбнулась, глядя, как девочка непрерывно щелкает фотоаппаратом.

Нулевой километр.

Точка отсчета, откуда все начинается.

Хлоя не могла этого видеть, но рядом с ней парили два призрака.

Молодой человек, прекрасный как бог, и девушка, замершая от счастья в его объятиях.

Они любили друг друга.

Они думали, что будут вместе навсегда.

— Третье желание! — торжественно произнес молодой человек.

Немного неловким движением он опустился на одно колено.

Он выглядел таким юным...

— Ты хотела пережить особенный момент, — продолжил Натан. — Что-то особенное. Чудо... Но я не могу сотворить его один. Поэтому считай это официальным предложением...

И протянул розу призраку девушки, юной студентки-медики.

Сердце Марион билось так сильно, что готово было разорваться.

— Я хочу, чтобы мы провели остаток нашей жизни вместе. Чтобы никогда не разлучались. Чтобы у нас был ребенок. Это ведь самое настоящее чудо — просто дух захватывает... Ты и я, навеки соединенные в одно... Наше общее творение...

Призрак глубоко вздохнул, прежде чем произнести заключительную фразу, в то время как Марион вытирала слезы, струившиеся по щекам.

— Третье желание: Марион Марш, ты хочешь выйти за меня замуж?

Музыка

Тем, кто хотел бы глубже проникнуться атмосферой романа «Единственный, кто знает», могу порекомендовать композиции рок-группы *Keane*, прежде всего — песню «Somewhere Only We Know», которая вдохновила меня на название книги, а также «We Might As Well Be Strangers», «My Shadow, You Don't See Me» и конечно же «Love Is The End». Ощущения, которые они порождают, позволяют проникнуть в самое сердце романа.

Благодарность автора

В США я должен прежде всего поблагодарить моих друзей Рича и Кэтти Тьюза, которые снова рассказывали мне замечательные истории и помогли открыть для себя Лагуна-Бич. Также выражаю огромную благодарность сотрудникам муниципалитета Лагуна-Бич, отделению ФБР в Лос-Анджелесе и полицейским службам Неаполя (штат Флорида) за теплый прием и полезную информацию — уже не в первый раз при работе над очередной книгой.

Во Франции благодарю моих друзей доктора Абади, доктора Шетбуна и доктора Мамана, хирургов, специализирующихся на операциях кисти руки, с которыми делю трудовые будни. Также я благодарен доктору Мириам Доби (настоящей скале среди житейских бурь!) и всей дружной ватаге клиники Конти — предупреждаю, многих из вас я включил в эту книгу. Спасибо и невероятному Мистеру Флэшу — моему брату в настоящей жизни.

Также благодарю Франсуазу Шаффанель, Ришара Дюкоссе, Франсис Эсменар и всю команду издательства «Альбин Мишель», мою «вторую семью», за то, что чудеса происходят вновь и вновь, год за годом.

Я прошу прощения у Микадо и Брауни — за то, что дал ваши замечательные прозвища героям своего романа. Также я позволил себе несколько вольностей относительно Отель-Дье — в частности, в том, что касается правил, связанных с помещением для дежурных врачей (на самом деле это не экстерны, а интерны не могут туда заходить без приглашения). Что касается нелегальной иммиграции в США, среди прочих материалов по теме я использовал превосходную статью журналиста Франсуа Отера под названием «США: повседневная драма нелегальной иммиграции», размещенную в Сети.

И наконец, огромное спасибо моему отцу, моей семье и моим близким, которые всегда меня поддерживали, а также моим собратьям по Лиге Воображения — Максиму Шаттаму, Оливье Декоссу, Эрику Джакомметти, Анри Левенбруку, Жаку Равенну, Лорану Скалезе, Франку Тийе, Бернару Верберу, Эрику Витцелю, так же как и «мастеру дзен» Гийому Мюссо. Вы лучшие из людей, ребята. Лучшие из людей.

Летиция, Марго, Жоффруа: я вас люблю, ваша душа присутствует в каждой моей строчке.

Нико, Зло, Хайа, Маэлле, Фредо и все остальные: я написал эту книгу

для вас. Мои читатели, мои сообщники, спасибо, что вы находите для меня место в вашей библиотеке и иногда — в вашей жизни. До скорой встречи на страницах новой книги... ну и в «Фейсбуке», конечно!

Хотите стать моим другом?

www.patrickbauwen.com

www.la-ldi.com

---

notes

Примечания

Во Франции на первый курс высших учебных заведений, как правило, зачисляют всех желающих, отсев начинается по результатам экзаменов после его завершения. — *Здесь и далее примечания переводчика (кроме оговоренных случаев).*

В оригинале игра слов: *rouse* означает «большой палец» и «Чур-чура!», «Больше не играю!» (возгласы в детских играх).

Драг-квин — исполнители, которые переодеваются в одежды противоположного пола.

Дефанс — современный деловой и жилой квартал в ближнем пригороде Парижа. Считается самым большим деловым центром Европы. Его также называют парижским Манхэттенom.

МРТ (магнитно-резонансная томография) — методика лучевой диагностики головного и спинного мозга и других внутренних органов.

6

Она скоро прибудет (*англ.*).

Следующий! (англ.)

«Тревога Амбер» — тревога, объявляемая в случае похищения ребенка. Названа так по имени девятилетней Амбер Хэгермен, которая была похищена и убита в тeхасском городе Арлингтон в 1996 году.

ViCAP (Violent Criminal Apprehension Program) — программа, разработанная ФБР, чтобы устанавливать авторов тех или иных преступлений путем поиска сходства между различными делами, как раскрытыми, так и нераскрытыми. — *Примеч. авт.*

IAFIS (Integrated Automated Fingerprint Identification System) — самая большая база биометрических данных во всем мире, созданная ФБР и включающая в себя отпечатки пальцев более 47 миллионов человек. — *Примеч. авт.*

Симона Синьоре (1921–1985) — известная французская актриса.

Монт-Сен-Мишель — небольшой остров у северо-западного побережья Франции, популярное туристическое место.

По материалам «Medicine, objectif 2035», P. Benkimon & coll., Ed. l'Arhipel. 2008; R Winslow «Matrix reloaded: doctors try new methods to regrow human tissue», The Wall Street Journal, 13 fev. 2007. — *Примеч. авт.*

DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency) — агентство научно-исследовательских проектов при министерстве обороны. — *Примеч. авт.*

Информация подлинная. — *Примеч. авт.*

Эхолалия — неконтролируемое повторение слов, услышанных в чужой речи.

Оригинальное название «Love Is The End».

Информация подлинная. Фриз-моб (freeze mob) или флэш-моб (flash mob) в крупных городах собирает от нескольких сотен до тысячи человек. — *Примеч. авт.*

Оригинальное название «Somewhere Only We Know».